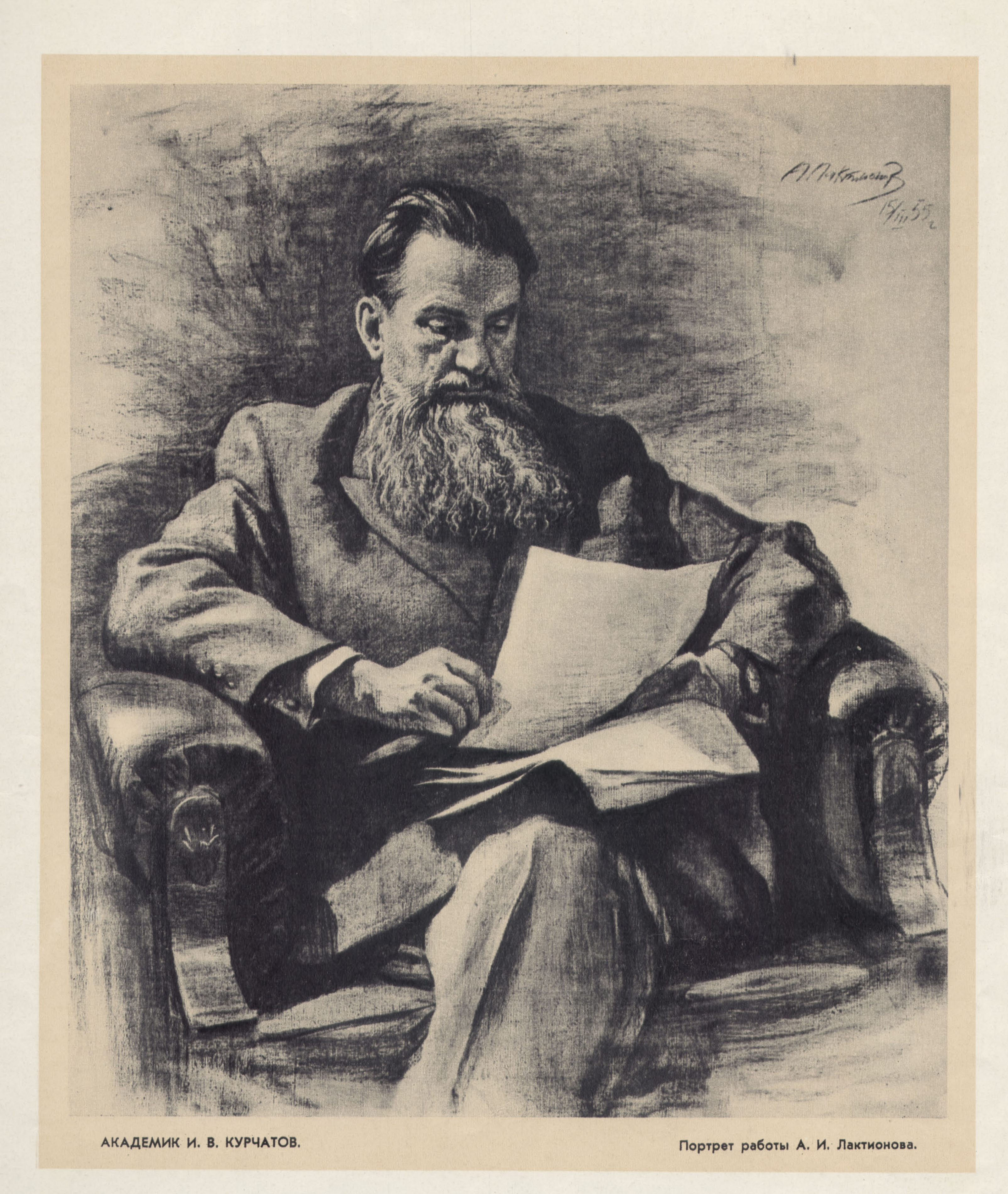

ОГОНЁК
№ 25 ИЮНЬ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

АКАДЕМИК И. В. КУРЧАТОВ.

Портрет работы А. И. Лактионова.

На первой странице обложки: Автоматическая линия на Московском заводе малолитражных автомобилей.
Фото А. Гостева и О. Кнорринга.

На последней странице обложки: Мы с дедушкой рисуем.
Фото В. Яковлева.

Тепло встретили гостей из ГДР москвичи, собравшиеся на Внуковском аэродроме. На снимке: Н. С. Хрущев, О. Гротеволь и В. Ульбрихт приветствуют трудящихся столицы.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 25 (1670)

14 ИЮНЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МЫ ИДЕМ ВМЕСТЕ, РУКА ОБ РУКУ

На нашей земле — дорогие гости из братской Германской Демократической Республики. Партийно-правительственная делегация ГДР, возглавляемая Первым секретарем ЦК СЕПГ Вальтером Ульбрихтом и Председателем Совета Министров ГДР Отто Гротеволем, привезла Советскому правительству и народу Советского Союза сердечный привет от правительства и трудящихся ГДР. Из года в год крепнут связи между СССР и ГДР.

Приветствуя гостей, Н. С. Хрущев сказал:

— Десять лет наши страны идут вместе, рука об руку, и в мирном строительстве и в борьбе за мир. Мы с гордостью можем сказать: наша дружба выдержала испытание временем.

В Кремле состоялась встреча руководителей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства с партийно-правительственной делегацией Германской Демократической Республики.

Фото М. САВИНА.

Среди семидесяти павильонов выделяется своей оригинальной конструкцией павильон «Радиоэлектроника».

ОКНО В НАШУ ЖИЗНЬ

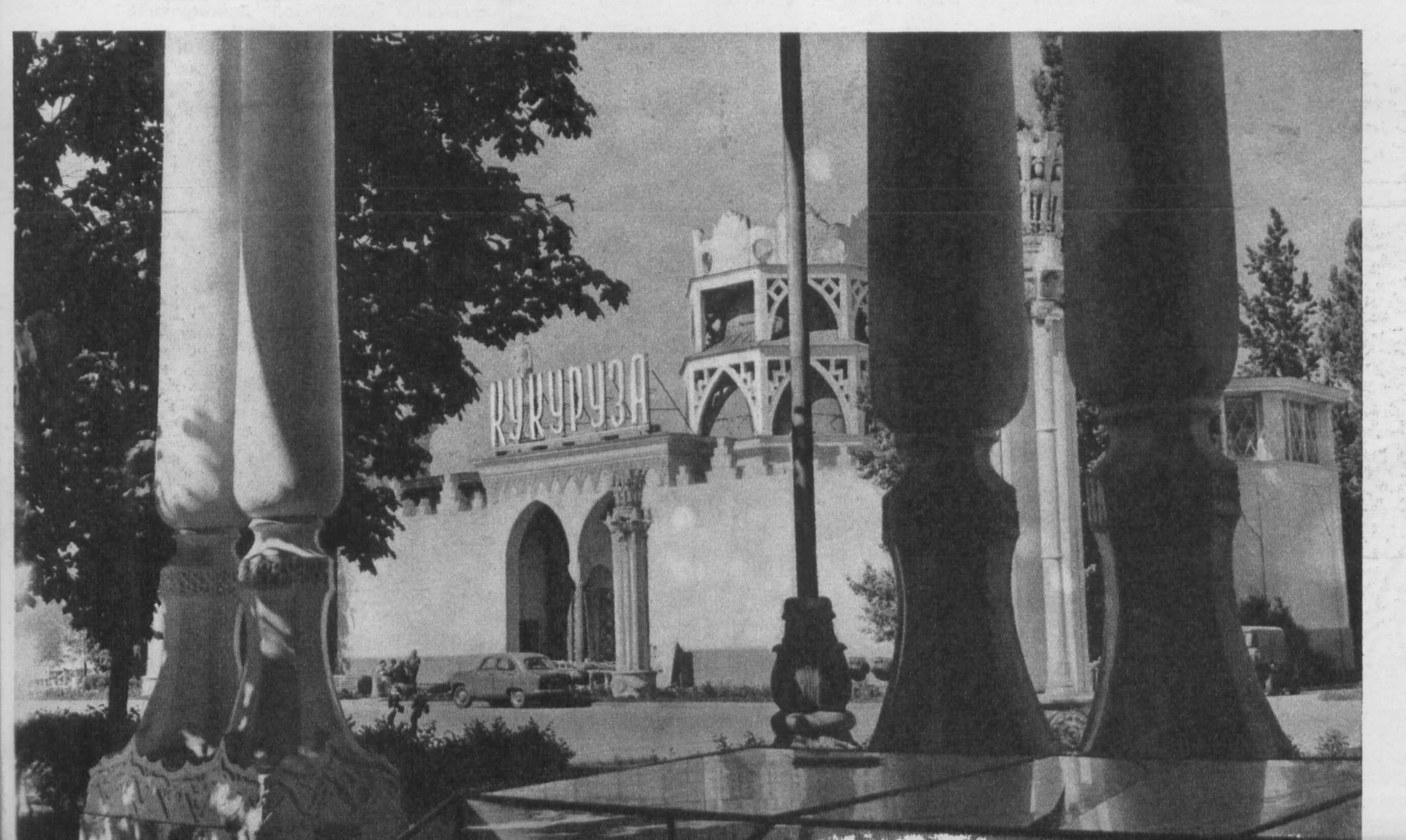
Б. БОГДАНОВ,

директор Выставки достижений народного хозяйства СССР

Новая Выставка достижений народного хозяйства СССР, которая откроется на днях, создана на базе бывших Всесоюзных промышленной, сельскохозяйственной и строительной выставок и отображает великие победы мирного труда советских людей. Претворение в жизнь решений XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза — вот то главное, что показывает выставка.

Среди многочисленных ее экспонатов более 16 тысяч машин, станков, приборов, аппаратов, которые демонстрируются в павильонах и на площадках. Каждый из них по-своему интересен и значителен.

Самый крупный раздел посвящен общесоюзным и республикан-

ОТ ПАВИЛЬОНА К ПАВИЛЬОНУ...

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Там, где пролегает троллейбусная трасса, на остановочных знаках поблескивали нанесенные свежей краской, еще непривычные четыре буквы: ВДНХ.

ВДНХ — так сокращенно называется новая Выставка достижений народного хозяйства СССР.

— Куда же мы пойдем? — улыбаясь, спросил экскурсовод.

С первого взгляда все казалось таким, каким было и в прошлые годы: густая зелень деревьев, яркие краски цветов, зеркальная гладь прудов, здания одно другого краше. Но стоило при-

←Кукурузе отведен специальный павильон.

ским павильонам; их двадцать восемь. Здесь показаны достижения и перспективы развития экономики, науки и культуры нашей страны. Вновь созданы павильоны «Советская книга», «Трудовые резервы», «Здравоохранение и медицинская промышленность», «Игрушка» и другие.

Посетители увидят в этом году в павильоне «Наука» экспозицию, посвященную запуску первой в мире советской космической ракеты, приборные контейнеры метеорологических ракет, поднимавшихся на высоту до 452 километров, и многое другое.

Такой важной теме, как использование атомной энергии в мирных целях, отводятся два павильона. Внимание привлекает макет большой советской установки «Альфа» для исследования возможности получения управляемых термоядерных реакций. Интересны также экспонаты, рассказывающие о мощной атомной машине — синхрофазотроне.

Восемнадцать павильонов занимает раздел промышленности и транспорта, где демонстрируются 3 600 различных машин, станков, приборов, моделей, макетов. Экспозиция этого раздела — яркая иллюстрация к тем вопросам, которые будут обсуждаться на предстоящем Пленуме ЦК КПСС.

Невозможно рассказать о множестве интересных и уникальных экспонатов, рисующих величие и мощь социалистической индустрии. Все же хочется упомянуть о новом павильоне—«Радиоэлектроника», где особенно наглядно видна выдающаяся роль нашей науки в развитии народного хозяйства. В павильоне «Электрификация СССР» установлена большая электродинамическая озвученная карта Советского Союза, показывающая все, что сделано в нашей стране по развитию энергетики и что предусмотрено сделать по семилетнему плану. А невдалеке от карты стоит действующий макет Красноярской ГЭС.

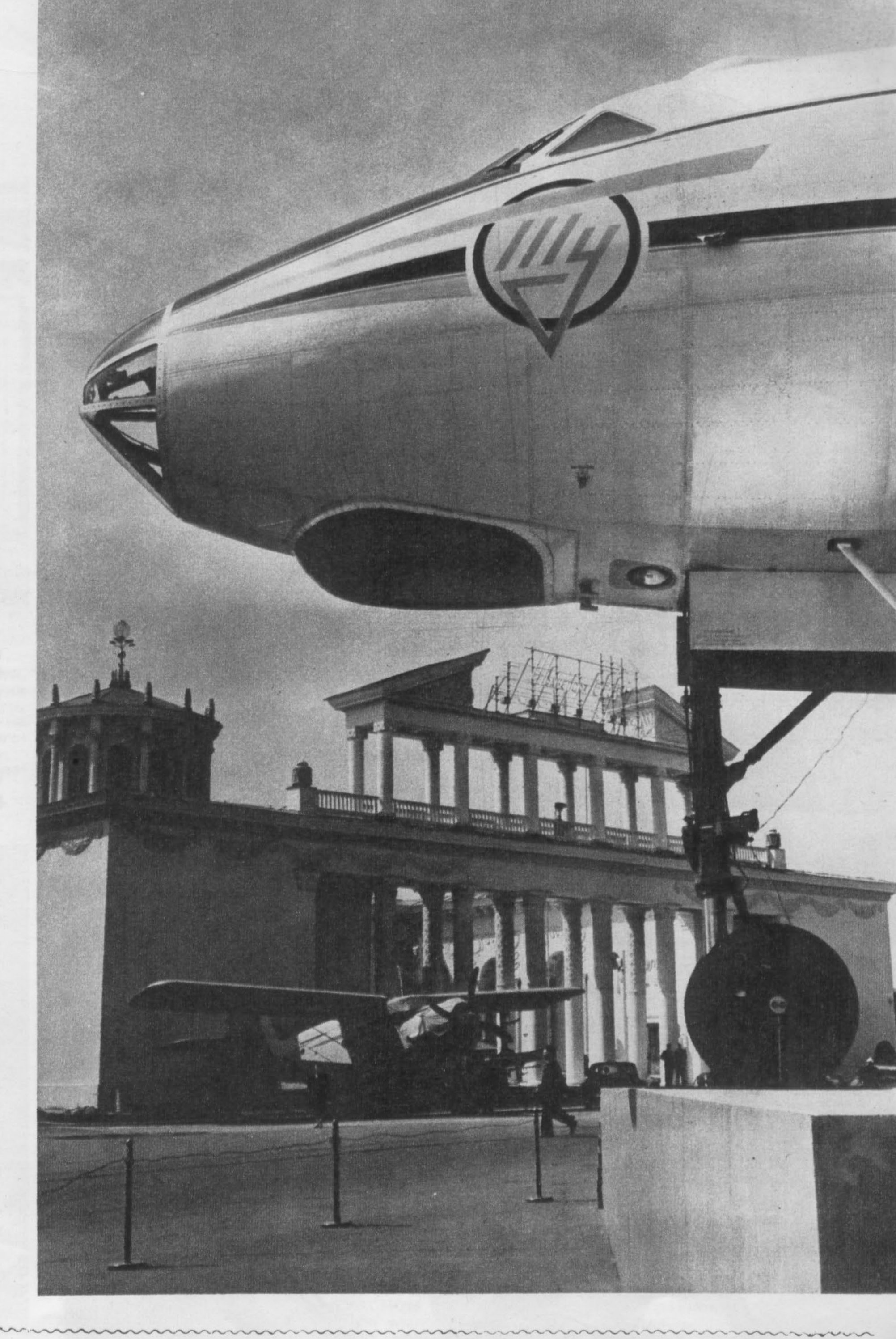
Во многих павильонах представлены товары широкого потребления: красивая обувь, элегантные женские шубки, изящные костюмы и платья, модные ткани и многое другое.

Двадцать два павильона отведены сельскому хозяйству. Во вновь созданном павильоне «Земледелие» пропагандируется рациональная, научно обоснованная система ведения сельского хозяйства.

Новая выставка — всенародный университет. Этим летом здесь будет проведено более 1 400 лекций, консультаций, семинаров, научно-технических конференций. Со всех концов страны приедут сюда экскурсанты.

Утверждено положение об участниках выставки. Свои достижения смогут демонстрировать предприятия, колхозы, совхозы, строительные организации, институты, школы, рабочие, колхозники, изобретатели, новаторы, ученые. Участникам выставки будут присуждаться дипломы, медали и премии.

Выставка станет университетом передового опыта, передовой технической мысли, пропагандистом всего лучшего, прогрессивного, способствующего дальнейшему расцвету нашей Родины.

На площади Промышленности. →

смотреться пристальнее ко всему тому, что нас окружало, и сказочный сад с его дворцами возникал как чудесное неведомое явление. И я все чаще спрашивал у спутника:

— А это что такое?

— Новая выставка,— отвечал он профессиональным языком,— занимает территорию площадью в двести одиннадцать гектаров, на которых размещены триста пятнадцать различных сооружений. В день ее открытия распахнутся двери более семидесяти павильонов, из которых восемнадцать созданы заново.

Перед нами был павильон «Транспорт СССР». На крыше возвышаются два радиомаяка, в центре фасада установлена телекамера. Она передает в один из залов, где стоит аппаратура, все то, что происходит на площади. Такой аппаратурой пользуются железнодорожные диспетчеры.

Слышали ли вы о кибернетическом светофоре? Посмотрите на него. Он действует по принципу наибольшей интенсивности движения: автоматически дает «зеленую улицу» той стороне перекрестка, где скопилось больше машин. Такой «инспектор ОРУД» понравится не только пассажирам, но и шоферам.

Мы вышли на площадь Промышленности. Нас окружают павильоны-дворцы. Один из них выделяется среди других и, словно созданный из драгоценного камня, блестит в лучах яркого солнца. Это павильон «Радиоэлектроника». Он сооружен из дюралюминия и стекла.

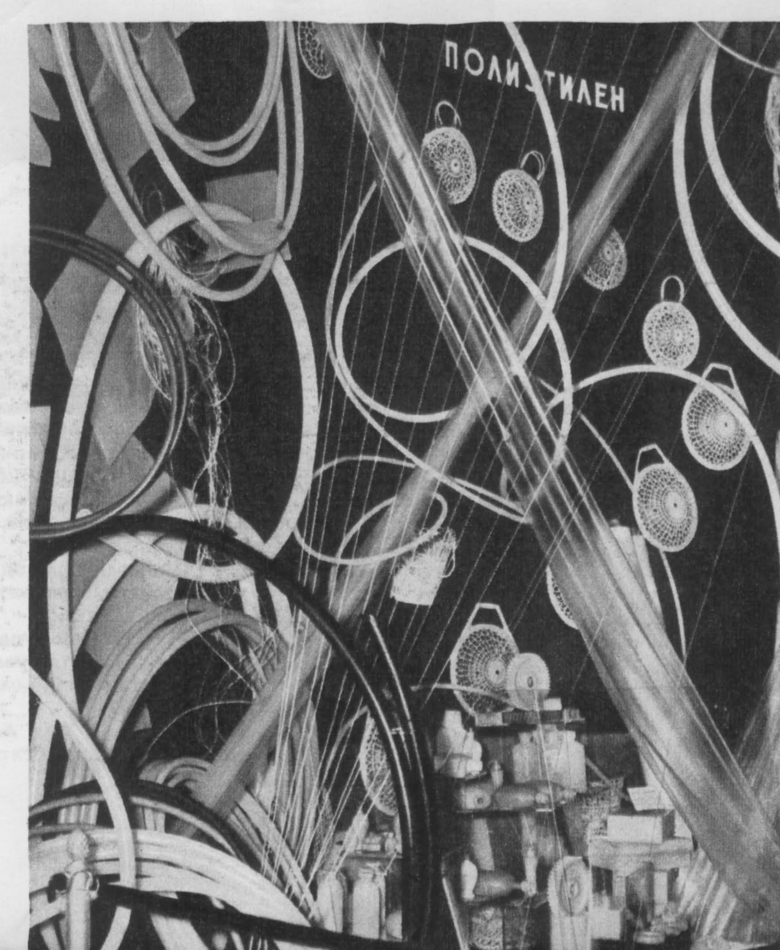
— Фасад здания,— рассказывают авторы проекта архитекторы В. М. Голштейн и И. М. Шошенский,— длиной в пятьдесят метров и высотой в семнадцать метров собран из больших панелей, состоящих из штампованных алюминиевых линз. Вес каждой из них — всего два с половиной килограмма. Вес такой же по размеру каменной стены превышает четыреста килограммов. Все здание изготовлено на заводе и смонтировано на месте.

Первый опыт строительства павильона из алюминия оказался удачным. Мы еще и еще раз любуемся благородными формами этого сказочного дворца, который издали кажется повисшим в воздухе. Перед его фасадом взметнулась на шестьдесят метров ввысь антенна для цветного телевидения.

Есть на ВДНХ павильон, который привлечет к себе книголюбов. На нем сияют слова «Советская книга». Каждую минуту в Советском Союзе издается две тысячи книг. Вы любуетесь лучшими по оформлению книгами, изданными в нашей стране в 1958 году. Вы видите, как работает электрогравировальный автомат, получивший золотую медаль в Брюсселе, и прославленная ленинградская наборная машина...

Долго ходили мы с экскурсоводом по павильонам ВДНХ, но всех семидесяти сразу обойти не смогли. Еще много раз приходилось спрашивать спутника: «А что это такое?» — и заносить в записную книжку сведения то о хлопке и кукурузе, то о миниатюрных автопогрузчиках Львовского завода, ласково названных «Малятко». Все ярче и величественнее представала перед нами могучая социалистическая держава с ее высокоразвитой промышленностью, крупным сельским хозяйством.

Мы шли по благоухающему саду: на ВДНХ более пятидесяти тысяч деревьев, свыше полумиллиона кустарников и три миллиона чудесных цветов...

→ Все это сделано из синтетических материалов.

Венгерские пионерки преподносят цветы Н. С. Хрущеву.

Будапешт. На снимке (справа налево): Н. С. Хрущев, Янош Кадар, Ференц Мюнних.

Горячие приветствия, добрые пожелания

Находившийся в Венгрии с неофициальным визитом Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев совершил по приглашению ЦК Венгерской социалистической рабочей партии и венгерского правительства прогулку по Дунаю на пароходе «Сабадшаг». Жители венгерской столицы тепло приветствовали прибывшего на пристань советского гостя и сопровождавших его Первого секретаря ЦК ВСРП Яноша Кадара, Председателя Совета Министров ВНР Ференца Мюнниха, членов Политбюро ЦК ВСРП Антала Апро, Дьердя Марошана, Йене Фока, Миклоша Шомоди, Лайоша Фехера.

...Остались за кормой пригороды Будапешта, пароход идет курсом на Вишеград, где гости осмотрели экспонаты, рассказывающие об историческом прошлом страны.

В день отлета на Родину сотни людей провожали главу советского правительства на Ферихедьском аэродроме. Напутствуемые добрыми пожеланиями, Н. С. Хрущев и Р. Я. Малиновский поднимаются на борт «ТУ-104», который берет курс на Москву...

А. НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька».

ТРУДОВЫЕ РУКИ РЕСПУБЛИКИ

Г. ГУРКОВ

В парткоме Лейпцигского завода полиграфических машин — небольшой комнатке, в которой всегда шумно, всегда полно людей,— мне бросилась в глаза висевшая на стене карта мира. Из точки, где находится Лейпциг, голубые линии устремлялись в разные стороны, в разные уголки земного шара.

— Туда идет наша продукция,— перехватив мой взгляд, пояснил секретарь парторганизации Герхард Видеман.— Смотрите, машины из Лейпцига работают в Москве и Джакарте, в Лондоне и Каире, в Пекине и Дели... И нигде на них не жалуются...

Да, промышленные изделия с клеймом «Сделано в ГДР» давно уже завоевали широкую популярность во всем мире. Кому не известны знаменитые немецкие оптические приборы, выпущенные замечательными мастерами с заводов «Карл Цейс» в Иене, станки-автоматы из Магдебурга, электроаппаратура из Берлина, искусственные материалы, созданные на химических предприятиях ГДР!

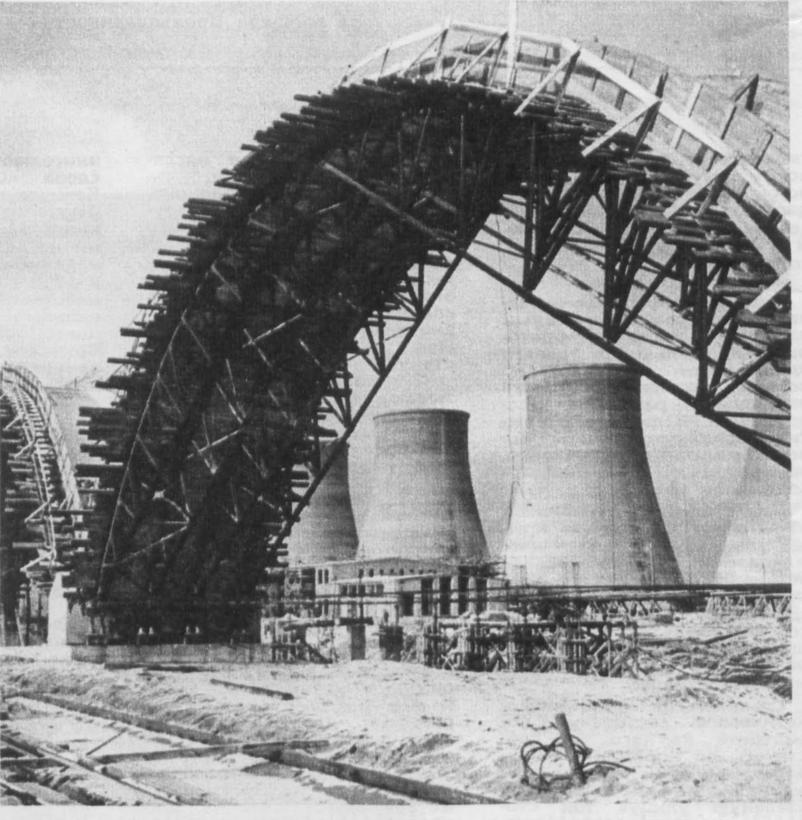
Годы народной власти — это период грандиозного экономического подъема в Германской Демократической Республике. По уровню промышленного развития ГДР сейчас прочно занимает пятое место в Европе и восьмое в мире. Шахтеры республики дают на-гора́ столько же бурого угля, сколько его добывают во всех остальных странах земного шара. В молодом государстве производится электроэнергии больше, чем в Бельгии, Голландии, Дании и Финляндии, вместе взятых, а машиностроительные заводы выпускают станков столько же, сколько все предприятия Франции и Швейцарии.

Страной прилежных рук называют Германскую Демократическую Республику. От побережья Балтийского моря до Тюрингенского леса, от живописных гор Гарца до Одера—всюду идет работа, идет большая стройка. На севере, в Ростоке, сооружается огромный порт — морские ворота республики. В Лужицкой области, между городами Шпремберг и Хойерсверда, в степи возникает гигантский буроугольный комбинат «Шварце пумпе». После окончания строительства он будет крупнейшим в мире. В Люббенау уже подымаются ввысь трубы теплоэлектростанции, равных ей по мощности нет в Европе.

Демократическое германское государство развивает свою экономику в братском сотрудничестве со всеми социалистическими странами, помогая друг другу, опираясь на опыт друг друга.

Горячие, жадные до работы руки у тружеников Германской Демократической Республики! И сколько бы ни злобствовали близорукие западные политики, сколько бы ни твердили они о «непризнании» ГДР, первое в истории Германии рабоче-крестьянское государство, форпост социалистического лагеря на Западе, растет и крепнет день ото дня.

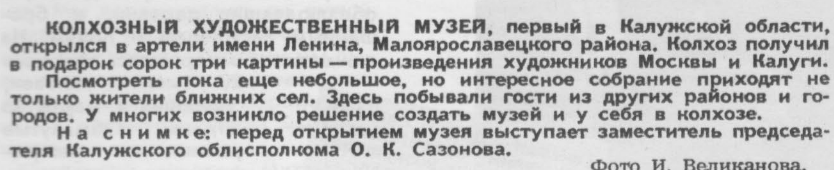
Лейпциг.

Буроугольный комбинат «Шварце пумпе», гордость рабочего класса ГДР, уже дал первую продукцию.

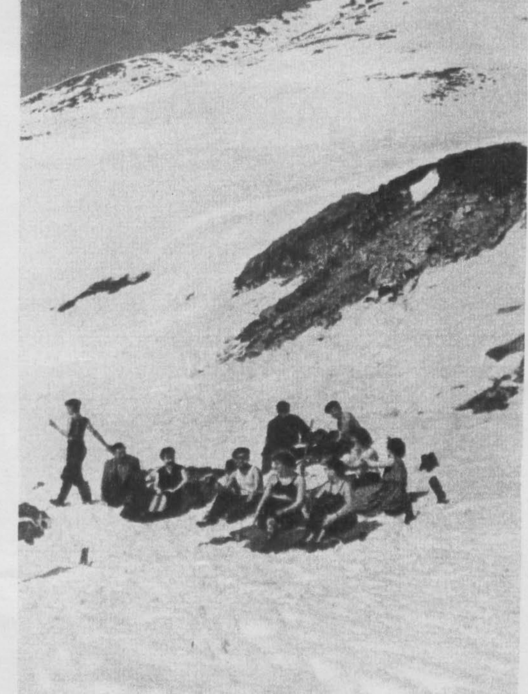

КОЛХОЗНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ, первый в Калужской области, открылся в артели имени Ленина, Малоярославецкого района. Колхоз получил в подарок сорок три картины — произведения художников Москвы и Калуги.

Посмотреть пока еще небольшое, но интересное собрание приходят не только жители ближних сел. Здесь побывали гости из других районов и городов. У многих возникло решение создать музей и у себя в колхозе.

На снимке: перед открытием музея выступает заместитель председателя Калужского облисполкома О. К. Сазонова.

Фото И. Великанова.

НАЧАЛОСЬ ЛЕТО И НА ЧУКОТКЕ. Так выглядит арктический солярий в заливе Креста.

Фото В. Гроховского.

В МОСКОВСКОМ ДЕТСКОМ ПАРОХОДСТВЕ открылась навигация. Здесь школьники столицы знакомятся с техникой речного транспорта.

На снимке: начальник детского пароходства В. М. Фомичев вручает Лене Денисовой награду за отличную учебу и успешные занятия в речном флоте.

Фото Г. Санько.

ПЕРВЫЙ ФИЛЬМ ЛЮБИТЕЛЬСКОЙ КИНОСТУДИИ ПРИ ДВОРЦЕ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ АРТЕМА В КРАСНОМ ЛИМАНЕ посвящен соревнованию железнодорожников за достойное выполнение семилетнего плана.

Сейчас кинолюбители готовят новый фильм-о работе своих товарищей.

На снимке: бригадир цеха токов высокой частоты паровозного депо В. Марков, сотрудник Дворца культуры В. Корабельников и заместитель секретаря партийного комитета депо В. Усенко снимают панораму Краснолиманского узла.

Фото Б. Аксельрада.

«Огонек» в университете культуры

Всего несколько месяцев существует университет культуры в подмосковном городе Балашихе. Сотни слушателей дважды в месяц приходят сюда на занятия, посвященные искусству, литературе, музыке, послушать научную лекцию. В университете выступала делегат XXI съезда КПСС передовая ткачиха суконной фабрики О. Г. Перепелица. Здесь слушали сообщения о проблемах межпланетных полетов, о брюссельской всемирной выставке. В Балашихинском университете побывали создатели современных воздушных лайнеров, творцы кинофильмов и выдающиеся мастера театрального искусства.

Недавно один субботний вечер в Балашихинском университете культуры был посвящен журналу «Огонек». Группа огоньковцев рассказала о работе журнала, ознакомила аудиторию с путевыми впечатлениями очеркистов.

В ту же субботу на сцене балашихинского клуба выступили известные певцы: Мария Звездина, Вероника Борисенко, Юрий Галкин, Артур Эйзен, скрипач Александр Лабко.

Г. СИМАКИН

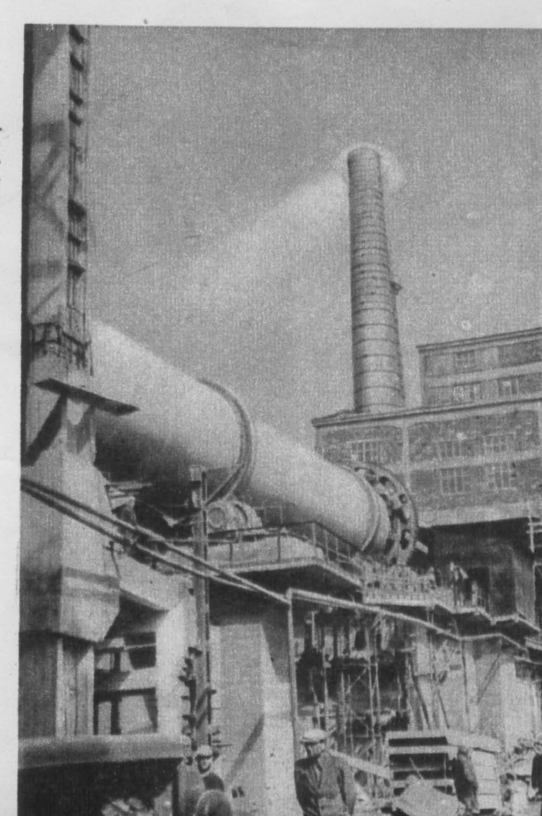
В зале балашихинского клуба.

Фото Л. Курского.

ШЕСТАЯ ВРАЩАЮЩАЯСЯ ПЕЧЬ НОВЕЙШЕЙ КОНСТРУКЦИИ выстроена на цементном заводе «Пролетарий» в Новороссийске. Новая печь в отличие от старых смонтирована не в помещении, а на открытом воздухе. Это улучшает условия труда рабочих.

На снимке: вращающаяся печь № 6 перед пуском.

Фото И. Зайцева.

Генерал Дауд Сальман от имени правительства встречает возвращающихся шаммаров.

Ярослав БОУЧЕК,
чехословацкий журналист

Мы сидели в небольшой комнате иракского пограничного пункта Телл Суфук, затерявшегося в песках пустынной степи Джезира, раскинувшейся между Тигром и Евфратом. Вместе со мной расположился один из шейхов племени шаммар, Саад Абу Тейт, и несколько его людей, подполковник Исмаил Абуд из мосульского гарнизона и отделение солдат. Только вчера шейх Саад Абу Тейт вручил охранные грамоты 300 человекам племени. Их приняли Мавали, Сауд аль-Молла и Рашид Табан. Они должны были привести за собой целое племя вместе со всем его имуществом: верблюдами, скотом, палатками и другим скарбом.

То, что мне пришлось наблюдать, произошло на пятый день возвращения шаммаров домой, в обезлюдевшие деревни, к брошенным пастбищам и полям. На моих глазах завершалась трагедия 20 тысяч человек, ушедших в марте из страны. Обманутые реакционно настроенными шейхами, они приняли активное участие в контрреволюционном мятеже в Мосуле, начавшемся 8 марта. Когда провал мятежа стал очевиден, те же шейхи увели с собой все племя за границу. Но там им было совсем не сладко. Да и обман очень скоро вскрылся. Многие рядовые члены племени поняли, что они стали жертвой реакционных наемников. Поэтому как только

ШАММАРЫ ВОЗВРАЩА

«Опять дома!». Шаммарские женщины рады возвращению.

правительство Касема объявило о разрешении шаммарам вернуться домой и гарантировало им безопасность, они с радостью начали возвращаться. На пятый день 16 тысяч уже пересекли границу.

...Дул «хамсин» — горячий ветер аравийских пустынь, и мы то и дело кутали головы в накинутые на плечи одеяла. Но вот из облаков песка и пыли показались первые группы людей. Шли мужчины с винтовками за плечами, а рядом степенно вышагивали верблюды, небольшие отары овец, устало брели женщины и дети.

На моих глазах рассеивался густой туман лжи вокруг этих, в массе своей честных людей. Некоторые арабские газеты называли убежавших шаммаров «арабскими националистами» и даже «идейными революционерами». 12 апреля эти газеты опубликовали заявление главного шейха шаммаров Ахмеда Адшилла аль-Яввара.

«Мы,— говорил он за них,— готовы пожертвовать наши жизни во имя того, чтобы изгнать из Ирака Касема и коммунистов».

Но мои беседы с рядовыми шаммарами показали другое. Все они, как и их соплеменники, полукочевники. Как и подавляющее

большинство шаммаров, они живут в страшной нищете и невежестве. И, конечно, их положение было не лучше оттого, что некоторые шаммарские шейхи имеют в Мосуле великолепные виллы и ездят в американских машинах последних моделей.

Трагедия этих людей началась 8 марта, когда по приказу Ахмеда Адшилла несколько сотен вооруженных шаммаров поддержали мятеж полковника Шаввафа в Мосуле. А после бесславного конца этого мятежа они поверили тому же Ахмеду Адшилла, что правительство Касема обрушит на них репрессии, и в панике бежали, захватив с собой более ста тысяч голов скота.

— На чужбине жизнь для нас была нелегка. Не хватало пищи для людей и корма для скота. Хозяева пастбищ даже стреляли в нас. Мы передвигались по чужой земле, но нигде не могли найти себе пристанища. Поэтому мы были очень рады, когда узнали, что Абдель Керим Касем обратился к нам с призывом, чтобы мы вернулись.

Сказавший мне это — Мухаммед Ахмед Шануфи, один из немногих возвращавшихся, кто умел читать. Он вытащил из своего длиннополого плаща замусоленную желтую листовку и, вероятно, в который уже раз перечитал ее с видимым удовлетворением.

...В этот вечер в шаммарском селе Бaадж было славное угощение. Зарезали 30 баранов.

В село приехали командующий Северным округом генерал Дауд Сальман аль-Дженаби, губернатор, представители жителей Мосула.

Один из шаммарских шейхов, бывших на празднестве, сказал мне:

— Это Ахмед Адшилл виноват в наших несчастьях. Он принял решение об участии в заговоре единолично, не думая об интересах племени. Мы отказываемся от него и отныне своим шейхом считаем Мишаан аль-Файсала.

Мне удалось побеседовать и с ним. Мишаан аль-Файсал с самого начала был против антиправительственной деятельности Ахмеда Адшилла. Теперь он активно сотрудничает с республиканскими властями в деле возвращения своих соплеменников в Ирак.

Говорят, что 250 тысяч гектаров земли, принадлежавших Ахмеду Адшиллу, будут конфискованы, и она будет поделена между безземельными и малоземельными шаммарами.

— Мы, конечно, не против! — сказал шейх Мишаан аль-Файсал и улыбнулся.

Ирак.

Семья шаммаров переходит границу.

Пустынная степь — родина шаммаров.

Заседают старейшины племени шаммар. Второй справа в первом ряду — новый главный шейх племени Мишаан аль-Файсал.

Страницы из биографии детского платья

Вл. РУДИМ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

В зеленом зале

Да, и у детского платья есть своя биография. Со своими радостями, огорчениями и даже драмами. Биография настолько обширная, что всю ее охватить очень трудно. Поэтому мы ознакомим вас лишь с несколькими страницами.

...Москва, Кузнецкий мост. В Зеленом зале Дома моделей идет просмотр новых образцов детского платья. Для крошек и для подростков, для мальчиков и девочек. Демонстрируются легкие, изящные платьица, так называемые нарядные и так называемые простые, которые тоже по-своему нарядны.

Мой сосед-швейник ахал, восхищался и, побуждаемый желанием излить свои чувства, то и дело поворачивался ко мне. Когда же были показаны костюмчики-ансамбли, состоящие из трех частей,— тройки,— сосед дал им высшую оценку:

— За такую тройку нужно ставить пятерку!

Однако в этом зале можно услышать не только восторги.

Член художественного совета Дома моделей А. В. Штурмакевич сказала:

— Вы заметили, здесь нет ни одного представителя текстильщиков. Обычное явление, к сожалению. Мы утвердим модели, дадим их на швейные фабрики, и потом уж раздастся голос текстильщиков: «А мы такую ткань вырабатывать не будем». Вот и пропадет значительная доля трудов художников-модельеров. А ведь они создают за год около тысячи двухсот образцов детского платья.

О брюках-одиночках и их друзьях по несчастью

Если у вас богатая фантазия, то представьте себе такое необычное событие: конференцию детских швейных изделий-неудачников.

Зал заполнили всевозможных размеров платьица, костюмчики. Одни сидели тихо, другие о чем-то деловито беседовали, одни были спокойных цветов, окраска других резала глаза. Как во всем этом разобраться?

Мне повезло: я встретил гида. Мы сразу нашли общий язык и перешли на «ты». Вот какой разговор произошел между нами.

— Ты кто и откуда? — спросил я.

— Я брюки-одиночки с фабрики № 19.

— Что это означает: брюки-одиночки?

— Разве ты не знаешь? Это такой торговый термин для брюк, продающихся отдельно, без пиджака. Только сперва я вовсе не был одиночкой, а был тройкой: куртка, блуза и брюки. Мы все трое родились в Доме моделей под номером Д1152. Меня создали из шерсти, а блузу — из штапельной ткани в полоску. Но фабрика заменила материалы, и наша тройка распалась. Ты читать умеешь? Вот прочти, что написано про нас в акте, составленном швейной базой.

Гид «вынул» из кармана бумажку. Я прочел: «Вместо ансамбля получились три вещи, оторванные друг от друга». Кроме того, в акте было написано: «При наличии большого количества новых, заказанных торговыми организациями моделей фабрика продолжает пошивать платья в незаказанных моделях, неправильно применяет ткани к ряду моделей, допускает отклонения от образцов, утвержденных художественным советом».

К нам «подошло» шелковое платье с ярлычком: «Подростковое, Ф-12». Оно тоже «протянуло» акт: «Фабрика № 14 пошивает платья из шелковой ткани в незаказанной модели Ф-12, не пользующейся спросом; магазины отказываются выбирать свои фонды по шелку».

Брюки-одиночки, заметив мой интерес к актам, махнули штаниной, и нас окружила целая толпа платьев, брюк, блузочек, пальтишек с актами на завод № 11, фабрику № 24...

Покончив с актами, мы пошли по залу, который наполнялся все новыми посетителями. Так мы познакомились с костюмчиками завода №.11, которые «потеряли товарный вид», с пеленкой, которая жаловалась:

— Посмотрите на мою ширину — всего шестьдесят семь сантиметров. Разве завернешь в меня ребенка? Такой делает меня «Трехгорка». Как не позавидовать моим рижским сестрам: у них ширина восемьдесят — девяносто сантиметров!

Вскоре после этого я побывал на московской швейной фабрике № 19. Это — крупное предприятие, и, может быть, поэтому его чаще других и хвалят и ругают: ведь продукция велика. О недостатках уже сказано выше. Ну, а хорошее? Вот оно: юбки с плиссировкой (раньше были только в складку), целый хоровод платьев с отделкой. Особенно радуют глаз новые модели платьев из поплина — просто и красиво, ничего лишнего, как в цветке.

Да, фабрике, несмотря на недостатки, есть чем порадовать детвору, есть полная возможность угодить новинками, как говорит директор М. М. Фокина, на три вкуса: матери, отца и ребенка.

Но скажем сразу: этих новинок, к сожалению, не будет хватать. Спрос так велик, что за ним пока не поспевают. Изменить положение смогут только максимальные усилия как самих швейников, так и текстильщиков, химиков, машиностроителей. От них ждут прочных красителей, высокопроизводительных швейных машин, хороших и разнообразных тканей.

Расписание или распределение?

То, что происходит сегодня в клубе Трехгорной мануфактуры, называется расписанием тканей.

Текстильщики представили образцы тканей на ближайшее полугодие, а швейники, работники магазинов и торговых баз должны дать заявки: этой ткани нужно столько-то, той столько-то, а такую-то не возьмем: она не найдет сбыта, можете ее не выпускать вовсе.

Главный инженер фабрики № 14 Людмила Ивановна Тарасова опытным взором окинула радужный водопад десятков тканей и разочарованно сказала:

— Ни одной детской! Ни единой! Зачем же нас приглашали?

И товарищи с детских швейных фабрик демонстративно покинули зал.

Через день происходило «расписание шерстей» на Ростокинской камвольно-отделочной фабрике. И здесь тоже кипение страстей. Руководивший расписанием товаровед М. Е. Афанасьев то и дело произносил:

— Это не расписание, а распределение!

Его реплика относилась к Брянскому и Монинскому комбинатам.

— Дайте не один — два цвета, а целую гамму цветов! — справедливо требовала Е. И. Никитина из Росторгодежды.

И вот ответ поставщика — главного инженера Монинского комбината А. И. Голода: «Потребитель доволен, а все, что вы тут требуете, надумано вами».

Репка будет вытянута

Один из швейников сказал мне: недавно к нам приезжали коллеги из Чехословакии. И, между прочим, они удивились, что у нас шьют (и много!) шерстяные платьица для девочек до трех лет.

— Вы очень богаты! — сказали гости.

Да, наша страна очень богата. В том числе богата и шерстяными тканями. Но надо ли шить из шерсти костюмы и платья для малышей, которые быстро растут и еще быстрее изнашивают одежду? Мы располагаем большими возможностями для того, чтобы одевать детей хорошо. И сделано здесь немало, особенно после постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «Об увеличении производства, расширении ассортимента и улучшении качества детской одежды и обуви».

Однако, как говорят, почивать на лаврах рано.

Детские модели создаются во многих организациях, во многих городах, но эти усилия никто не координирует, образцы моделей никто не систематизирует, и поэтому нередко время и усилия тратятся понапрасну: в Москве и, скажем, Львове появляются близнецы. Может быть, следует создать Дом детской модели, который объединял бы все эти усилия. А пока детскими швейными изделиями почти все занимаются «по совместительству».

К участию в создании новой одежды непременно нужно привлекать и текстильщиков.

Наконец, самое главное: выпуск тканей для детской одежды, за исключением шерсти, не планируется. Слышите, товарищи из Госплана СССР, товарищи из совнархозов? От вас зависит очень многое, чтобы порадовать и ребят и их родителей.

До сих пор, рассказывали мне швейники, нет специальной ткани для детских костюмов. Они шьются из заменителей; для малышей — из гаруса, для школьного возраста — из репса. Наконец была создана детская костюмная ткань — пестротканое трико, артикул 693. Его начал выпускать Егорьевский хлопчатобумажный комбинат. Но в текущем году комбинат переключили на штапель, трико сняли с производства, а на другие комбинаты заказ не передали.

На этом, пожалуй, можно и закончить последнюю страничку из биографии детского платья. Как видите, к ней причастно много дядей и тетей. Они уже немало потрудились, но предстоит сделать еще больше. Тут нужны дружные усилия всех. И если все возьмутся как следует за свое дело и друг за дружку, словно в сказке о том, как тянули репку, то эта «репка» — детское швейное изделие — будет успешно вытянута!

В предгорьях Копет-Дага.

Фото Д. Ухтомского.

Река Озерна. Московская область.
Фото В. Тюкнеля.

Георгий **ЛЕОНИДЗЕ**

Гравюры на дереве
Ф. КОНСТАНТИНОВА.

Из лирической поэмы

КАХЕТИНСКИЕ РАССВЕТЫ

Колыбель мою качая,
Осыпая цвет миндальный,
Веет легкий ветер мая
Над землею беспечальной.
Вот мое Патардзеули,
Вот село мое родное!
Богатейших красок розы
Сберегаю для него я.
Все, что дорого и свято,
Вижу вновь в цветном уборе:
Землю, что вспахал когда-то,
Отчий дом и старый дворик.
Пшата тень его покрыла,
Тени тучек сизокрылых.
О мечта любви забытой,
Не забытой — незабвенной!
Ты стоишь, плющом обвита,
Как алтарь любви священный!
А вдали, на склонах горных,
В легкой дымке предрассветной,
Вереницы бастионов,
Неприступных, непокорных,
Кровью предков окропленных...
Там герои меч заветный
И во сне в руках сжимали,
Грудью там врага встречали,
Грозной силой, тверже стали...

Уходить отсюда мне ли?
Здесь найду я исцеленье,
Здесь Арсен Икалтоэли [1]
Пусть возьмет меня в ученье.
На полотнах Пиросмани [2]
Я укроюсь в гроздьях черных.
Предо мной, как прежде, встанет
Ряд имен знакомых, гордых.

Сердце! Все тебе отрадно,
Здесь твое родное лоно.
Вновь, воспетый Александром [3],
Стонет кипарис зеленый.
Запевает отрок милый
Песню о холмах Кварели [4]...

В ней герой с бесстрашной силой
Снова встал из колыбели.
Не уйду вовек теперь я,
Здесь настигну, вот вам слово,
Соловья в червонных перьях
И оленя золотого!

Как чудесны утром ранним
Прииорские дубравы!
На просторах Алазани
В сердце снова жажда славы!
Вновь кипенье в сердце этом,
И готов я стать поэтом...

Кто джейрана заарканит?
Он в простор Ширакской степи
Мчится вихрем. В сердце трепет,—
Не догнать его стихами.
Скорбь об этом сердце ранит.
Алазани — хвост фазаний,
Сок фиалковый — Иори,
И струится, словно пламя,
У оленей стих во взоре!

Брызжет радуга сквозь тучи,
Тучи небо рвут когтями,
Под скалой родник кипучий
Дарит землю жемчугами...
Из сосцов горы Сперозы
Сок ручьи в себя впитали;
Разомкнув свои объятья,
Разметав по склонам косы
И серебряные платья
Приподняв, несутся в дали...

Вон от купола Борбало
Рек потоки синеваты
Вниз с весельем небывалым
Принесли оброк богатый.
Окроплен водой прохладной,
Я крестился в их купели,
Чтобы в песне водопадной
Соловьи залились трелью.
В бездну синевы небесной
Взор глядит хрусталеокий,
Брызнет голос твой чудесный,
И твои откроют строки
Главы самой лучшей песни.

Яхонт рек искрится звонко
По обломкам скал хрустальных,
Камни эхо шлют вдогонку,
Песня с гор несется дальних.
И земли родной дыханье,
Каждый вздох лесам зеленым
Передам я, как преданье,
В край родной навек влюбленный!
Этих гор литых громады,
Эти реки, водопады,
Дикой розы запах вешний,
Взор очей влюбленных нежный
В сладкий плен меня забрали, —
Вы слыхали, вы слыхали?
Пусть в служенье Картли силы
Не иссякнут до могилы,
Пусть, как прежде, брызжет слово,
Вечно ярко, вечно ново!

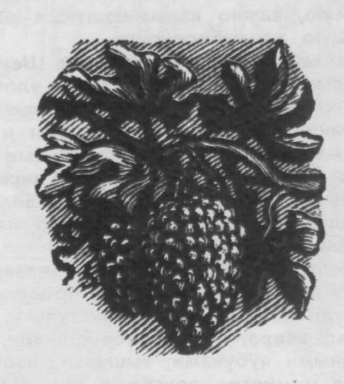

Знойный свет лучей багровых
Солнце в лозах затаило.
Я сосу их сок медовый,
Чтоб набраться новой силы!
У лозы просил я красной
Теймураза [5] слов прекрасных,
Слов певучих Чавчавадзе.
Но упрямое сомненье
В сердце мне стучится громко:
Смею ль с ними я равняться?
Жизнь, даруй мне вдохновенье!
Лучше мне без слов остаться,
Чем ненужным для потомков.
Нет! Ведь их крови́ частица
И в моей душе искри́тся.
Хлеб поэта, хлеб суровый,
Кормит и меня, как Важа [6],
Как Саба [7] и Чкондидели [8]!
Свято я храню их слово,
За него вступлюсь, отважен,
Не отнимут, не погасят
Никогда живое слово
Ни сатрапы Шах-Аббаса,
Ни любой стервятник новый!

Храм разрушен бури взмахом,
Лишь одна стена осталась...
Но прошла, навек умчалась
Та пора, когда над прахом
Пламя жаркое пылало.
А теперь не сабля шаха —
Нож для резки винограда
В завитках лозы сверкает.
Хлеб, вино — труду награда,
И, как радостные слезы,
Небеса роняют росы.
И страна друзей встречает
Небывалым урожаем.
Встань, герой, и полной чашей
Мы заздравный тост подымем
За родителей за наших,
За богатый край любимый.
Может, я и не сумею
Все сказать тебе, как надо, —
Песню все уразумеют.
Стих мой — слезы винограда
Ранним утром, на рассвете...
Если примешь, то тебе я
Посвящаю строки эти...

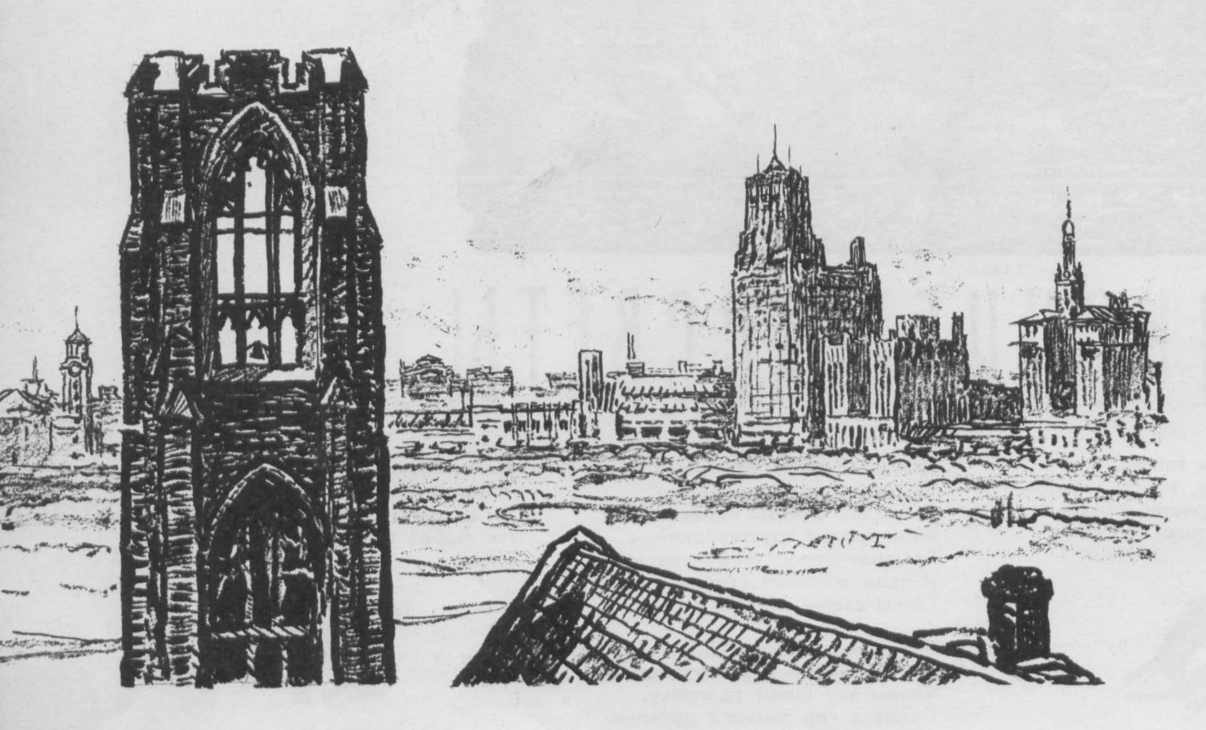
Перевел с грузинского
Сергей СЕРЕБРЯКОВ.

---

[1] Выдающийся грузинский мыслитель XII века, основатель академии в Икалто.
[2] Известный художник начала XX века.
[3] Поэт первой половины XIX века Александр Чавчавадзе, тесть А. С. Грибоедова.
[4] Классик грузинской литературы Илья Чавчавадзе (1837—1907).
[5] Теймураз (1589—1663) — видный поэт, был царем Кахетии.
[6] Великий грузинский поэт Важа Пшавела (1861—1915).
[7] Великий грузинский писатель и лексикограф Сулхан-Саба Орбелиани (1658—1725).
[8] Грузинский гимнограф XI века.

ДВЕ ПРОГУЛКИ ПО ШАНХАЮ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки **В. ВЫСОЦКОГО.**

осле полудня река поднялась и залила набережную. Регулировщик, засучив брюки, стоял на перекрестке по щиколотку в воде. Церемонно, словно на сцене театра, он размахивал жезлом, пропуская машины.

Автомобили двигались по воде, как торпедные катера, вздымая фонтаны и оставляя за собой длинный ребристый след, который тут же слизывали маленькие проворные волны.

Для шанхайцев это водяное представление, которое давала река Хуанпу, было делом обычным. Не обращая внимания на желтую, грозно поблескивающую воду, они деловито шагали, держась сухой стороны улицы. Лишь ребята, как все ребята мира, шлепали босиком по воде, хохоча и толкая друг друга. Да я остановилась, как прикованная, глядя на молчаливую, важно вздымающуюся реку, наступающую на набережную.

Шанхай, удивительный город Шанхай...

Только что я была на старой улочке, у бродячего цирка, где фокусник зазывал у входа публику, глотал горящие спички и небрежно вынимал изо рта пышные бумажные розы. Вместе с другими я тоже зашла в цирк и глазела на неподвижных, как бревна, маленьких крокодилов и обезьянку, похожую на больного ребенка.

Потом я толкалась среди прилавков, раскинутых прямо на улочке, где продавали бумажных драконов, маски, свистульки, китайские карты, веера, вертящиеся фонари, трубки с длинными чубуками, вышивки с изображением пагод и многое другое, в чем внимательный глаз может все же довольно легко отличить прелесть подлинного Китая от старательной «китайщины», сделанной для наиболее упрямых гостей, приехавших из-за рубежа. Я купила там фарфорового гнома — хранителя домашнего очага. Это был добрый бородатый старичок с лысой головой. Он стоял на прилавке, заложив руки за спину, и поглядывал на всех шустрыми глазками.

Держа гнома под мышкой, я отправилась на текстильную фабрику.

Самый воздух огромного цеха, казалось, дрожал, наполненный ровным, высоким грохотом. Поначалу цех казался безлюдным, только челноки носились вдоль машин, точно стрижи.

Потом я увидела прядильщицу.

Она двигалась по проходу между машинами, с ловкостью фокусника присучая разорвавшиеся нити. На плечах ее, словно хлопья снега, белели пушинки пряжи.

Долго я глядела на прядильщицу и все не могла вспомнить, где я уже видела это лицо с фарфоровым румянцем, блестящие глаза и улыбку, застенчивую и удивленную. Вся в пушинках, точно Снегурочка, прядильщица прошла мимо — и вдруг я ее узнала.

Накануне вечером мы были в кино и смотрели новый художественный фильм. Прядильщица Хуан Бао-мэй играла в фильме главную роль — самое себя. Она была на экране совершенно такая же, как сейчас здесь, в цехе: веселая, с ловкими, маленькими пальцами и детской улыбкой,— и так же, как в цехе, на плечах ее лежали нетающие снежинки...

А затем, как видите, я оказалась на набережной.

В зеркальных стеклах огромных зданий отражалось солнце. Это была особая, полная чопорной торжественности архитектура, по законам которой возводили свои банки крупные финансисты и в Стокгольме, и в Шанхае, и в Санкт-Петербурге. Здания были построены с вызывающей прочностью: очевидно, хозяева банков считали, что строят их на века.

Позади набережной начинался пестрый торговый квартал, за ним потянулись неширокие, тихие улицы. Проехал на велосипеде продавец бамбука и остановился у ворот. Его тотчас же обступили хозяйки. Они озабоченно выбирали и пробовали молодые бамбуковые стебли, как у нас выбирают салат или зеленый лук.

Неподалеку, под тенью платана, сидел похожий на моего фарфорового гнома старичок. Он расставил перед собой на низком столике весь свой товар: горячие лепешки, чай в фаянсовых кружках с крышками. Приехавший издалека крестьянин в соломенных сандалиях, с белым мохнатым полотенцем, которым он, как принято в деревне, обмотал голову, сидел на другой скамеечке. Поставив на тротуар кошелку, откуда высовывался блестящий, только что купленный в городе термос, крестьянин терпеливо ждал, пока старик наливал ему чай.

Шанхайские дворы совсем не похожи на квадратные пекинские дворики с их утоптанной, твердой, как асфальт, землей и жеманно изогнутыми деревьями. В шанхайском дворе дома стоят в ряд, обратившись к улице торцовой стороной, а между ними тянутся узкие проходы, которые здесь называют пассажами. То из одного окна, то из другого высовываются в пассаж длинные бамбуковые шесты, на них развешано для просушки белье, и ветер развевает синие штаны и пестрые куртки, как флаги расцвечивания на корабле.

Впереди меня неторопливо шагал продавец пельменей. Это был высокий человек с седой головой. Изредка он певуче выкрикивал название своего товара и шагал дальше.

Уже несколько дней я бродила в свободные часы по шанхайским улицам. Не так-то просто познакомиться с Шанхаем, в особенности когда ходишь одна. Я пристроилась к продавцу пельменей, как лодка к катеру, и решила идти за ним.

Мы прошли по пассажу и оказались на небольшой площадке между домами. Там серьезно и неподвижно стояли женщины, выстроившись в ряд. Среди них были старухи в узких черных штанах и матерчатых туфельках на маленьких изуродованных ножках, и девушки с блестящими, точно лакированными челками, и молодые матери, беспокойно поглядывающие на ребят, лежащих в корзинках тут же во дворе. Женщины стояли рядом, точно ожидали чего-то. Из открытого окна во двор доносился мурлыкающий голосок радиодикторши. Потом грянула музыка. Женщины встрепенулись, развели в разные стороны руки и, как по команде, присели.

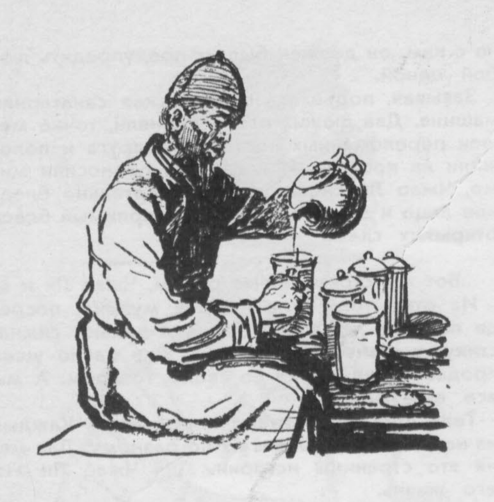
Они делали гимнастику.

Даже старухи, не без труда сохраняя равновесие на своих крошечных ножках, приседали и поднимались. Был час зарядки, и по всему Китаю, в миллионах дворов, в тысячах учреждений, в этот час делали гимнастику. Продавец пельменей на секунду призадумался, решая, по видимости, не присоединиться ли и ему к домашним хозяйкам. Но потом тряхнул головой и зашагал дальше.

И тут я увидела Чжао Ли.

Он шел по пассажу в своей синей выгоревшей курточке, худенький, изящный, с добрым, умным лицом, половину которого занимали большие очки в роговой оправе. Собственно, настоящее имя его не Чжао Ли, а немного иное, но я называю его так, потому что не уверена, учтиво ли приводить настоящее имя человека, если пишешь о нем рас-

сказ и собираешься пересказывать читателям то, что он сообщил тебе одной.

Так вот, Чжао Ли шел мне навстречу и приветливо улыбался. На секунду взгляд его скользнул по продавцу пельменей. По лицу Чжао Ли прошла тень. И когда он подошел ко мне, тень все еще бродила по его лицу, словно облако.

— Узнали старого приятеля? — спросила я.

— О! — сказал Чжао Ли.— Это не он. Но похож. Немного похож! А вы, оказывается, помните все мои истории?

Разве я могла их забыть?

Однажды в поезде, во время долгой дороги, Чжао Ли рассказал мне несколько историй из своей жизни. В их числе был случай, связанный с продавцом пельменей.

Не здесь ли произошло все то, о чем рассказывал Чжао Ли?

Вот мы стоим с ним в большом дворе, посреди которого возвышаются дома. Из окна на втором этаже торчит длинный бамбук, и на нем сушатся две бумажные синие куртки. Может быть, это то самое окно? Немало лет назад, во время японской оккупации, где-то здесь, в одном из домов, была, по рассказам Чжао Ли, подпольная явка. Чтобы показать товарищам, что в квартире все благополучно,

из окна высовывали бамбуковый шест и на него вешали штаны. Эти штаны висели день и ночь, они успели здорово выгореть от солнца. И вдруг однажды...

И вдруг однажды Чжао Ли шел по пассажу с запрещенными книжками за пазухой и увидел, что штаны исчезли.

Из окна торчал только голый шест. Был вечер, во всех окнах горели огни, и можно было увидеть, что в квартире мелькают тени.

Они то вытягивались, становясь непомерно большими, то пригибались. Вечер был ненастный, на Хуанпу поднялась вода, дул резкий ветер. Может быть, ветер снес штаны? А может быть, их украл вор или бродяга из порта?

Чжао Ли стоял, раздумывая. Конечно, он был не так прост, чтобы торчать, как столб, под окном явки и раздумывать, что там случилось. Он остановился возле продавца пельменей.

Продавец пельменей сидел нахохлившись возле своей печки. Чжао Ли взял у него мисочку с горячими пельменями и начал есть. От волнения они показались ему такими безвкусными, точно он жевал бумагу.

— Может быть, пельмени недостаточно жирные? — тревожно спросил продавец.

— Нет, жира достаточно,— сказал Чжао Ли, продолжая раздумывать, что же случилось со штанами.

— Тогда, может быть, в них мало перца?

— По-моему, перца как раз столько, сколько надо.

— Тогда, наверное, они остыли! — закричал продавец.—Дай я подбавлю тебе горячей подливки...

— Благодарю тебя, пельмени как раз такие горячие, какими их подает хороший повар,— сказал вежливый Чжао Ли, продолжая гадать, куда же исчезли штаны.

— Так почему же тогда ты их ешь, как ленивый буйвол ест сено? — закричал продавец, потеряв терпение.— Почему ты заставляешь меня волноваться и думать, что я испортил весь котел? Ешь, как едят люди, которые платят за еду деньги!

— Слушай,— сказал Чжао Ли.— Только перестань, пожалуйста, кричать. А то у меня и так все в голове смешалось. Понимаешь, в этом доме, наверху, на втором этаже, живет моя девушка. Я ее очень люблю. Вот я стою, ем пельмени, и они мне в горло не лезут, потому что я все время о ней думаю. Ее отец и старший брат, я знаю, очень любят пельмени. Пожалуйста, наложи полную миску пельменей и отнеси им от меня наверх. Может быть, тогда они станут ко мне добрее и я смогу ее скоро увидеть. Очень тебя прошу.

— Когда человек влюбляется, он становится вроде сумасшедшего,— сказал продавец сердито.— Подумать только, съесть целую гору пельменей и не заметить, какой у них вкус! Давай деньги, сейчас отнесу им четыре порции. В какой квартире, говоришь, они живут?

— Там, где из окна торчит пустой бамбуковый шест,— сказал Чжао Ли, продолжая жевать.

Продавец, держа в руках миску, от которой струился горячий, аппетитный дух, вошел в дверь. Чжао Ли остался у печки; он смотрел на окно, в котором продолжали мелькать тени.

Через несколько минут продавец скатился по лестнице назад. В руках его была все та же миска с пельменями.

— Куда ты меня послал? — закричал он.— Там полным-полно полицейских! И ты послал туда меня — меня, который боится даже одного полицейского, когда он проходит мимо! Плати за пельмени, которые ты съел, и убирайся отсюда! Иначе полицейские сделают с тобой то же самое, что делают сейчас с папашей твоей невесты, если только действительно на свете есть девушка, которая рискнет выйти замуж за такого бродягу, как ты...

...О милый Чжао Ли, как давно все это было!

В ту пору, Чжао Ли, вы были очень молоды. Шестнадцати лет вы стали коммунистом. Даже в оккупированных районах Китая принимали в партию только с семнадцати лет. Но когда еще вы учились в школе, вы проходили и вторую вашу школу, опасную и сложную школу подпольщика...

Чжао Ли был восьмой сын у матери, и все восемь сыновей были коммунистами. Семья их тогда жила в Шанхае. Мать рано овдовела. Чжао Ли, чтобы помогать матери, поступил на работу в типографию. По вечерам он учился русскому языку.

— Мне давал уроки наш сосед, эмигрант из России,— рассказывал мне Чжао Ли.— Это был учтивый старик с ястребиным лицом и яшмовой печаткой на мизинце левой руки. Печатка — единственное, что осталось у него от прошлой жизни. Это да еще удивительно красивая манера держать нож и вилку, когда он обедал. Мы были соседями, и я знал, что обедал он далеко не каждый день...— Чжао Ли помолчал.— Превратности судьбы! — сказал он и развел руками.— Русский белый эмигрант учил своему родному языку китайского коммуниста...— Чжао Ли опять помолчал.— Но знаете что? Он страстно любил Россию. Он много рассказывал мне о красоте русской природы, о знаменитых русских художниках, артистах, музыкантах... Помню, однажды я при-

шел заниматься и застал его в ужасном волнении. Это было в ноябре сорок первого года. «Немцы в Москве! — сказал он и заплакал.— Лучше бы я умер раньше, чем узнал об этом...» — Чжао Ли вздохнул.— Но ведь я же не имел права рассказать ему, что сам слышал, как Сталин выступал седьмого ноября на Красной площади! К тому времени я уже настолько знал русский язык, что мог переводить своим товарищам сообщения из Москвы. Слушая московское радио, я составлял небольшие сводки, и мы тайно печатали их. И вот однажды...

И вот однажды велорикша вез Чжао Ли по Шанхаю. В ногах у Чжао Ли, на дне корзинки, прикрытая сверху морской капустой и креветками, лежала партийная литература. И в это время, перекрывая рокот машин, гудки, крики уличных разносчиков, тревожно и грозно залился звонок.

И тотчас все смешалось.

Улица превратилась в растревоженный му-

равейник. Люди пытались бежать, или торопились укрыться в магазине, или останавливались, словно каменели от страха. А звонок продолжал разливаться нервной трелью. И это был голос беды, вестник опасности.

Все знали, что Шанхай разбит на участки и на каждом участке патрулируют полицейские из отряда охраны. В ту минуту, когда полиции становилось известно, что в пределах участка оказался человек, внушающий подозрение, у поста раздавался звонок, и весь участок мгновенно оцепляли. Начинался обыск.

Звонок трещал, велорикша продолжал свой путь, крутя педали жилистыми ногами в засученных до колен штанах, но Чжао Ли видел, что рубаха на его спине стала мокрой от пота. Корзинка с партийной литературой, прикрытая креветками, по-прежнему стояла в ногах Чжао Ли; он всем существом ощущал ее внезапную тяжесть. От корзинки тянул острый холодок, словно там лежали куски льда.

Велорикша ехал все дальше, мимо пестрых витрин, мимо ресторанчика, где сквозь стеклянную дверь было видно, как повар в белом колпаке нес на круглом блюде приготовленную по-пекински утку, бронзовую и блестящую, точно муляж. Повар так и застыл, держа блюдо с уткой, растопырившей жирные ножки.

И вдруг рикша остановился.

Он втянул голову в плечи, словно сразу стал меньше ростом. Прямо перед ним стоял полицейский. Он был одет в форму отряда охраны, но это не был японец. Это был немолодой китаец с угловатым, изрезанным морщинами лицом.

Полицейский быстро и ловко обыскал рикшу и наклонился, чтобы посмотреть, что лежит в ногах у Чжао Ли.

— Ты китаец,— сказал Чжао Ли и сам не узнал своего голоса — столько было в нем железного спокойствия.— Ты китаец, помоги китайцу. Помоги народу.

Глаза у полицейского были острые, словно он прострелил Чжао Ли насквозь. В лице его ничто не дрогнуло. Можно было подумать, что он не услышал, что сказал Чжао Ли. Но Чжао Ли знал, что это было не так. Полицейский услышал.

Он снова наклонился и запустил руку в корзину с креветками. Потом вытащил руку назад, обтер ее о куртку рикши и махнул, показывая, что тот может ехать. Лицо его по-прежнему оставалось бесстрастным. Он даже не поглядел в сторону Чжао Ли, словно его тут и не было.

И велорикша покатил дальше сквозь толпу. Чжао Ли смотрел на худую, сутулую спину рикши, и чувство опасности постепенно уходило, как уходит холод из согревшегося тела. Расправив плечи, он уселся удобней. И в это время он увидел в самом конце квартала густую, неподвижно стоящую толпу.

Еще раньше, чем он понял, что это может обозначать, его сердце остановилось и потом застучало, как молоток. Он выпрыгнул из коляски и побежал вперед. Толпа по-прежнему стояла неподвижно. Он начал протискиваться между жаркими, тесно прижатыми друг к другу телами, и его вытолкнули вперед, точно пробку из горлышка бутылки.

Перед домом было пустое, оцепленное полицейскими пространство. Посреди, на асфальте тротуара, лежал человек. Чжао Ли увидел белое, как платок, лицо и струйку крови, ползущую изо рта. Он сразу узнал это лицо.

«Будь осторожен». «Хорошо, я буду осторожным».

Сколько раз он слыхал эти слова от своего старшего товарища и обещал ему быть осторожным! Его старший друг был зрелым, опытным подпольщиком. Он знал, что такое осторожность. И вот сейчас он лежит навзничь на грязном, заплеванном тротуаре, и по подбородку его ползет кровь.

В толпе потихоньку шептались:

— Это кто?

— Ты что, не понимаешь?

— А-а! Его поймали?

— Нет, он убежал.

— А потом?

— Ну, потом за ним погнались, и он полез по пожарной лестнице на крышу.

— Вот на эту?

— Да, на эту, самую высокую.

— А потом что было?

— Говорят, что когда полицейские его догнали, он бросился вниз.

— Вот с этой крыши?

— Ну да, с этой крыши.

— Тогда ему конец. Если с такой крыши, тогда все.

— Это еще неизвестно. Если человеку нельзя умереть, он не умирает.

— Знаешь, ты лучше помалкивай!

— А я что? Я ничего не сказал.

Чжао Ли стоял в толпе и слушал, и сердце его продолжало стучать, точно молоток. Он-то хорошо знал, почему его друг так поступил. Он бросился с крыши, чтобы партия узнала о его аресте. Слишком много людей было связано с ним, он должен был их предупредить любой ценой.

Завывая, подъехала полицейская санитарная машина. Два дюжих парня подняли, точно мешок переломанных костей, его друга и положили на носилки. И когда его проносили мимо, Чжао Ли снова увидел смертельно бледное лицо и этот железный, нестерпимый блеск открытых глаз...

...Вот мы стоим сейчас рядом, Чжао Ли и я.

Из открытого окна несется музыка, посреди пассажа домашние хозяйки делают гимнастику, у стены играют дети. Уже давно ушел продавец пельменей со своим товаром. А мы все еще здесь.

Тени прошлого витают перед нами. Каждый из нас, вероятно, видит их по-разному. Для меня это страницы истории. Для Чжао Ли это его жизнь.

— У вас есть сейчас время? — спрашивает неожиданно Чжао Ли и протирает свои большие очки.— Если хотите, мы можем немного побродить по Шанхаю...

Хочу ли я? Я давно мечтала об этом — пройти по улицам Шанхая вместе с Чжао Ли.

И мы пускаемся в путь.

Мы идем по улицам, ярким и пестрым, как вырезанный из бумаги рисунок, мы взбираемся на крышу небоскреба и долго глядим оттуда на город, лежащий внизу. Шанхайское солнце дымится в облаках, полных влажного зноя. Доносится гул, похожий на шумное дыхание. Это рокот машин, шуршание покрышек, стук шагов, голоса — дыхание длинных, наполненных движением улиц.

Потом мы спускаемся вниз.

Я узнаю Народную площадь, огромный светлый Дворец дружбы, улицу неподалеку от моей гостиницы.

Все это я уже видела не раз во время своих прогулок по Шанхаю.

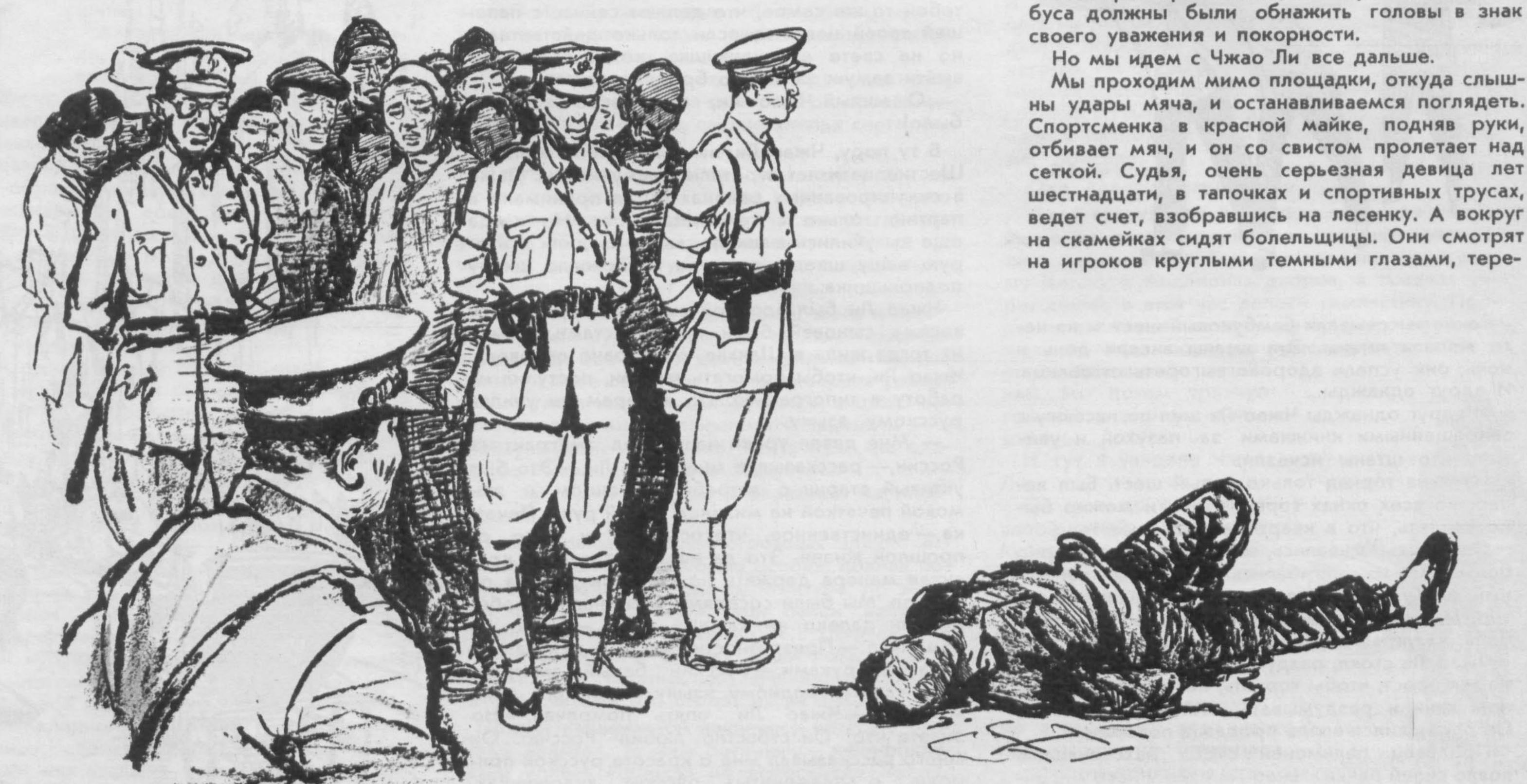
Но сейчас я вижу это по-иному, потому что смотрю глазами Чжао Ли.

Два разных Шанхая, два разных изображения города как бы наложены одно на другое, подобно тому, как бывает в кино, в комбинированной съемке.

По мосту ровно и мерно струится поток машин, шагают рабочие. Бегут, размахивая портфелями, школьницы, и ветер шевелит их аккуратно подстриженные челочки. Широкий мост висит над рекой, тяжело и прочно упираясь в берега, и я силюсь и не могу себе представить, что здесь, на мосту, когда-то стояли часовые оккупационных войск, и каждый китаец, проходя мимо них, должен был снять головной убор и произнести слова приветствия, и даже пассажиры проезжающего через мост автобуса должны были обнажить головы в знак своего уважения и покорности.

Но мы идем с Чжао Ли все дальше.

Мы проходим мимо площадки, откуда слышны удары мяча, и останавливаемся поглядеть. Спортсменка в красной майке, подняв руки, отбивает мяч, и он со свистом пролетает над сеткой. Судья, очень серьезная девица лет шестнадцати, в тапочках и спортивных трусах, ведет счет, взобравшись на лесенку. А вокруг на скамейках сидят болельщицы. Они смотрят на игроков круглыми темными глазами, тере-

бят от волнения свои косички и время от времени вскрикивают: «Ай-я!» Я слушаю рассказ Чжао Ли и все же никак не могу представить себе, что здесь когда-то была территория французской концессии, а за высокой оградой, там, где сейчас идет игра в волейбол, находился французский спортивный клуб, куда не имел права входить ни один китаец.

Но Чжао Ли ведет меня дальше и продолжает свой рассказ, и снова возникают смутные тени, проступая сквозь живой облик города.

Они были очень молоды тогда, Чжао Ли и его товарищи.

По вечерам они любили бродить по улицам Шанхая. Они уходили из грязных проулков, где в канавах валялись трупы собак и нечем было дышать, где из темных дверей тянуло запахом опия и оборванные грузчики, сидя возле домов на корточках, играли в маджан и кости.

Чжао Ли с товарищами уходили оттуда и выбирали самые нарядные улицы с дорогими особняками. Там за окнами свежо и чисто шелестели вентиляторы, а из дверей выскакивал бой с испуганно-вежливым лицом, чтобы открыть дверцу длинной, точно торпеда, машины.

Чжао Ли с товарищами внимательно смотрели на стены особняка, на магнолии, белеющие за оградой, и тихонько говорили друг другу:

— Здесь будет рабочий клуб.

Потом они добирались до набережной и останавливались у самого красивого здания, облицованного гранитом. Днем сквозь зеркальные стекла было видно, как бесшумные клерки с почти молитвенной чинностью оформляли банковские чеки. Почтительно поглядев на здание, Чжао Ли с товарищами кивали головами и говорили убежденно:

— А здесь будет Народный банк.

Они шли дальше и доходили до парка. Там играл симфонический оркестр и в шезлонгах перед эстрадой сидели молчаливые англичане. Деревья в парке были разукрашены фонариками, светила медная луна, глубоко и страстно вздыхали виолончели. Чжао Ли с товарищами не могли войти в парк: на калитке была надпись: «Китайцам и собакам вход воспрещен». Они шли мимо ограды, подталкивая друг друга, и говорили тихонько:

— Здесь будет Народный сад.

Так обходили они дозором много улиц, щедро раздавая лучшие дома и особняки тем, кому они принадлежали по праву.

Нет, они не были мечтателями.

Они знали, что революция победит, боролись за эту победу, готовы были умереть ради нее. Молодые, худые, как оленята, в стареньких, заштопанных куртках, они бродили по своему городу, который чужестранцы разделили на куски, точно пирог, и по-хозяйски оглядывали его.

Но когда им бывало очень трудно, когда они переживали тяжелые дни, их тянуло всегда в один и тот же район Шанхая.

Если стать на уголке, оттуда было хорошо видно невысокое красивое здание. В дни праздников на этом доме пылал красный флаг. Ветер раздувал его, и флаг светился, как алый огонь.

Чжао Ли с товарищами стояли у фонарного столба и молча смотрели на флаг.

Алый его огонь говорил им о правде и силе, о справедливости и надежде. Он говорил им о том, что есть на свете большая и могучая страна, уже построившая ту новую жизнь, за которую они борются.

* * *

Все это Чжао Ли рассказывал мне сейчас, и мы все шли и шли по бесконечным шанхайским улицам, может быть, по тем же самым, где ходил он с товарищами когда-то.

Но я была плохой спутницей в его путешествии в прошлое. Я видела все же только тот Шанхай, который сейчас узнала и успела полюбить; я знала только ту жизнь города, которой Шанхай живет сейчас.

И вдруг мой спутник задержал шаг.

Мы остановились напротив невысокого особняка. Полированная его дверь блестела на солнце. На балконе стояла клетка с попугаем. Надувшись, он чистил толстый клюв о прутья и изредка кричал неприятным человеческим голосом: «Джонни! Джонни!» Попугай явно отстал от времени.

Казалось, что, кроме попугая, никого в доме нет — такая там стояла золотая, плотная тишина. Окна были распахнуты настежь, ветер выдувал наружу легкие шторы. Это был хороший дом, построенный с той высокомерной элегантностью, с какой строились когда-то в Шанхае дорогие виллы.

Привстав на цыпочки, Чжао Ли заглянул в окно. Потом таинственно и молча поманил меня пальцем.

Я тоже заглянула внутрь.

В большой комнате со светлым полом рядами стояли кровати. На них спали дети.

Это была огромная спальня, в ней уместилось, по-видимому, кроваток тридцать. В знойный день ребята спали тем крепким сном, каким спят все здоровые дети, набегавшись до обеда.

Под самым окном стояла кроватка, в которой спал серьезный человек лет трех от роду. Он лежал поперек постели, согнув в коленях крепкие ножки, словно уснул на бегу. Розовая, жаркая его щека зарылась в подушку, рот был полуоткрыт. Руки были сжаты в кулачки. Рубашка сбилась под самый подбородок.

Чжао Ли смотрел на него молча и внимательно, как на цветок.

— Ну вот,— наконец сказал он, слегка повернувшись ко мне.— Здесь действительно сейчас сад. Мы не ошибались!

ИНДИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Кара СЕЙТЛИЕВ

Товарищ мой явился недовольный:
— Хотя любовь я нежно берегу,
С капризною девчонкой своевольной
Никак я примириться не могу!
Ему сказал я:
— Вывод сделай сам ты,
Я ж до сих пор урока не забыл.
...На острове индийском Элефанте
У бога Шивы во дворце я был.
Гордился я не богом —
Человеком,
Который высек из скалы дворец.
И высится громада век за веком —
Упорству человечьему венец.
Каменотес работал терпеливо,
Каменотес трудился для веков
И вытесал дворец для бога Шивы —
Могущественнейшего из богов.
Как он могуч, узнал я из легенды.
Однажды праздник развернулся здесь.
Вдруг ручейка голубоватой ленты
Не стало —
Высох,
Испарился весь.
Заранее запас накоплен не был,
Остался Элефанте без воды.
Но Шива встал
И обратился к небу,
Свой остров избавляя от беды.
За тучей туча двинулись приливом,
И закружились за грядой гряда,
И хлынул дождь,
Не просто дождь, а ливень,
Какого здесь не знали никогда.
Как локоны,
Дождя метались струи.
Их ветер рвал,
Ликуя и гудя.
И Шива захватил
Одну,
Вторую,
Взял три струи,
Три локона дождя,
И притянул к земле.
С того момента
Всем засухам и зною вопреки
По Индии —
Так говорит легенда —
Несутся три великие реки.
Вот как могуч был Шива-повелитель!
О нем рассказы ходят без конца.
Его изображения я видел
На стенах элефантского дворца.
То он с двумя изображен руками,
То с четырьмя,
Чтоб мощь видна была,
То со змеей огромной,
То с быками,
А то держащим на плече орла.
И все они его рабы и слуги.
Он в разных залах воплощенье сил.
И скульптор
Только в комнате подруги
Его совсем другим изобразил.
Когда невеста устремилась к двери,
Капризом был обезоружен он.
И я смотрел, глазам своим не веря:
Могучий бог... коленопреклонен!
Бог на коленях вытесан пред нею,
Пред девушкой, что тоньше тростника,
Тот самый бог, который всех сильнее,
О ком легенды держатся века!..
А ты, товарищ, ходишь недовольный,
Совета ожидая от друзей,
Как быть тебе с девчонкой своевольной,
С богинею капризною твоей!

Перевел с туркменского
Анисим КРОНГАУЗ.

МИР ГОРНЫМ ДОРО

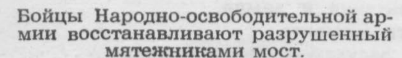
ТИБЕТ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ МЯТЕЖА

Мих. ДОМОГАЦКИХ

Фото агентства Синьхуа.

Около каждого грамотного человека в эти дни собирались толпы, чтобы узнать последние новости.

Бойцы Народно-освободительной армии восстанавливают разрушенный мятежниками мост.

Почти в самом центре Азии лежит огромная высокогорная страна, всегда привлекавшая к себе внимание ученых, путешественников, паломников...

Ореол таинственности и неизвестности окружал Тибет так же, как окружали его неприступные горные вершины, покрытые вечными снегами. В прошлом веке Тибет стал объектом империалистической экспансии. Сюда, через горные перевалы на границе с Индией и Непалом, под видом паломников потянулись профессиональные разведчики, «купцы», окончившие военные колледжи, авантюристы, полные тщеславных замыслов. Затем последовало вторжение английских войск...

Авантюра английских империалистов вызвала огромный взрыв возмущения во всем Китае, частицей которого был Тибет с незапамятных времен.

Трудным, извилистым путем шло развитие Тибета. Отделенный от всего мира высочайшими горными цепями, Тибет точно замер в своем движении. В период гоминдановского господства правящая клика Чан Кай-ши не сделала ни одного шага, способствующего развитию Тибета.

Ко времени мирного освобождения Тибета в мае 1951 года на его территории, как осколок далекого прошлого, еще гнездилось рабовладение и самое изуверское крепостничество.

Мирное освобождение Тибета впервые вселило в народ веру в лучшее будущее.

Героическая Народно-освободительная армия Китая построила самое большое в мире высокогорное шоссе Чэнду — Лхаса, связавшее Тибет со всеми районами страны.

Тысячи тибетцев помогали воинам строить дорогу. Они подвозили продовольствие и воду, были проводниками и каменщиками.

ГАМ!

Дорога соединила не только отдельные районы страны, но и сердца людей. И когда первая колонна грузовиков с товарами для Тибета пришла в Лхасу, это был настоящий праздник братства и единства. Перед Тибетом открылись светлые перспективы. Однако местное тибетское правительство и крепостники, владеющие огромными богатствами, продолжали противодействовать политике Коммунистической партии и народного правительства Китая. Попрежнему все богатства и власть оставались в руках кучки реакционеров, и они, чувствуя, что их господство не может быть долговечным, что народ потребует демократических преобразований, с еще большей свирепостью угнетали крестьян-скотоводов и ремесленников. В марте нынешнего года реакционная верхушка тибетского правительства и крепостников при прямом вмешательстве из-за рубежа подняла контрреволюционный мятеж. Мятежники имели оружие, доставленное в Тибет из-за границы. Двинувшись по

— Спасибо от всего тибетского народа! — Панченэртни крепко пожимает руку Мао Цзэ-дуну.

Все приветствуют победу над мятежниками. И, конечно, крестьяне, получившие землю...

Мятежники вынуждены сложить оружие, полученное из-за границы.

дорогам Тибета, они убивали жителей деревень, казнили тех, кто активно выступал за то, чтобы Тибет шел по новому пути, они разрушали и сжигали все, что было построено в Тибете за последние годы: больницы, учреждения культуры, все, что говорило о братской помощи китайского народа тибетцам.

Правительство Китайской Народной Республики отдало приказ частям Народно-освободительной армии подавить контрреволюционный мятеж, установить порядок и спокойствие в Тибете. На помощь Народно-освободительной армии пришло почти все тибетское население, люди разглядели в мятежниках своих злейших врагов. Вот почему, несмотря на вмешательство иностранной реакции, мятеж был подавлен.

Правительство КНР приняло решение о роспуске бывшего местного правительства Тибета. Его полномочия возложены на Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района, подобного тем, какие созданы во всех национальных районах страны.

С глубокой радостью воспринял это решение весь тибетский народ, понимающий, что Коммунистическая партия и народное правительство Китая уважают его обычаи и религиозные чувства и стремятся превратить Тибет в счастливый и процветающий район страны.

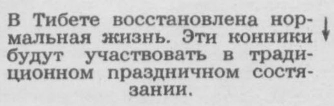
Новая жизнь быстро шагает по тибетской земле. Пахари получают землю, нищие, угнетенные пастухи уже пасут на лугах свой скот.

И потому тибетские труженики радостно повторяют фразу, ставшую лозунгом народа:

Да здравствует социалистический Тибет, частица великого социалистического Китая!

г. Пекин.

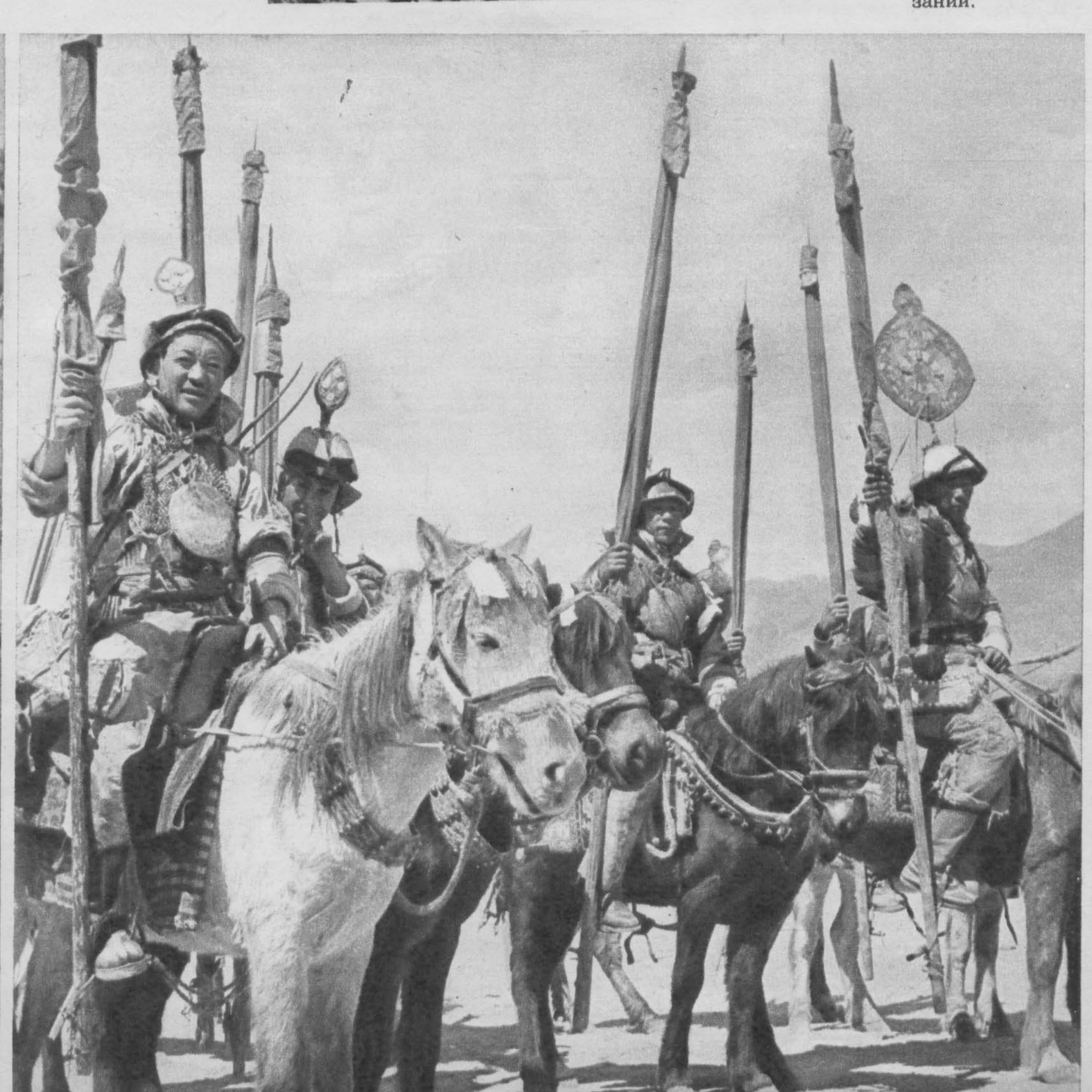
Этими орудиями пытки несколько лет назад крепостники-изуверы терзали тибетцев. Недавно еще ими пользовались мятежники.

В Тибете восстановлена нормальная жизнь. Эти конники будут участвовать в традиционном праздничном состязании. ↓

Бойцы помогают больным.

П. Д. Корин. ПОРТРЕТ ХУДОЖНИКА М. В. НЕСТЕРОВА. 1939 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ХУДОЖНИК ЯРКИХ ОБРАЗОВ

Г. С. КУШНЕРЕВСКАЯ

Когда двадцать восемь лет назад Алексей Максимович Горький впервые увидел работы молодого Корина, он пожал ему руку, сказав: «Вы большой художник. Вам есть, что сказать. У вас настоящее здоровое, кондовое искусство».

Горький отметил основные, определяющие творчество Корина черты — содержательность и народность.

Корин родился и вырос в селе Палех, где с давних времен жили поколения художников, наследников высокого искусства древней Руси. «Я художник не по призванию, а по рождению»,— говорит Павел Дмитриевич.

Его отец, деды и прадеды принадлежали к тем одаренным людям из крестьян, чей талант и мастерство прославляли Палех на всю Россию фресковой живописью, росписями Грановитой палаты Московского Кремля и художественной законченностью иконописных произведений.

Корин рисовал с детства. В 16 лет, окончив местную иконописную школу, он уже зрелый мастер.

Годы юности, проведенные в Палехе, оставили неизгладимый след в творческой жизни художника. Отсюда, от широкого раздолья полей, от этой неоглядной русской дали, открывающейся за селом, с ее могучим простором и тонкой прелестью берез да от народных песен, не забытых до сих пор, пошла любовь художника к тому, что каждый называет святым словом «родина». «Моя родина», «Палех» — так и назывались пейзажи, исполненные глубокого поэтического настроения, приобретенные у Корина Третьяковской галереей.

И надо слышать, как задумчиво, медленно, с владимирским оканьем Корин повторяет слова старых песен, слышанных в юности за селом, где по весне водились хороводы:

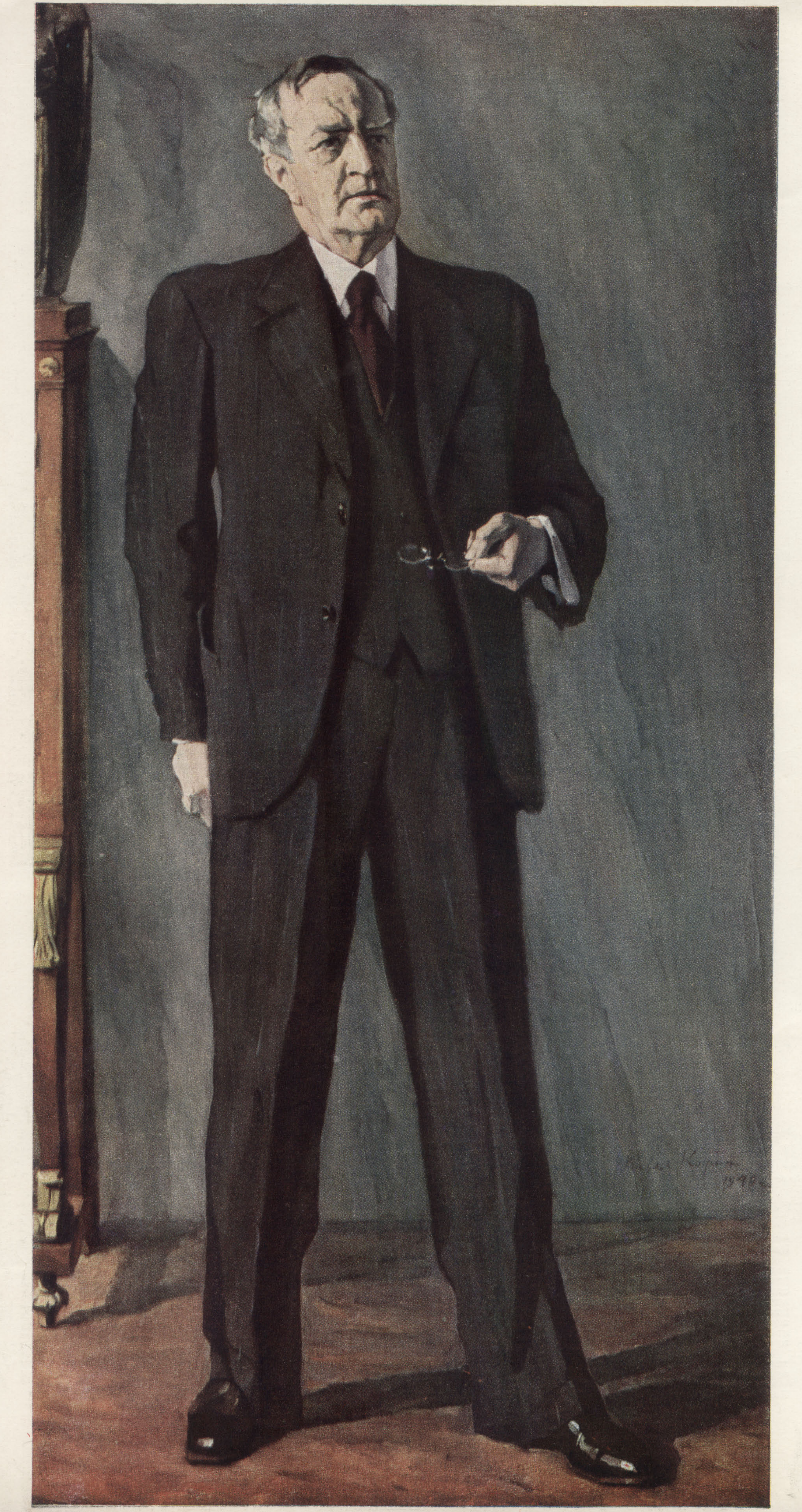
Как по морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому
Выплывала лебедь белая...

Поэтическая, величавая душа народа, вылившаяся в песне... Как близка она художнику, какой отклик нашла в его творчестве!

Мечта о большом искусстве, которому были тесны каноны иконописи, приводит Корина в Москву. Здесь в 1911 году он встречается с Нестеровым. Встреча эта была переломной вехой в жизни художника. Слова Нестерова о великом призвании художника, о назначении искусства воспламенили ум, а пример работы большого мастера был первой школой реализма.

Между известным живописцем и его учеником установилась крепкая дружба.

По совету Нестерова Корин поступает в Училище живописи, ваяния и зодчества. Он учится у А. Е. Архипова, К. А. Коровина, С. В. Малютина. Потребовались упорство и незаурядная воля, чтобы победить в себе выработанный

в Палехе условный иконописный язык. «Я работал исступленно, буквально вытягивая всего себя работал над натурой»,— вспоминает Павел Дмитриевич. В общении с Нестеровым и в мастерских училища, в залах Румянцевского музея и в Третьяковской галерее, в театрах, где играла Ермолова и пел Шаляпин, проходил Корин свои университеты. «Содержательности искусства я учился у Александра Иванова, а выразительности у Шаляпина»,— с полным основанием и правом говорит художник.

В 1916 году он оканчивает училище.

Через год началась революция.

Корин работает в Окнах Роста, где делает плакаты по эскизам Маяковского и Черемных, участвует в оформлении революционных праздников. По ночам в холодной мастерской на Арбате, среди слепков с античных барельефов и классических статуй, пишет лозунги — «Вся власть Советам!».

Есть известная картина Терпсихорова «Первый лозунг», занявшая прочное место в истории советского искусства. Но мало кто знает, что изображен на ней Павел Дмитриевич Корин в своей прежней мастерской.

6 ноября 1918 года, в дни празднования первой годовщины Октябрьской революции, художник оформлял сцену Большого театра. Когда началось торжественное заседание, он находился за кулисами. Корин видел, как быстро поднялся на трибуну Владимир Ильич Ленин, слышал его речь. Убежденность и простота выступления вождя остались в его памяти навсегда.

Для Корина победа восставшего революционного народа означала победу героического искусства, героических образов и тем.

Вспоминая то время, художник пишет: «Был холод, был голод, но сильней всего была мечта о большом, настоящем искусстве, полном пафоса и страсти. Об искусстве таком, как хоралы Баха, как «Граждане Кале» Родена, как могучий гнев Микеланджело, как высокая мысль Александра Иванова.

Все мое последующее творчество — от духа революции».

Начав свой путь художника после Октября, Корин утверждает высокую правду жизни, героическую красоту современности.

Его дарование развернулось широко и смело; портретист, пейзажист, мастер монументальных мозаик, он всегда несет людям глубокую мысль, яркий образ и совершенное мастерство.

Портретом Алексея Максимовича Горького, написанным в 1932 году в Сорренто, открывается галерея наших современников, созданных Кориным.

Горький был большим другом художника, он верил в его самобытный талант и помогал его росту бережно и заботливо. Горький взял Корина с собой в Италию, дал возможность познакомиться с искусством великих мастеров Англии, Германии, Франции.

Портрет Горького отмечен подлинной монументальностью. Он величествен и прост. В нем встает образ писателя — демократа, мыслителя и гуманиста.

Каждого большого художника отличает собственное видение мира, свое открытие мира. Корину-портретисту свойственно прежде всего страстное утверждение духовной силы и красоты человека, его героя — мыслителя, художника, борца. «Всем напряжением своих сил,— пишет Павел Дмитриевич,— старался я найти и воплотить то главное, что делает человека значительным,— величие духа, огонь сердца».

В портрете Нестерова, полном темперамента и жизни, в образе Качалова с его благородным артистизмом, в раздумье Гамалея и во вдохновенном порыве Коненкова, наконец, в одухотворенном спокойствии Сарьяна мы узнаем до-

П. Д. Корин.

ПОРТРЕТ АРТИСТА
В. И. КАЧАЛОВА.
1940 год.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Д. Корин. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА Н. Ф. ГАМАЛЕЯ. 1941 год.

Государственная Третьяковская галерея.

П. Д. Корин. ПАЛЕХ. 1955 год.

Собственность художника.

рогое для художника состояние подъема внутренних сил, творческого горения.

Как близок и созвучен этот мужественный пафос портретов Корина характеру советского человека, устремлениям нашего народа, который идет вперед и изменяет мир подвигом революционного действия или подвигом научной мысли!

Следуя советам Нестерова, Корин с равным вниманием относится к завершенности трех основных сторон портрета: психологической, композиционной и живописной. За артистизмом его живописи стоит упорный, настойчивый труд. «20 сеансов по два часа еще не достаточный срок для портрета»,— говорит Корин. Он любит повторять, что художник — это талант и воля, воля в осуществлении замыслов, «видимых внутренним оком».

Художник во всем ищет характер: в выражении взгляда, в осанке, в жесте, в движении рук. Для него нет безразличных мест на полотне. С неподдельной страстью отдается Корин своему труду. «Чтобы не было «кисти сонной»,— говорит он, вспоминая Пушкина,— художник должен знать действие каждого мазка, им положенного, отвечать за каждую линию, им проведенную, за каждый контур, за каждый силуэт».

Этим законам мастерства Корин учился у великих русских художников — Александра Иванова, Сурикова,— а также у мастеров Возрождения: Микеланджело, Тинторетто, Веласкеса,— которых тщательно изучал и копировал.

Творчество Корина — сплав высокой традиции и пламенной современности. Мироощущение художника, характер пластического мышления — ритм, цвет, образный строй — принадлежат всецело XX веку. Его искусству свойственны экспрессия и монументальность, внутренняя динамика и простота.

Поистине монументальны такие работы художника, как картоны для мозаик Дворца Советов «Марш в будущее», как полотно «Александр Невский» и композиции, посвященные триумфам русской военной славы, на станции московского метро «Комсомольская». Героические страницы истории воплощены художником величаво и торжественно.

Корин известен и в качестве замечательного реставратора. Осенью 1941 года, несмотря на бомбардировки, он вместе с коллективом реставраторов восстанавливает плафон зрительного зала Большого театра. А в послевоенное время он отдает все знания и опыт реставрации картин Дрезденской галереи. Под руководством Корина были спасены от разрушения «Вирсавия» Рубенса, «Динарий Кесаря» Тициана и т. д.

Сейчас Павлу Дмитриевичу Корину 66 лет. Его жизнь, всецело отданная искусству, по сей день полна труда, напряженного и вдохновенного.

Не проходит дня, чтобы художник не работал в своей мастерской, где стоят те самые слепки с барельефов Парфенона, которые запечатлел когда-то Нестеров в портрете братьев Кориных.

И с той же сосредоточенной влюбленностью, с какой изображенный на этом портрете молодой живописец держит перед собой греческую амфору, теперь седой, но по-прежнему влюбленный в искусство признанный мастер стремится находить и воспевать красоту в человеке и в жизни.

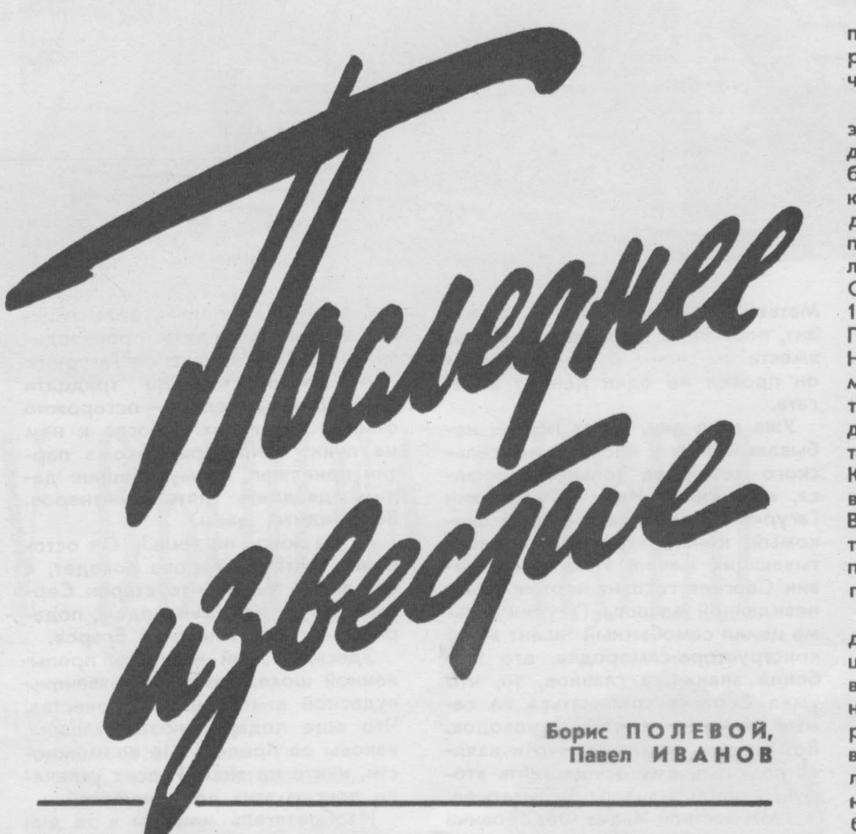
Последняя работа Корина — «Портрет художников Кукрыниксы» — свидетельство его высокого мастерства.

Искусство Корина получило высокую оценку в нашей стране и за рубежом. Ему присвоено почетное звани~ народного художника РСФСР, он действительный член Академии художеств СССР. За портрет М. Сарьяна Корин награжден золотыми медалями Всесоюзной художественной выставки 1957 года и Всемирной выставки в Брюсселе.

П. Д. Корин.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
(средняя часть триптиха).
1942 год.

Государственная Третьяковская галерея.

Последнее известие

Борис ПОЛЕВОЙ,
Павел ИВАНОВ

С легкой руки наших кинематографистов смелые технические эксперименты ученых или конструкторов представляются примерно так. Залитая солнцем, сверкающая стеклами лаборатория. Сосредоточенные люди в белых халатах склоняются к приборам. Хронометражисты взволнованно следят за секундомерами и озабоченно делают в журналах пометки...

Ничего похожего не происходит вокруг нас. Пронзительный ветер бродит над холмистыми полями и, будто размахивая марлевым покрывалом, стелет шуршащую поземку. На окраине большого, привольно раскинувшегося по холму села, невдалеке от ажурного ветряка, лениво крутящего перистыми лопастями, вытянулась огромная шоха. Размеренно рокочет мотор трактора, шелестит длинный ременный привод, убегающий куда-то внутрь помещения. А что делается в самой шохе, сразу и не разглядишь. Сильные электролампы с трудом пробивают пыльную полутьму, и в ней неясно вырисовываются контуры машины необыкновенных форм, протянувшейся вдоль бревенчатой стены, и силуэты работающих людей. Кругом стоит тот свежий, сытный запах, по которому опытный колхозник легко определит, что лен хорошо удался, вылежался, вовремя убран, в меру высушен,— запах, который так дорог сердцу исконного льновода.

Не раз доводилось нам наблюдать трепку — этот завершающий процесс, который как бы венчает все сложные и тонкие труды льновода. Мы помним, как на заре колхозного строя новаторы льноводных полей вот здесь, на краснохолмских полях, бросив вызов давно устаревшей агротехнике, начали борьбу за тонну волокна с гектара. Но, добывая из сухой, серой, ломкой тресты длинное шелковистое волокно, которое народ исстари уподоблял русой девичьей косе, и они, эти новаторы, принуждены были действовать березовым трепалом, которое повелось на Руси еще со времен Владимира Мономаха. С тех пор советские изобретатели и конструкторы, чтобы механизировать самую сложную и трудоемкую операцию сельского хозяйства, создали немало льнотрепальных машин разнообразной конструкции. Но такой машины, какая вырисовывается сейчас перед нами в пыльной полутьме шохи колхоза «Коллективный труд», мы еще не видели. Да и не могли видеть. Такой не было...

Невысокий, коренастый, очень подвижной человек в стеганке стирает с кожуха машины мохнатую льняную пыль. Проступает надпись: «ПМТМ-С № 1», изготовлено в мастерской Краснохолмской ремонтно-технической станции». Наш собеседник сбивает на затылок шапку-ушанку, что надета почему-то у него задом наперед, и не без удовольствия подчеркивает:

— Видите, номер первый! Это передвижная мяльно-трепальная машина Ивана Михайловича Сергеева! Наши краснохолмские механизаторы соорудили ее по чертежам самого изобретателя... Вот испытываем.

И в самом деле, здесь, в колхозной шохе, вот этим небольшим подвижным человеком, знатным советским механизатором Иваном Федоровичем Гагуриным, его помощником Владимиром Капустиным, трактористами Валентином Горюновым и Василием Божиковым и лучшими льнотрепальщицами знаменитого краснохолмского льноводного колхоза «Коллективный труд» проводится технический эксперимент большого государственного значения: выводится в жизнь новая льнотрепальная машина, не имеющая себе равных ни по производительности, ни по качеству волокна, сбегающего сейчас с ленты транспортера.

Иван Гагурин... Это имя давно уже вписано почти во все учебники льноводного дела. Более чем четверть века назад, когда колхозницы по старинке еще со страхом, с неприязнью глядели на первые неуклюжие трепальные машины, считая, что только с помощью дедовского березового трепала можно добыть хорошее, длинное волокно, комсомолец Ваня Гагурин удивил своих земляков, удвоив выработку на еще далеко не совершенной машине Антонова. С тех пор и пошла по здешней округе гагуринская слава, пережившая много испытаний и сохранившаяся до сей поры. Почти все рекорды машинной трепки льна поставлены этим славным колхозным механизатором, и до войны, в 1939 году, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, где опыту Гагурина был посвящен специальный стенд, бельгийские льноводы почтительно записали в книгу отзывов: «...Если господин Гагурин и в самом деле столько выработал волокна, мы преклоняемся перед ним». Речь шла тогда о 280 центнерах, которые Гагурин выработал на первой модели машины Ивана Сергеева. В день, когда в книгу отзывов записывались эти слова, он уже повысил выработку до 900 центнеров и шел дальше...

Заместитель председателя здешнего колхоза Анатолий Егоров, добродушный голубоглазый гигант, сам известный в области как один из лучших механизаторов, показывая в сторону Гагурина, шутит:

— Всем льнообрабатывающим машинам крестный!

И это так. Почти все известные сейчас советские льнообрабатывающие машины были испытаны Гагуриным, получили его благословение. У него редкий, удивительный дар. Поработав на новой машине день — два, он умеет не только овладеть ею, но выявить или, скорее, учуять все ее затаенные возможности, неизвестные еще даже и конструктору. И в то же время он угадает ее недостатки. В области хорошо известен один изумительный случай. Иван Гагурин вывел в поле машину, вокруг которой в те дни было много шуму. Он провозился с ней десять дней, не жалея ни сил, ни времени, а потом привел на усадьбу МТС, слез с сиденья и печально сказал:

— Не пойдет.

Машина эта была в те дни в центре внимания. На нее возлагалось много надежд. На Гагурина зашумели, стали разубеждать, вгорячах упрекнули даже в антимеханизаторских настроениях. Он стоял несколько смущенный и печальный.

— Красивая машина, видная... А работать не будет.

И машина действительно так и не пошла. Безжалостный диагноз оказался точным, и через некоторое время этот агрегат был снят с производства.

Зато какую радость, какое поистине творческое волнение испытывает этот неутомимый искатель, когда на льноводческие краснохолмские поля привозят новую машину, в которой опытный, цепкий глаз механизатора угадывает истинную подмогу льноводу! Тут Гагурин преображается. В нем обозначается та особая сосредоточенность, какая отличает ученого, задумавшего смелый эксперимент, артиста, получившего новую, интересную роль. До всего, что не касается этой машины, он становится рассеянным, и домашние и окружающие уже угадывают, что Гагурин «загорелся», что теперь он будет пропадать на льняном пункте целыми днями.

Самозабвенно возиться у новой машины он может от зари до зари. Друзья и подручные слышат от него в такое время какие-то малопонятные, почти колдовские фразы:

— С техникой возиться надо, пока она вам все о себе сама не расскажет. Пока не раскроет все, что в ней есть.

И действительно, кажется, что этот незатейливый, неброского вида человек обладает какой-то особой способностью вызнавать сокровенное в новой конструкции, даже то, о чем не догадывается порой и сам ее создатель. Так было с первой моделью машины Сергеева, когда при норме в 150 центнеров волокна за сезон Гагурин натрепывал до девятисот. Но еще более разительный пример, раскрывающий удивительный технический ум этого человека, дало его содружество с конструкторами Петром Клементьевичем Кондрашуком и Петром Григорьевичем Волковым, создавшими во Всесоюзном научно-исследовательском институте льна льнотрепальный агрегат, необыкновенно популярный сейчас в колхозах.

Первоначально были построены два одинаковых образца этой машины. Один агрегат испытывался в работе под наблюдением ученых института и самих конструкторов, другой — Иваном Гагуриным в колхозной шохе. На первом было натрепано 450 центнеров льняного волокна, и это считалось уже большим достижением.

Гагурин в это же время вместе со своими друзьями-трактористами испытывал второй экспериментальный агрегат. Он все время как бы прислушивался к работе новой машины, улавливал ее недостатки, угадывал несовершенства конструкции и тут же вместе со своими друзьями искал пути к их устранению. Здесь же, под крышей шохи, возникали поправки, мысли обретали конструктивные формы, помощники на мотоцикле уносились в мастерскую МТС, ковали, обтачивали, видоизменяли детали. Тут же все это ставилось на испытываемую модель, и снова Гагурин приглядывался к машине, прислушивался к ее ходу, как бы продолжая слушать рассказ самой машины о ее достоинствах и недостатках.

И вот результат. В первый же сезон на новой машине он натрепал 1 140 центнеров льноволокна, что втрое превысило выработку первого агрегата. Это было уже триумфом новой конструкции. Благословляя ее в жизнь, колхозный крестный сделал крестнице богатый подарок, предложив более 19 усовершенствований, которые были с благодарностью приняты изобретателями и осуществлены при запуске машины в серийное производство.

Когда с Гомельского сельмаша новенькие, поблескивающие свежей краской агрегаты стали прибывать в льноводные края, потребовалось много квалифицированных машинистов. К тому времени Иван Федорович перешагнул уже и собственные рекорды,

Иван Федорович Гагурин.
Фото Н. Чамова.

доведя выработку до двух и более тысяч центнеров волокна, что в пять и шесть раз превышало среднюю сезонную норму.

И вот в павильоне механизации и электрификации Всесоюзной сельскохозяйственной выставки начали популяризировать его опыт. В далекий Краснохолмский район зачастили кинооператоры, корреспонденты. Стали выходить книжки, раскрывающие гагуринские «секреты». Но книжки, статьи, рассказы на выставке лишь разжигали интерес к опыту знаменитого краснохолмца, а по-настоящему удовлетворить его не могли. Истинное мастерство в описаниях не раскрывается. После сентябрьского Пленума ЦК КПСС, давшего огромный толчок сельскому хозяйству, создавшего на селе могучий импульс для поисков новых возможностей, из Латвии, Смоленска, Великих Лук, Подмосковья и с других льноводных земель в Краснохолмск посыпались письма. Механизаторы звали Гагурина к себе, просили помочь им по-настоящему оседлать льнообрабатывающую технику. И Гагурин, как и все истинные творцы, человек щедрой души, оставив дела на верных помощников, уезжал в дальние края: учил, наставлял, а больше показывал.

Но особенно свежа у него в памяти поездка на Житомирщину, к знаменитому украинскому льнотрепальщику Матвею Вернигора. То были дни, когда советский народ готовился к празднованию 300-летия воссоединения Украины с Россией. Из далекой Народической МТС Иван Федорович получил телеграмму, которая и обрадовала его и смутила:

«Дорогой друг! Твой опыт помог мне дать шесть сезонных норм. Приезжай на праздник. Есть о чем рассказать друг другу.

Житомир, Народическая МТС, Матвей Вернигора».

— Шесть норм! Эк отхватил! Здорово! — восхищался Гагурин, показывая телеграмму друзьям.— Поеду. Дознаюсь, как он там ухитрился нас обставить!

И поехал. На Житомирщине было положено начало замечательной дружбе двух механизаторов — русского и украинца,— которая продолжается и сейчас. Матвей Вернигора тоже отдал визит, побывал в калининских краях, вместе со своим русским другом он провел не один день у агрегата.

Уже в те дни, когда новый, небывалый еще у нас подъем сельского хозяйства только начинался, коммунист Иван Федорович Гагурин знал, что его старый знакомый, конструктор льнообрабатывающих машин Иван Михайлович Сергеев готовит чертежи еще невиданной машины. Гагурин весьма ценил самобытный талант этого конструктора-самородка, его глубокие знания, а главное, то, что умел Сергеев откликаться на самые острые нужды льноводов. Вот почему он так горячо и взялся помогать ему осуществить вторую модель машины, испытать ее.

...Мы застали Ивана Федоровича в горячие часы, когда его новая «крестница» делала первые, но отнюдь не робкие шаги. Она сразу же превзошла мечты Сергеева и поразила самого Гагурина, уже привыкшего открывать в машинах их удивительные тайны. Новая конструкция особенно интересна и ценна сейчас, когда поставлена государственная задача — как можно больше волокна перерабатывать в самих колхозах, заботливыми руками тех, кто вырастил и выходил лен. Машина Сергеева дает возможность решать эту задачу успешно, при минимальной затрате труда и, что особенно важно, при таком же выходе длинного волокна, как и при ручной трепке. Маленький расчет, сделанный Гагуриным. За две смены в первые же дни испытаний на машине вырабатывалось 25 центнеров волокна, из них 65 процентов высоких номеров. Чтобы столько же льна натрепать вручную, потребовалось бы 250 колхозниц. Машину же обслуживают всего 14 человек в смену.

— Нет, вы посчитайте! Ее производительность выше, чем дневная выработка нашего Бортницкого льнозавода! — говорил Анатолий Егоров, и его глаза сверкали от удовольствия.— А качество волокна! Вы поглядите, пощупайте! Такое только при ручной трепке можно получить! Да еще если опытные трепальщицы.

Чувствовалось, что и он был захвачен этим экспериментом. Чуть поостыв, Егоров добавлял:

— Но ведь это же первые дни, начало. Мы еще не успеваем тресту сушить. Федорыч, ведь можно же еще поднять производительность? — спросил он Гагурина.

— Думаю, что до тридцати центнеров доведем,— осторожно ответил тогда тот. — Когда к нам на пункт секретарь обкома партии приезжал, я ему обещал: дадим двадцать пять центнеров. Вот видите, даем.

— Не жиль, не жиль!.. Он осторожничает! До сорока доведет, я его знаю. Машину-то старик Сергеев какую нам, льноводам, подарил! — шумел Анатолий Егоров.

Здесь, в этой насквозь пропыленной шохе, все были охвачены чудесной атмосферой творчества. Что еще подарит новая машина, каковы ее предельные возможности, никто не знал. И всех увлекали поиски этих возможностей.

Изобретатель машины в те дни занедужил. Он лежал в деревне, на квартире у знакомого токаря. Но под окном его хаты то и дело трещал мотоцикл Гагурина. Предложения сыпались одно за другим: снять это, поставить то, заменить деталь.

Творческий накал был настолько велик, что когда жестокий грипп свалил с ног и самого Гагурина, то он потихоньку от жены, с температурой, удрал из дому, сел в свою «Победу», полученную когда-то как премию выставки, и укатил к месту испытаний. Здесь, лежа в омете костры, обливаясь пóтом, он продолжал через своих помощников руководить испытаниями. Даже когда засыпал в простудном, тяжелом сне, ему мерещилась машина.

— Да, славный подарочек сделают калининские механизаторы льноводам! — говорит он, потирая руки.

Глухо гудела в полутьме шохи новая машина. В клубящемся тумане пыли, как пятна, обозначались огни сильных электроламп. Рифленые валы ненасытно поглощали большие горсти тресты, подаваемые колхозницами. А на другом конце машины веселая молодайка проворно снимала с ленты транспортера тяжелые пряди длинного маслянистого волокна и бережно укладывала их на широкий стол. Ее ватник был так запылен, что казался сделанным из серого меха, а на лице будто была надета пепельно-серая маска.

— Вот, Аня, тут приезжие в новой машине сомневаются,— пряча улыбку, сказал Иван Федорович.

Серые глаза вскинулись на нас с удивлением, с тревогой, даже с обидой.

— Как это сомневаются?! — Потом в них загорелись веселые искры.— Шутите... Я на всех машинах работала. А такой проворной да аккуратной еще не было у нас! Вы поглядите, поглядите, какое она волокно дает! Руками такое не вытреплешь!

...Все это было так ярко, интересно, убедительно, что, увлеченные всем виденным, мы, вернувшись на ночлег в уютный домик, где живет Гагурин, одним духом написали все то, что вы только что прочитали. Иван Федорович вместе с Анатолием Егоровым ввалились в комнату уже где-то близко к полночи, шумно заканчивая какой-то технический спор.

Потом, когда в доме уже ложились спать, Иван Федорович подошел к столу, за которым мы работали.

— Написали?

— Да, в черновике готово...

— Вот что.... мы старые знакомые, вы не обидитесь...— с видимым усилием заговорил он.

И тут мы услышали просьбу, какую, наверное, редко доводится слышать журналистам от героя их будущего очерка, к которому они ехали на машине больше 200 километров по — да не обидятся на нас земляки! — очень неважным дорогам. Иван Гагурин просил нас не торопиться с публикацией очерка. Машина великолепная. Ему это ясно. Отзывы самые лучшие. Выработка — вот она... И все-таки испытания не окончены. Они в самом разгаре. Зачем торопиться? Вот окончится льнотрепальный сезон, тогда... Словом, герой просил с очерком подождать.

— Завершу испытания, уверюсь — сам вам просигналю.

Эта просьба поставила нас в тупик, огорчила, но, признаемся, и обрадовала, ибо раскрывала в герое и еще одну большую, дорогую, поистине большевистскую черту: ответственность. Хорошую человеческую ответственность. Мы много говорили об этом в те долгие часы, пока жесткий, костлявый вездеходик нес нас по лесным дорогам мимо полей, одетых снежными подушками, через леса, сверкавшие густым, щедрым инеем.

Прошли месяцы. И уже из другого краснохолмского колхоза, «Гиганта», куда вместе с новой машиной перекочевал И. Ф. Гагурин, мы получили телеграмму:

«Поставлены новые рекорды. За первые две смены выработано 25 центнеров 13 килограммов льняного волокна высокого качества. Во второй день — 26 центнеров. В третий — почти 28. В четвертый — 28 центнеров 15 килограммов. К съезду обязательство перевыполнили. Агрегат дал 1 500 центнеров волокна. Добьемся пяти — шести норм. Продолжаем работу. Гагурин».

Получив это последнее известие, мы снова просмотрели давно уже написанные строки. Что ж, это последнее известие обогатило очерк. И, дописывая эту концовку, мы думаем о том, каким же кипучим творчеством насыщен каждый день неутомимого искателя льноводных, или, как калининцы любят говорить, голубых, полей!

НА СЦЕНУ ВЫШЕЛ ЭЙЗЕН

П. ЛИСИЦИАН,
народный артист СССР

Фото В. КАЛМЫКОВА.

Первый раз я увидел Артура Эйзена на одном из обычных московских концертов. Номера сменялись один за другим, было, честно говоря, немного скучновато... В это время на эстраду вышел высокий светловолосый юноша. Молодой артист запел слова русской народной песни «Славное море, священный Байкал...». Запел удивительно душевно, лирично. Казалось, он видит сейчас эту суровую красоту далекого сибирского края. Его мимика, выразительные жесты были продуманы и отточены.

Спустя года два я встретил Эйзена за кулисами Большого театра: он шел на репетицию. Я искренне обрадовался, что этот, несомненно, очень одаренный певец зачислен в нашу труппу.

И вот спектакль «Декабристы». В небольшой роли Старого солдата Эйзен создал яркий и запоминающийся образ. Меня вновь поразила глубина его осмысленного пения, поразила его игра.

— Откуда у вас такие сценические навыки? — спросил я у актера.— Можно подумать, что вы специально занимались драматическим искусством.

— Да, это так,— ответил Эйзен,— я окончил училище при Театре имени Вахтангова.

Мы разговорились. И я познакомился с довольно типичной для нашего времени биографией молодого артиста.

Сын и внук потомственных латышских революционеров, высланных правительством буржуазной Латвии в 1920 году, Артур Эйзен родился и вырос в Москве. Мальчик участвовал в школьной самодеятельности, был членом драмкружка районного Дома пионеров.

Дома отец играл на скрипке, бабушка пела народные латышские песни. Артур принимал участие в семейных концертах.

После окончания десятилетки Эйзен поступил в театральное училище, получил диплом, работал в драматическом театре, но любовь к пению победила. И Эйзен вновь идет учиться. На сей раз он поступает в музыкальное училище, а затем — в Институт имени Гнесиных. Его педагогом был заслуженный деятель искусств РСФСР В. Политковский.

Вскоре молодой певец начал выступать в хоре Краснознаменного имени А. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии. Когда Эйзена принимали в этот коллектив, он на прослушивании исполнил... сцену коронации Бориса из оперы М. Мусоргского «Борис Годунов». Иначе говоря, один изображал и пел партию целого хора.

С этим ансамблем Эйзен концертировал по стране, выступал во многих зарубежных странах. Вместе со своим учителем В. Политковским Эйзен перешел в Московскую консерваторию.

Приятный голос и превосходное умение владеть им, выразительная, талантливая игра молодого артиста привлекли к нему всеобщее внимание.

Артур Эйзен стал солистом Большого театра Союза ССР.

Он недавно работает в нашем коллективе, но достиг за это время многого. Эйзен принадлежит к тем артистам, которые всегда думают, ищут и находят.

На сцене Большого театра молодой певец исполнил роли дон Базилио в «Севильском цирюльнике», Галицкого в «Князе Игоре», Баптиста в «Укрощении строптивой», Старого солдата в «Декабристах», Фабричного в опере «Мать», Старшего работника в «Ее падчерице» и, наконец, всего несколько дней назад — Мефистофеля в опере Ш. Гуно «Фауст». Сейчас Эйзен готовит новые партии в опере С. Прокофьева «Война и мир» и в опере Н. Жиганова «Джалиль».

Продолжает он работать и над концертным репертуаром.

В Большом театре немало одаренной молодежи. Артур Эйзен занимает среди нее особое место. Ему всего тридцать лет. Это юношеский возраст в оперном искусстве. Общая музыкальная культура певца, его умение серьезно работать, любовь к опере, музыке, сцене — все это предвещает большие творческие победы талантливого артиста.

Тоня «Первомайская». Лов ведет бригада Константина Андреевича Евтеева.

Утренний чай в звене Степана Дмитриевича Егорова.

Ставь

Бригада Бикета Абуталиева с тони «Быстрая».

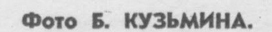

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Когда идет путина, нет рыбаку покоя. Ставь невод, выбирай рыбу, снова ставь. Если бы рыбачьи суда оставляли след на воде, как грузовик отпечатывает узор протекторов на сырой земле, — густейшей сетью покрылись бы водные поля Каспия, где в него впадает Волга, и сами рукава великой реки. И все следы-ниточки протянулись бы от ставных неводов к тому месту, где днем и ночью бодрствует, принимая рыбу, плавучий морской завод, к рыбоморозильной базе, к Оранжерейному рыбокомбинату. Белуга, осетр, севрюга, сельдь-черноспинка и пузанок, лещ, сазан, судак, сом, щука, окунь начинают отсюда свой путь к обеденным столам горожан и сельских жителей.

Этой весной рыбаки Волго-Каспия славно потрудились. Дружные коллективы тоней «Быстрая», «Первомайская», «Ракуша», «9-е мая», «Молодежная» делают все, чтобы выполнить и перевыполнить план лова, равняясь по таким бригадам, как бригады М. Суховеева, Б. Абуталиева, К. Евтеева, П. Григорова...

НЕВОД!

Морской краснорыбный плавучий завод.

В цех приема и обработки Оранжерейного рыбокомбината пришла прорезь с живой красной рыбой. Н а с н и м к е: рабочий комбината Н. П. Елеченко.

БУКЕТ ЦВЕ

Рассказ

Сергей САРТАКОВ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Шутя я называл Лену Подснежником.

В Сибири подснежники бывают двух цветов: в степях — золотисто-кремовые, а на таежных прогалинах — темно-голубые, почти фиолетовые. Волосы Лены оттенком своим напоминали степные цветы, а глаза у нее были темно-голубые, совсем как нераспустившиеся бутоны таежных подснежников. Но главное сходство, пожалуй, заключалось в том, что была она очень тихой и даже застенчивой. Только в разговоре со мной она легко и свободно откидывала голову. Лена знала, что я ее люблю. Знал и я, что она любит меня. Но вслух, даже намеками, об этом мы ни разу с ней не говорили.

Мы оба работали слесарями в ремонтном цехе большого завода. Закончена была только первая очередь строительства, отдельных квартир даже для семейных рабочих еще не хватало, поэтому холостякам полагались только койки в общежитии. Многие юноши и девушки с нашего завода, поженившись, некоторое время жили по-прежнему врозь. Мы этого не хотели. Любя друг друга, но не называя вслух своих чувств, мы между тем потихоньку каждый хлопотали о комнате. Жилых домов, в общем, строилось много, и хотя очень трудным, но не таким уж долгим представлялось нам ожидание.

Я не сумею сказать точно, когда у нас с Леной завязалась дружба бóльшая, чем бывает обычная дружба юношей и девушек между собой.

Как выяснилось потом, мы одновременно окончили ремесленные училища — только разные — и одновременно поступили на завод. А первая встреча была совершенно случайной. У входа в контору, у самых дверей, мы столкнулись, и Лена больно меня ударила локтем. Но мне показалось, что я ее тоже ушиб. И я сказал ей первым:

— Простите.

Она взглянула на меня, и я увидел ее голубые, как весенние цветы, глаза. Я почему-то растерялся и покраснел и еще раз повторил то же самое:

— Простите, пожалуйста.

Она ни слова не сказала и юркнула в дверь мимо меня. И тут я успел разглядеть, как аккуратно лежит у нее на плечах белый, хорошо выглаженный и даже слегка подкрахмаленный воротничок. Вот и вся первая встреча. Но она сразу определила и начало нашей любви.

А после этого мы стали встречаться ежедневно. Не в цехе — это само собой,— а за оградой завода. Не буду зря говорить, что мы встречались нечаянно. Но, во всяком случае, я от посторонних узнал, что зовут ее Леной.

На заводе широко было принято, что парни и девушки, знакомясь, сразу обращаются друг к другу на «ты». Но Лена первая сказала мне «вы», и я тогда не решился ей ответить иначе. А потом это вошло в привычку, и мне даже стало нравиться, когда я ей говорил:

— Доброе утро, Лена. Как ваше здоровье?

А она отвечала:

— Спасибо. Хорошо. Как вы себя чувствуете?

Лена очень любила цветы. На тумбочке возле ее кровати в общежитии всегда стояли букеты; летом — живые, полевые цветы, зимой — искусственные, бумажные. Я даже посмеялся однажды и сказал, что ей следовало быть не слесарем, а садоводом. Лена покачала головой и серьезно сказала:

— Нет, Вася. Труд садовода такой же, как и труд слесаря. Но я не люблю копать землю, я люблю обрабатывать металл. А цветы на столе — это совсем другое дело. Это отдых.

Закончив работу, Лена снимала синий промасленный комбинезон и выходила из цеха в чистом платье. Она приносила его с собой в легоньком чемоданчике. Большинство девушек уходило домой, не меняя костюма, но Лена всегда переодевалась еще в цехе. Сразу за дверью проходной будки постороннему человеку уже нельзя было догадаться, что Лена работает слесарем, — таким опрятным и свежим всегда выглядело ее платье, и только, может быть, выдавали руки, немного погрубевшие от впитавшейся в них металлической пыли. И это — сильные руки, чуть жестковатые пальцы и любовь Лены к красивому — мне тоже нравилось, как и разговор на «вы».

Наш завод стоял далеко за чертой города, и между заводом и городом лежал большой неуютный пустырь, заваленный железными стружками и шлаком. Летом здесь стлался тяжелый запах ржавчины, а зимой вьюги наметали целые сугробы снега. Зато по другую сторону завода открывались веселые поля, луга и перелески. Если же уйти подальше, там начинались высокие горы, покрытые смешанным лесом. В нем по весне призывно куковали кукушки, а осенью, после первых инеев, нежная лиственничная хвоя становилась золотой, осины же, словно от боли, трясли обожженными красными листьями.

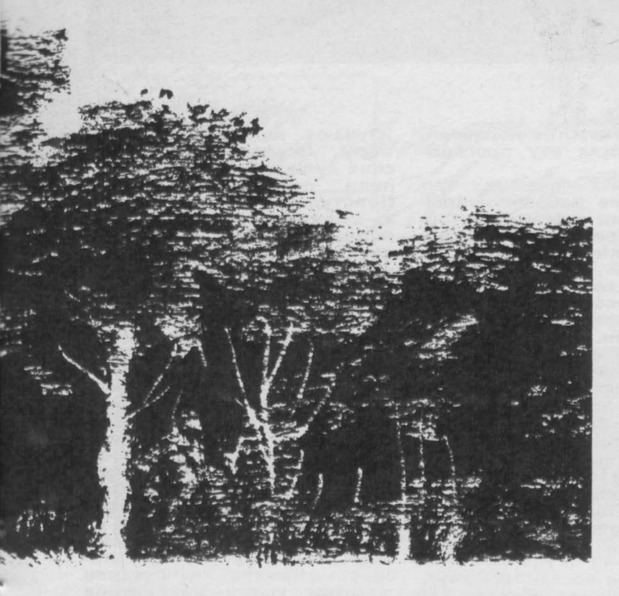
До центра города от завода было, я думаю, не менее семи или восьми километров, и поэтому, скажем, в театр молодежь ходила не часто, предпочитая ему свой заводской клуб. У нас была очень хорошая самодеятельность, драматический кружок ставил самые трудные пьесы, и по крайней мере раз в неделю приезжие артисты давали концерты.

Я в клуб любил ходить только зимой, когда по-настоящему работали разные кружки и можно было заниматься в вечернем университете. Лена училась вместе со мной, и, наверно, благодаря именно этому я и сдавал экзамены всегда на пятерки. Сама Лена училась еще лучше, и я удивлялся, почему ей не ставят пять с плюсом.

В клубе часто устраивались вечера танцев. Но танцы меня интересовали мало. Лена тоже танцевала редко. Мы не любили толочься в толпе, когда все время соседние пары наступают на ноги и вместо удовольствия танцующие испытывают досаду. Но зал для танцев был тесен, а желающих танцевать много. Не знаю, может быть, именно поэтому, но кое-кто из молодежи предпочитал по вечерам заглядывать в ларек, на вывеске которого значилось «Воды», а продавали в нем главным образом пиво и даже водку. Ларек же этот стоял на самом перехвате, на пути к клубу, и разделяла их лишь небольшая площадь.

Едва стаивал снег, мы с Леной начинали свои прогулки в поле. Бродили дотемна, собирая цветы. Пожалуй, эти прогулки нас больше всего и сблизили. Я любил смотреть на Лену всегда: и на склонившуюся над станком (каким серьезным тогда становилось ее лицо!), и на раскрасневшуюся в жарком споре с подругами и ребятами, и в кино — на внимательную или небрежно-рассеянную, смотря по тому, какая шла картина. Но сильнее и ярче всего мне запомнилась Лена, озаренная вечерним солнцем, среди приречных черемух, куда забрели мы однажды поздней весной. Откуда-то с высокого берега, кружась, опускался белый пух тополей и ложился, как снег, ей на волосы и на плечи. А Лена стояла и смотрела, как играет на перекатах оранжевыми переливами река, и зубы Лены блестели в радостной улыбке.

Часто мы уходили в горы, в лес, очень далеко, а когда возвращались домой, над полями уже лежала росная ночная тишина и только однотонно верещали бессонные кузнечики. Мы шли по узкой тропинке, сталкивавшей нас плечами, и я слышал биение сердца Лены. А когда ее пальцы дотрагивались до моей руки, они не казались такими жесткими, как днем, после работы. Эти ночи надолго оставались в памяти, и когда наступала дождливая пора и нельзя было выйти в поле, меня томила тоска. И даже то, что на работе я по-прежнему каждый день видел Лену, не помогало. Видимо, ничем нельзя было заменить самый воздух летней ночи и узкую тропинку в лесу.

ТОВ

Так наступила и новая осень. Сморщились, пожелтели, стали редкими даже некошеные таежные травы. Не стало цветов, только изредка на опушках леса встречались не убитые инеем синие горечавки. Лиственницы в горах пылали, как весной в низких лугах разливы цветущих лютиков-огоньков. Серая и скучная текла на север река. И мне казалось, что я теперь не дождусь дня, когда, сплетясь руками, мы с Леной снова побредем по высокой, цепкой, манящей к земле траве и будем говорить, говорить без умолку. То о большом и серьезном, то о самых несущественных делах. И я снова шутя буду дразнить ее и называть Подснежником.

И вдруг случилось радостное и неожиданное. Меня вызвали в контору, и начальник жилищного отдела сказал, что освободилась отдельная, очень хорошая комната в большом трехэтажном доме и что, если я действительно собираюсь жениться, он эту комнату передаст мне. Начальник жилищного отдела знал, как и все, что у нас с Леной дело только за комнатой, но все же он спросил. Я сказал, что если он сомневается, я завтра же зайду к нему вместе с Леной и она подтвердит мои слова. Начальник покачал головой, сказал:

— Не надо. Верю.

Он выписал ордер на комнату и стал нахваливать Лену, говорить, что она лучшая работница на заводе. Слышать это мне было очень приятно, но я тут же подумал: почему бы начальнику не сказать, что ведь Лена еще и очень красивая?

Не помня себя от радости, я побежал в девичье общежитие, чтобы рассказать о случившемся Лене. Но дорогой сообразил, что сказать ей об этом все равно, что открыто, вслух признаться в любви и попросить выйти за меня замуж. А такие события случаются только раз в жизни человека. И нельзя же подойти к девушке, отдать ей ордер на комнату и сказать при этом самые дорогие, единственные в мире слова. Все это должно быть нежней и торжественнее.

Лена очень любила цветы, и я подумал, что в такой день самым лучшим подарком для нее будет красивый букет. Но стояла глубокая осень, и, как бы далеко я ни зашел в лес, кроме случайных, уже подсыхающих горечавок, все равно я не нашел бы там ничего. Тогда я вспомнил, что в городе, рядом с театром, есть цветочный киоск и в нем осенью продают превосходные букеты поздних астр и георгинов. Я съездил на автобусе в город и купил большой букет пунцовых георгинов.

Вернулся я уже в сумерках, и когда постучал в девичье общежитие, мне сказали, что Лена ушла в клуб на концерт приезжей знаменитой певицы. Прямо с цветами я направился туда. Но хотя до начала оставалось еще много времени, все билеты были проданы, а у входа толпилось много молодежи. Все только и знали, что спрашивали, нет ли у кого лишних билетов. Я долго толкался в толпе, но Лены не увидел. По-видимому, она купила билет заранее и уже сидела в зрительном зале. Тогда я тоже стал ходить и спрашивать, нет ли у кого лишнего билета. Ходил до тех пор, пока не прозвенел последний, третий звонок. И все время боялся, как бы мне не помять георгины.

— Ну пропустите меня так! — напоследок сказал я контролерше, сказал, будто от этого зависела вся жизнь моя.

Она только пожала плечами.

— Не могу. Видите, сколько народу осталось без билетов?

И я тихонько и грустно побрел обратно наискось через площадь, на дальнем углу которой были расположены магазины и в ряду с ними, на самом перехвате дороги, ларек с вывеской «Воды».

Еще когда я ходил и спрашивал билеты, я слышал за спиной какие-то смешки, но не понимал, к кому они относились. Теперь я заметил, что за мной тянется цепочка знакомых ребят, оставшихся, как и я, без билетов, и смеются они именно надо мной.

Я остановился, подозвал одного из них, Алешу из литейного цеха, и недовольно спросил:

— Чего ты смеешься?

Но прежде него ко мне подскочил Валька, тоже литейщик. Он пожал плечами и ткнул пальцем в букет георгинов.

— Это было приготовлено для певицы?

— Нет,— сказал я, светясь (теперь не имело смысла скрывать),— это для Лены. Сегодня я получил ордер на комнату, и мы...

— А-а! — перебил меня Валька и громко захохотал. И вместе с ним захохотал Алеша.— Для Лены? Жених! Понятно...

— А где же тогда у тебя к этим цветам белые перчатки, лаковые туфли и тросточка? — спросил Алеша.

— В такой день я хочу подарить Лене цветы,— возразил я спокойно,— и вовсе не понимаю, при чем здесь белые перчатки и тросточка?

Алеша плечом отодвинул Вальку, и я заметил, что Алеша изрядно пьян.

— Угу! Не понял? — сказал он, заплетаясь в словах.— Женихи, букеты цветов, ария Ленского, выстрел... Не понял?.. Белые перчатки, тросточка и цилиндр, все такое... Поздравляю, Вася! Она, твоя Лена, душа... человек... мастерица... красавица. А это,— и Алеша, пьяно шевеля непослушными пальцами, влез рукой в самую середину букета,— эта вот штука, ну, дома... туда-сюда, всунуть ее в банку с водой, черт ее, пусть стоит. А ходить женихом... с ней... напоказ всему народу...

Валька прибавил:

— Думаешь, Лене не стыдно было бы, если бы ты так вот и поперся к ней через весь зал, через публику: «Нате, получайте, дорогая невеста, подарок!»

— Лена очень любит цветы и подарку моему везде была бы рада,— упрямо сказал я. Но георгины теперь мне показались уже не такими красивыми.

— Чудак ты, чудак! Цветочки... Ты ордер на комнату ей подари. И вообще... Вася! Вот видишь: «Во-ды»... А воды бывают всякие. А?.. За любовь, за счастье... По обычаю русскому... Вася! Ну? С друзьями!..— Алеша погрозил мне пальцем, ласково, но так близко к моим глазам, что я отшатнулся.— А? Не хочешь? Обычай ломаешь? Да? Будешь один? С букетом. Ария Ленского. Выстрел...

— Для меня этот день самый радостный в жизни,— твердо сказал я,— и мне ничем не хочется портить своей радости. Никуда я сейчас не пойду, я должен дождаться Лену.

— Хорошо. Будем ждать все. Вместе.

— Я буду Лену ждать у общежития.

— Ну, знаешь,— закричал Валька,— знаешь, как это называется? С тобой говорят, тебя приглашают, как друга, как человека! Твоя радость — и наша радость. Не-хо-ро-шо-о...

— Один с букетом... Ария Ленского... Выстрел...— пьяно повторил Алеша.

Вокруг нас стали собираться любопытные, завязались споры, и я не знал, как мне закончить разговор, куда пойти и что сделать. И хотя раздавалось много голосов и в мою пользу, было ясно одно, что сейчас я как-то выделяюсь среди всех со своим букетом очень ярких и пышных георгинов. Выделяюсь так, как если бы я действительно стоял в белых перчатках, цилиндре и с тросточкой. Букет георгинов теперь жег мне руки. И я сам не понял, как все же очутился в ларьке с вывеской «Воды», за столиком, покрытым мокрой клеенкой. Алеша, Валька и кто-то еще звенели стаканами, чокались, тянулись ко мне: «Молодец, Вася! За здоровье Леночки!» И чтобы свободнее было рукам, я положил свой букет прямо на мокрую клеенку.

За всю свою жизнь до этого и в самое разное время я выпил, может быть, только пять или шесть бутылок пива, а водки я вообще не пил никогда. Даже думать о ней мне почему-то было всегда противно. Теперь мне всунули в руку полный стакан водки и так кричали все на меня: «Нельзя ставить, нельзя! Ну! Пей до дна, пей до дна!.. За Лену! За любовь! За счастье!»,— что я совсем растерялся. И тогда Валька силой, но как-то очень ловко запрокинул мне голову и заставил выпить все, до капли.

Я чуть не задохнулся, долго кашлял потом, грудь у меня сразу раскалилась, словно чугунная плита, а все смеялись и нахваливали меня. Алеша протягивал мне селедку.

— Закуси.

Валька обнимал и целовал.

— Вася! На свадьбу придем обязательно.

Голова у меня кружилась, в глазах стояли горячие слезы, кажется, меня заставили выпить еще, но я крепко держался на ногах и все время помнил о Лене: я должен пойти к ней и сказать, что очень люблю ее. Очень!

И я снова пошел в клуб.

Контролерша теперь почему-то меня пропустила, не спрашивая билета. Может быть, даже она и спросила, не знаю, но это для меня все равно не имело значения, потому что Лену я должен был увидеть именно сейчас, сию же минуту, и сказать ей самые дорогие в мире слова. Если бы в клубе не было дверей, я прошел бы сквозь стену!

По-видимому, только что объявили антракт, и люди тугим потоком двигались навстречу мне из зрительного зала. Я отбивался от них локтями, а сам искал глазами Лену. Наконец заметил в сторонке, где было чуточку попросторнее. Она шла рядом с подругой и весело улыбалась той самой немного застенчивой улыбкой, которую я так люблю.

Я быстро прорезался сквозь толпу и оторвал Лену от подруги, взял ее за руку.

— Подснежник,— сказал я развязно (язык вовсе не слушался меня),— ты знаешь... вот... сегодня я получил...— Выхватив из кармана, я втолкнул ей в мягкую ладонь ордер на комнату и зачем-то с силой стиснул в кулачок ее пальцы.— Держи крепче! Подснежник, я тебя очень лю...

Только тут я заметил, что Лена стоит белая, без кровинки в лице, а в глазах у нее горькая обида и страх.

— Вася, вы напились,— тихо сказала она, словно бы даже не пошевелив губами, может быть, только взглядом одним.

И из руки у нее вывалился смятый в комочек ордер на комнату. Он покатился по полу, и кто-то на него наступил.

Из распахнутой уличной двери в фойе потянуло холодком, и я, немного трезвея, вдруг разобрал, что нас окружает плотное кольцо людей и все глядят на меня так, будто я стою в белых перчатках, в цилиндре, лаковых туфлях и с тросточкой — словом, один как-то пособенному и резко выделяясь среди всех. Мысль у меня работала все еще туго, но я подумал: «Вот это, пожалуй, действительно в белых перчатках... и с тросточкой... Не то что с букетом...»

И мне страшно захотелось попросить у Лены прощения. Но я не знал, как это сделать, когда вокруг стоит кольцо людей и все глядят на меня осуждающе. Голова у меня была все еще словно набитая ватой, и каждое слово давалось мне с большим трудом.

— Подснежник, ты...— начал я и поправился: — Лена, вы...

— Довольно! — крикнули сзади.— Вывести вон!

И меня схватили под руки, повели. Я знал,

«Алерт!». Московская студия научно-популярных фильмов. Режиссер Б. Ляховский. Автор сценария А. Гладков. Выпуск 1959 года.

Над поверхностью Солнца вздымаются гигантские всплески. Огненные языки протуберанцев простираются на сотни тысяч километров. Из первой обнаружившей эту бурю обсерватории сообщение летит в Болдер (штат Колорадо), где находится Мировой прогностический центр МГГ. Сообщения множатся, и вот раздается сигнал: «Алерт! Будь готов к наблюдениям!»

«АЛЕРТ!» — и огромный телескоп Крымской астрофизической обсерватории нацеливается на Солнце; «АЛЕРТ!»—и ученые на геомагнитной станции в Ловозерской тундре приступают к наблюдениям; «АЛЕРТ!» — и исследователи космических лучей спешат запустить в стратосферу снабженные приборами шары-пилоты; «АЛЕРТ!» — и холодные сполохи полярных сияний в далеком Мирном запечатлеваются на кинопленку специальной камерой. Так начинается дружный аврал ученых всего мира.

...Идет от прибора к прибору метеоролог. Где бы он ни был: в цветущем ферганском саду или на заснеженной антарктической станции Пионерская, — он измеряет температуру, влажность воздуха, атмосферное давление, количество осадков, направление и скорость ветра. На сотнях станций во всем мире его коллеги в тот же час и ту же минуту делают такую же работу. Они обмениваются сообщениями по радио. И вот возникает картина, показывающая состояние погоды по всей Земле.

Но, чтобы точно предсказать погоду на несколько недель или даже месяцев вперед, надо еще знать, что делается в толще атмосферы. В кадре — метеорологический самолет-зондировщик. Он приносит пробы воздуха с большой высоты. Вот летит радиозонд, сконструированный профессором Молчановым. Установленный на нем радиопередатчик рассказывает о температуре, давлении, влажности на высоте тридцати километров. А что делается еще выше? Об этом поведают ракеты.

Земля Франца-Иосифа. На пусковой площадке — большая метеорологическая ракета. Взлет! Приборы регистрируют показания «глаз» и «ушей», которыми человек снабдил ракету. Парашют спускает ее на землю, и мы видим нашу планету, как ее засняла с заоблачных высот автоматическая кинокамера.

Член-корреспондент Академии наук СССР Е. К. Федоров рассказывает, что науку не удовлетворяют одни ракетные исследования. Они дают очень кратковременные показания, да и то лишь об одном пункте. Чтобы создать общую геофизическую картину, нужны искусственные спутники Земли.

Биологические исследования, поставленные на втором советском спутнике, до сих пор остаются уникальными. Пассажир его Лайка — живое существо, покинувшее Землю. А вот и она сама глядит с экрана.

В научно-исследовательском институте тщательно готовят «путешественницу» к заатмосферному полету. Мы видим, как собаку приучают к вибрации и пониженному давлению, как на специальной «карусели» — центрифуге — доводят ускорение до той величины, какую оно достигнет во время запуска. Пульс, дыхание, кровяное давление регистрируются приборами, которые показывают, что никакой угрозы для жизни четвероногих космонавтов нет. Вот животные в ракете. Она стремительно взлетает. На большой высоте от ракеты отделяются парашют с контейнером, а в нем наши «путешественницы». Темноту зала облетает общая улыбка: полет благополучно окончен.

Киноаппарат ведет нас все дальше, повсюду, где раскинулись посты и дозоры науки. По океанам и морям плавает целый флот МГГ. В его составе четырнадцать советских кораблей, выполняющих эту программу.

Вершины высочайших гор и полярные районы покрыты вечными снегами, Антарктида и Гренландия закованы в ледяной панцирь, достигающий нескольких километров толщины. Эти ледяные массивы оказывают большое влияние на климат всей Земли. Вот почему во время МГГ так широко развернули свою работу гляциологи — специалисты по изучению льда.

Ледник Федченко. Эта огромная кладовая льда питает влагой многие реки Средней Азии. Без них цветущие долины стали бы бесплодной пустыней. Чтобы знать, сколько здесь льда, проследить его «приход» и «расход», на пятикилометровой высоте поселилась группа зимовщиков. Вместе со всем льдом их станция «дрейфует» — медленно сползает вниз. И к концу МГГ ее сотрудники окажутся, может быть, на несколько сотен метров ниже, чем были вначале. Тяжелые самолеты сбрасывают горстке смельчаков припасы и почту...

Картина посвящена в основном исследованиям, которые ведут ученые Советского Союза. Но в ней рассказывается и о геофизиках других стран. В фильм включены эпизоды, показывающие запуск искусственного спутника Земли на мысе Канаверал в США. На глубочайшем руднике Войтех чехословацкие ученые изучают колебания земной коры. Исследуют космические лучи в Венгрии сотрудники профессора Яноши. Приступают к наблюдениям за Солнцем японские астрономы. Немецкий ученый ведет исследования на советском Памире. И все они связаны незримыми нитями: все они делают одно большое общее дело, открывая заново нашу Землю, такую привычную и такую еще незнакомую...

Для того, чтобы отразить деятельность ученых, выполняющих программу МГГ, творческому коллективу, возглавляемому режиссером Борисом Ляховским, пришлось заглянуть в самые дальние уголки не только нашей страны, но и за ее пределы. Операторы Московской студии научно-популярных фильмов исколесили десятки тысяч километров от зеленых Азорских островов до ледяной Антарктиды. Только большое мастерство создателей фильма позволило с исчерпывающей полнотой, с большим тактом и вкусом изобразить эти сложные и разнообразные факты. Мы узнали много нового. Это новое умело объяснено, ненавязчиво показано.

Самое же главное — фильм весь пронизан духом доброй воли, международного сотрудничества, тем духом, которым характеризуется Международный геофизический год.

Б. СИЛКИН,
научный сотрудник Советского комитета по проведению МГГ

что виноват, и не сопротивлялся. Мне даже самому хотелось скорее уйти отсюда, где на меня глядят сотни глаз и где Лена стоит, тоже на виду у всех, бледная, с дрожащими от обиды губами. И потом, мне нужно было найти Алешу и Вальку, чтобы расправиться с ними.

Когда за мной на тугой пружине закрывалась

дверь главного входа, я услышал звонок, долгий, острый, сверлящий. Это кончался антракт и начиналось второе отделение концерта. От этого звонка у меня комком сжалось сердце. Я знал: Лена с подругой зайдет сейчас в зрительный зал и глухими ушами будет слушать певицу, а я в это время смертным боем буду драться с Алешей и Валькой. Я никогда в жизни не дрался, но теперь это было единственное, чего требовала моя душа.

В ларьке с вывеской «Воды» было безлюдно, буфетчица под краном мыла кружки, а столик, за которым мы пили, еще не был прибран, блестела мокрая клеенка, и рядом с увянувшим моим букетом лежали селедочные кости. Кто-то бросил недоеденную селедку даже на самый букет.

— Где Валька с Алешей? — спросил я буфетчицу. И страшная усталость вдруг охватила меня. Может быть, и хорошо, что я их не застал. Черт с ними!

Буфетчица не ответила, и этому я тоже был рад.

Я подошел к столику, потрогал смятые лепестки георгинов. Какой красивый был этот букет! Как солнечно он осветил бы нашу комнату! А теперь? Как я все это исправлю?

Непроизвольно я сунул руку в карман, где лежал у меня ордер на комнату, и вспомнил, что он, как ненужный комок бумаги, остался в клубе лежать на полу. И мне снова вспомнилась бледная и оскорбленная Лена.

Я грудью упал на столик, уткнулся лицом в холодные цветы и заплакал самыми горькими и тяжкими за всю мою жизнь слезами.

Подошла буфетчица с ведром и тряпкой, сказала брезгливо:

— Вот так вот и всегда. Пьют, пьют, лакают эту водку, а после плачут, рыдают. Э-эх!

Оттолкнула меня и тряпкой вместе с селедочными костями смахнула букет георгинов в мусорное ведро.

Я увидел лицо буфетчицы, немолодое, суровое, честное, лицо усталой женщины, которой вообще противно торговать водкой, а сейчас в особенности противно смотреть на крепкого, здорового парня, пьяно плачущего за мокрым столом. И слезы одолели меня сильнее, теперь еще и от горькой обиды на то, что я сижу здесь и плачу, не понятый этой женщиной, наверное, очень хорошей и доброжелательной к людям.

Сколько времени так просидел за столом, я не помню. Связных мыслей у меня не было никаких, бились и сталкивались в мозгу все время только одни и те же слова: «зачем» и «ни за что больше». Пустыми глазами я глядел на пустую, беленую стену. Где-то за прилавком позванивало стекло, плескалась вода. Это буфетчица все еще наводила порядок. Я чувствовал, что она спешит, ей нужно закрывать ларек, рабочие часы истекли, но встать и уйти почему-то не мог.

— Парнишка! — вдруг услышал я за спиной у себя. А потом на плечо мне легла легкая и ласковая рука. — Ну? Чего это ты? Иди-ка, умойся, что ли?

И мне приятно было послушаться этих теплых, по-матерински сказанных слов.

Я плескался под краном, смывая с лица свой позор, а сам теперь говорил, говорил и не мог остановиться: человеку, который отнесся ко мне так сердечно, я должен был высказать все.

На гвозде рядом с краном висело полотенце, все захватанное грязными пальцами. Я снял его с гвоздя, но не успел поднести к лицу: буфетчица отняла и подала мне другое, чистое, немного влажное, наверное, то, которым, закончив работу, она вытиралась сама.

— Возьми, парнишечка, вот это почище.

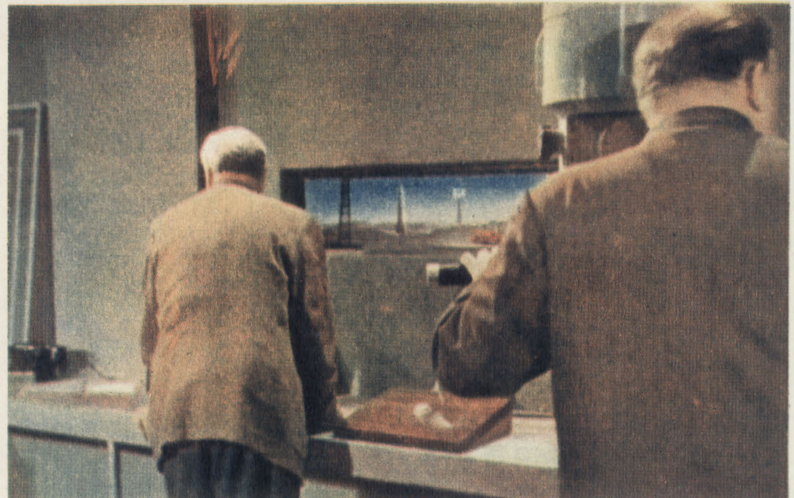
Мы вышли на крыльцо вместе. Из клуба через усилитель транслировалось по радио выступление знаменитой певицы. Люди шли и останавливались, чтобы послушать. Певица пела красивую и нежную песню о вечной любви. Я нечаянно взглянул на буфетчицу и увидел в глазах у нее светлые, чистые слезинки, и мне снова сделалось стыдно всего того, что я натворил в этот вечер, и своих пьяных слез.

На площади развернулся автобус, фыркнул синим дымом, и люди, стоявшие на площади, недовольно оглянулись.

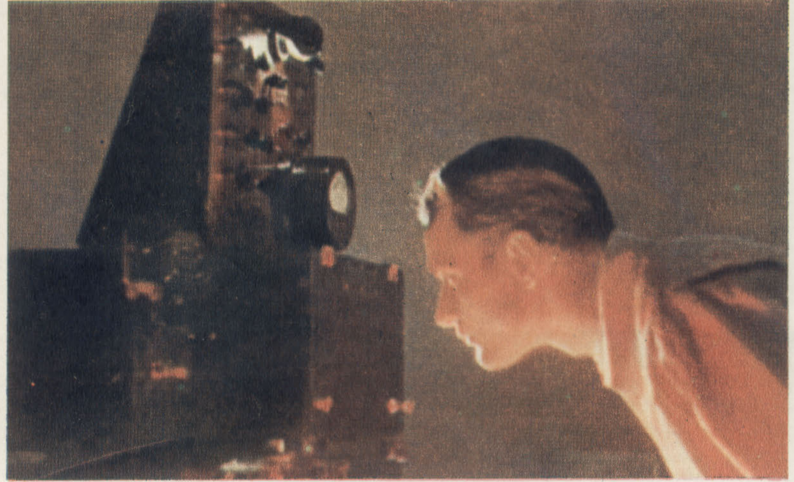
— В город автобус, — сказала буфетчица. И подтолкнула меня в плечо. — Езжай, парнишка! Езжай на нем опять за цветами! За свеженькими. Успеешь. А я поговорю с твоей Леной.

Кадры из кинофильма „Алерт!"

«Пассажиров просят занять места!»

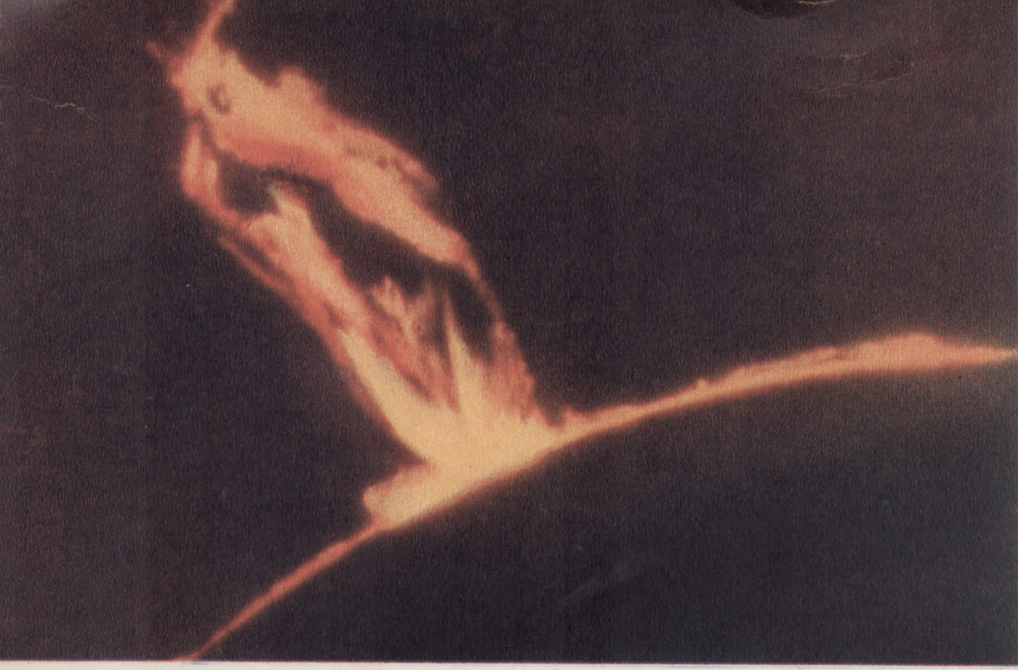
Командный пункт ракетодрома... К запуску все готово!

На станции Борок. Приборы регистрируют магнитную бурю.

Закладка парашютов в ракету: она должна вернуться на землю.

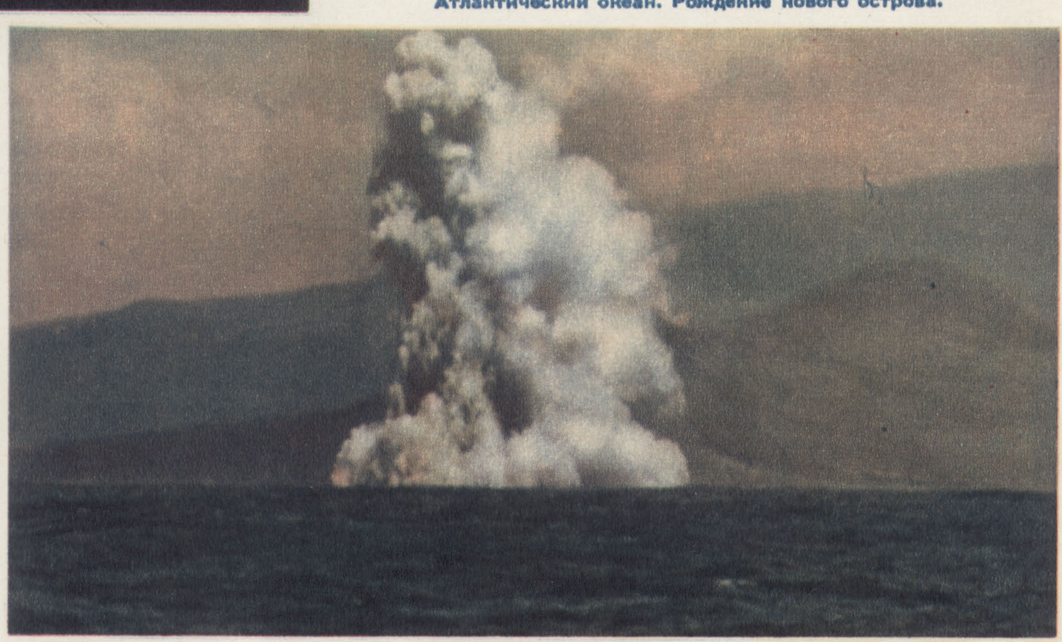

Протуберанец — гигантский всплеск материи — вздымается от Солнца на сотни тысяч километров.

Доктор Л. Пайдушак-Мркосова, директор обсерватории Словацкой Академии наук, наблюдает за солнечной активностью.

Атлантический океан. Рождение нового острова.

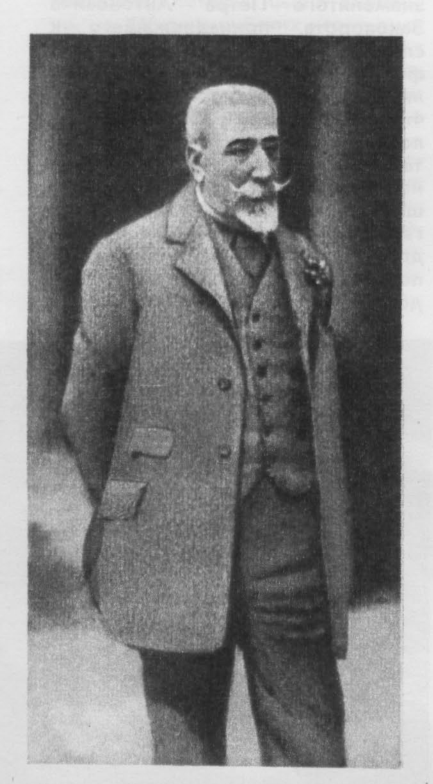

«Лучше приборы, чем жерла пушек»,— считают ученые всего мира.

Полярное сияние.

АНАТОЛЬ ФРАНС В РОССИИ

В связи с выпуском в Государственном издательстве художественной литературы собрания сочинений Анатоля Франса советские литературоведы, изучающие взаимосвязи русской и французской культуры, обнаружили в архивах немало забытых сегодня документов. Так, например, в петербургских и московских газетах 1913 года сохранились сведения о путешествии Анатоля Франса в Россию. Публикуемая статья рассказывает об этом интересном путешествии.

Анатоль Франс на площади Исаакиевского собора в Петербурге. 1913 год.

23 июля 1913 года в петербургской гостинице «Астория» остановился известный французский романист Анатоль Франс.

Он приехал в Петербург, героический пролетариат которого видел в нем в дни первой русской революции 1905 года доблестного защитника. Будучи председателем организованного тогда в Париже «Общества друзей русского народа», Франс выступал не раз перед многочисленной парижской аудиторией.

«На берегу Невы, Вислы и Волги,— говорил Франс,— вот где решаются ныне судьбы новой Европы и будущего человечества.

Удивительный обмен идеями и понятиями. В 1789 году наши предки показали Европе пример буржуазной революции, зато теперь русские пролетарии дают нам урок революции социальной...»

Имя Франса стояло одним из первых среди представителей науки, искусства и литературы Франции, опубликовавших в газете «Юманите» протест против ареста М. Горького в январе 1905 года. Франс от имени «Общества друзей русского народа» обратился тогда с воззванием «Ко всем свободным людям» мира, призывая выступить в защиту Горького.

В свое первое и единственное путешествие в Россию Франс собрался как-то неожиданно даже для самого себя: в то время он получил от одного лондонского издательства гонорар, что позволило ему, щепетильному в денежном отношении, принять предложение своего друга Жоржа Сакса, финансиста и мецената, отправиться на пять дней в Петербург и Москву. До русской границы они ехали в автомобиле.

Франс прибыл в Россию летом 1913 года. Никто не знал о его приезде, он не был встречен даже членами французской колонии; почтенный автор любимых в России книг уклонился от всяких чествований.

— Уже давно мечтал я попасть в Петербург,— сказал французский писатель корреспонденту одной из газет,— и вот мечта моя осуществилась... Я знаком с произведениями многих русских писателей и очень жалею, что не владею русским языком, чтобы читать их в подлиннике: ведь в музыке фраз, в созвучиях отдельных выражений каждого писателя заключается много такого, что не поддается передаче средствами чужой речи. — И Франс назвал имена Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого. — Как жаль, — воскликнул Франс,— что я уже не застал Толстого! Он обо всем говорил красиво и глубоко. Сказать красиво — значит сказать глубоко, потому что в каждом человеке дремлет художник и пробуждается от сказанных слов.

Франс и его спутники знакомились с художественными сокровищами Петербурга, его окрестностей, но главным образом с богатствами Эрмитажа. Одному из корреспондентов Франс написал на память:

«Дорогой г. Константин Льдов, кому лучше, чем вам, поведать чувства, испытываемые мною при осмотре этого величественного, истинно царственного города, проникнутого столь величавой красотой, при осмотре музея Эрмитажа, одного из самых богатых в мире.

Что касается русской мысли — столь свежей и столь глубокой, русской души — столь отзывчивой, столь естественно-поэтической, то я уже давно проникся ими, восторгаюсь и люблю».

25 июля Франс и его спутники прибыли в Москву.

— Сейчас же начну осматривать город и еду в Кремль прямо с вокзала,— сказал писатель.

При осмотре Оружейной палаты повторилось то же, что и в Эрмитаже. Казалось, и здесь Франс бывал неоднократно: он меньше слушал, чем говорил. Увидев редчайшую коллекцию оружия, Франс, улыбаясь, попросил показать ему то, что носит характер миролюбия, а не войны.

Очаровавший его Кремль Франс посетил вторично, чтобы осмотреть соборы. Он ездил на Воробьевы горы, побывал у букиниста Старицина в Леонтьевском переулке, бродил по антикварным магазинам, приобретая предметы любимой старины, и продолжал изучать Москву.

В своих впечатлениях от поездки в Петербург и Москву Франс отдал предпочтение последней.

— Петербург — город, и только город... Петербург можно создать когда угодно и где угодно, но Москва создала Россию.

На вопрос корреспондента, что ему больше всего понравилось в Москве, Франс ответил:

— Стены Кремля. Это поэма. Нет лучшей символической поэмы для истории вашего народа и страны, как эти зубчатые стены. Но вся ваша Москва — поэма. Я мог так мало осмотреть, но я чувствую, понимаете, чувствую вашу радушную старую Москву, и совсем иначе, чем издали...

Я увидел настоящее, трепетное сердце оригинального, сильного русского народа, его искусство, его своеобразную цивилизацию, так мило смешанную с остатками наивной старины. Я видел столько приветливых лиц, слышал столько прекрасных слов на таком милом моему сердцу родном языке, особенно милом в этом своеобразном русском произношении. Я тронут тем, что меня так знают в России.

На вопрос, мог ли Франс, гуляя по Москве, не вспоминать о Наполеоне, писатель улыбнулся:

— Тень Наполеона не покидала меня почти ни на минуту. Может быть, это и смешно, особенно, принимая во внимание, как изменился с того времени город, однако невозможно быть в Москве и не думать о драме, пережитой здесь французским народом.

Я глядел на золоченые купола и вспоминал: на них, полный энтузиазма, смотрел когда-то он. Я ходил по улицам и говорил себе: здесь когда-то среди пламени пожара переживала свою агонию великая армия. От раскаленных июльскими лучами солнца стен и мостовой на меня веяло жаром, и я повторял: вот этот город, такой горячий, блистающий яркими красками и умеющий становиться холодным, как лед! Он сжимает своих врагов то пылающим объятиями пожаров, то ледяными руками мороза. Впрочем, все это старая быль — быль не сегодняшней Москвы. Я явился сюда, слава богу, не в роли завоевателя, а в роли простого туриста.

Перед отъездом Франс обещал вернуться в Москву, но тут же добавил: «Я уже стар. Мне 69 лет...»

Новое свидание Франса с Россией не состоялось. Но он вернулся к нам сердцем и умом. Тот, кого можно было видеть на стороне русского пролетариата в революцию 1905 года, приветствовал Октябрьскую социалистическую революцию.

Франс был одним из первых на Западе друзей советского народа. В 1919 году в «Обращении к читателям» писатель выступил против империалистической интервенции и голодной блокады молодого Советского государства: «Ничто не сможет помешать неизбежной революции, которая уже совершается на наших глазах»,— писал он в «Обращении».

За два года до смерти Франс приветствовал пятилетие Октябрьской революции, заявив, что она «посеяла семена, которые, если тому будет благоприятствовать судьба, обильно взойдут по всей России и, быть может, оплодотворят когда-нибудь Европу».

Н. АЛЕКСЕЕВ

ГРЕХ МОЛЧАНИЯ

Джон О. Килленс — молодой талантливый прогрессивный американский писатель. Его роман «Молодая кровь» обогатил современную американскую литературу. Килленс пишет о негритянском народе со знанием, любовью и гордостью за него. Он показал людей и те условия, в которых они живут.

Когда за границей друзья спрашивают меня о негритянском вопросе, я им подробно рассказываю об обстановке. Очень трудно описать условия, в которых живет большинство негров на юге США. Даже сейчас миллионы негров в сельскохозяйственных районах живут в условиях феодализма и рабства.

Роман «Молодая кровь» важен и полезен тем, что дает ясную картину образа жизни на юге США. Автор рассказывает об этом так, что читатель многое узнает, начинает понимать и уважать негритянский народ.

Некоторые американские критики заявляют, что Килленс рисует слишком мрачную картину. Но такова жизнь: мрачны сами факты. Конечно, есть и на юге белые, которые хотят помочь неграм изменить существующее положение, но откровенное запугивание заставляет многих из них молчать.

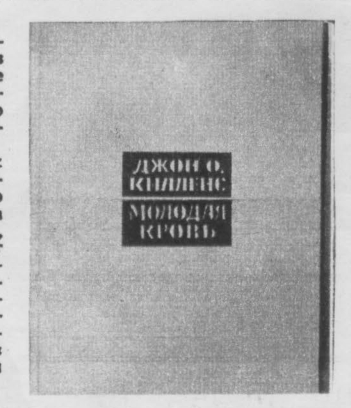
Епископ Окснен, один из ведущих деятелей церкви в США, опубликовал в одном из центральных журналов большую статью, которую назвал «Грех молчания». Он призвал белых людей на юге и во всей стране откинуть в сторону занавес молчания и включиться в борьбу за равные права. Как церковный деятель, он заявил, что молчать в то время, когда существует мучительная несправедливость,— это грех.

После выхода в свет романа появились новые сообщения об активизации прогрессивно настроенного белого населения. Во время событий в Литл-Роке много белых южан выступили на стороне негритянских детей. Подобный случай произошел и в Клинтоне, штат Теннесси, где белые женщины и священники требовали совместного обучения их детей с негритянскими.

В своем романе Килленс воспевает мужество и выносливость негритянского народа. Я сама негритянка и горжусь Лори Ли Янгблад, которая героически отдает все силы семье, своим детям. И Лори Ли также могла бы гордиться нашими героинями-негритянками, такими, как Роза Паркс, участница автобусного бойкота в Монтгомери, или Дейзи Бейтс из Литл-Рока.

Эсланда РОБСОН

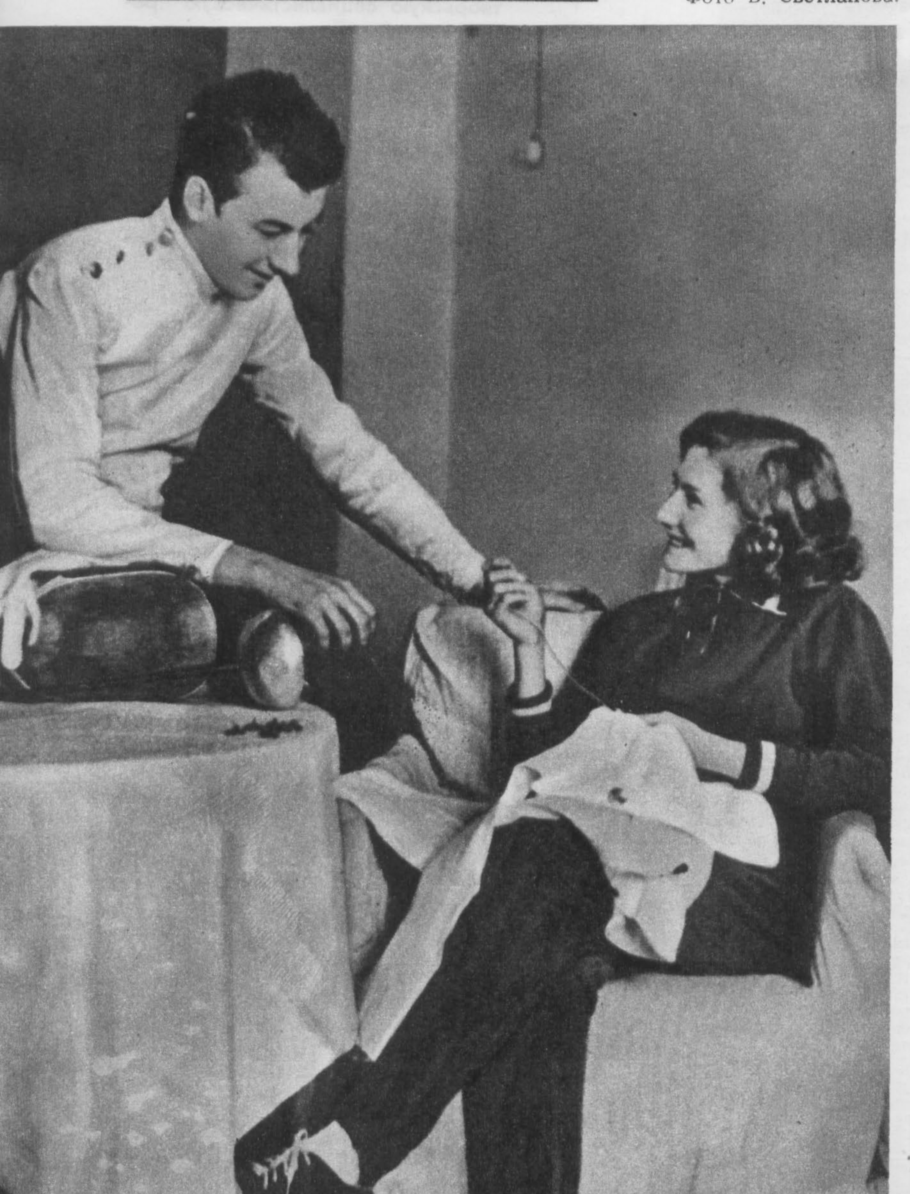
Перевод с английского.

Джон О. Килленс. Молодая кровь. Роман. Изд-во иностранной литературы. Москва. 1959. 576 стр.

ДЕДЫ И ВНУКИ

Петр Антонович Заковорот.
Фото П. Омельченко.

В. Прудскова и Б. Хабаров.
Фото В. Светланова.

В. ВИКТОРОВ

Новый сезон международных встреч вместе с легкоатлетами и велогонщиками открыли также и фехтовальщики. В середине мая они скрестили свои клинки в огромном зале Дворца Конгресса в Риме. Этот турнир собрал лучших мастеров рапиры, шпаги и сабли восьми стран, и в том числе, конечно, традиционных победителей всех крупнейших состязаний — фехтовальщиков Италии, Франции и Венгрии.

Сколько же неожиданностей таили римские встречи для тех, кто не очень-то в курсе событий, происходящих за последние годы на фехтовальных дорожках! Уже начало турнира — состязание мужчин на рапирах — закончилось с сенсационным результатом. Расправившись с тридцатью четырьмя соперниками, в том числе с итальянцем Спаллино и венгром Цвиковским, первое место завоевал Марк Мидлер, которого римские журналисты прозвали «джованиссимо ма брависсимо».

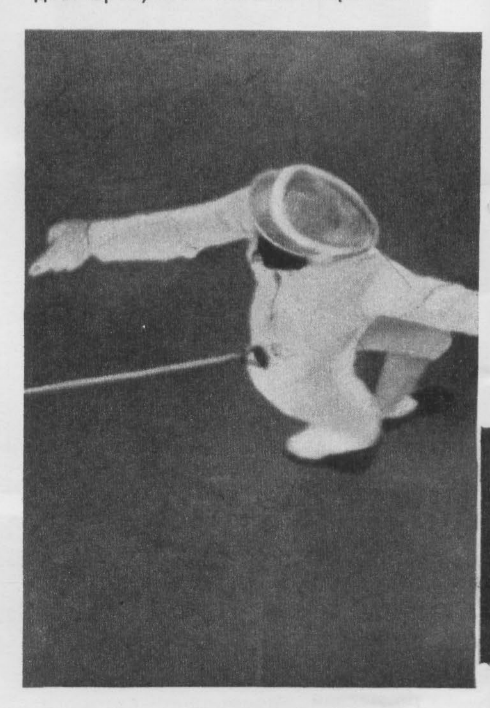
Молодой, но очень бравый — так звучит в переводе на русский язык итальянское прозвище Мидлера. С таким же успехом оно могло бы относиться и к остальным членам советской команды.

В число шестнадцати сильнейших фехтовальщиц вошли и совсем молоденькие советские спортсменки Татьяна Петренко и чемпионка мира среди девушек 1959 года Валентина Прудскова. И хоть им так же, как и более опытным их подругам, Александре Забелиной и Эмме Ефимовой, и не удалось на сей раз дойти до финала, но они взяли блестящий реванш, выиграв товарищескую встречу у сборной команды Италии со счетом 11 : 5.

А разве не достоин прозвища «джованиссимо ма брависсимо» двадцатилетний Бруно Хабаров? Он уже отличился в начале этого года в Париже, завоевав юношеское первенство мира по шпаге. Теперь в Риме, встретившись с многоопытными шпажистами, он дошел до полуфинала, проиграв прославленному фехтовальщику мира — итальянцу Манджаротти. Однако и здесь советские фехтовальщики на шпагах взяли реванш в командном состязании.

Еще совсем недавно фехтование считалось у нас отстающим видом спорта.

Между тем оно имеет большую и интересную биографию. Вспомнить о ней помог мне Иван Ильич Манаенко — фехтовальщик и тренер, воспитавший трех чемпионов мира: Я. Рыльского, А. Забелину и В. Киселеву. Сам он начинал двадцать два года назад у знаменитого Петра Антоновича Заковорота, принадлежащего к славной когорте старых русских фехтовальщиков. Все они были людьми военной косточки, потому что фехтование вырабатывает в человеке исконные качества солдата, бойца. И может быть, именно поэтому, когда отошли в прошлое гусарские сабли и кавалергардские палаши, рапиры и эспадроны остались на вооружении первых красногвардейских отрядов. Сразу же после Октябрьской

революции в Петрограде начала работать военная главная гимнастическо-фехтовальная школа. Будущие командиры Красной Армии учились там владеть спортивным оружием и вскоре лихо фехтовали, атакуя и защищаясь по всем правилам древнего боевого искусства.

Михаил Васильевич Фрунзе был большим знатоком и любителем фехтования. Он видел схватки известных тогда спортсменов Мордовина и Климова, впоследствии воспитавших многих отличных фехтовальщиков. Основными центрами, где развивался этот спорт, долгое время оставались Москва и Ленинград. Но затем к ним прибавился и Харьков. Там жил Петр Антонович Заковорот.

К бывшему гусару в руки и попал паренек из донбасского рабочего поселка Енакиево Иван Манаенко. Это были большие, сильные руки, умевшие в свое время останавливать лошадь на полном скаку.

Петр Антонович передавал питомцам замечательную технику владения оружием. А техника эта требовала исключительно упорной работы, неустанного повторения фехтовальных упражнений. Иван Манаенко неоднократно добивал-

ся победы. В 1951 году стало известно, что советские фехтовальщики примут участие в XV олимпийских играх.

Но каковы их силы? Кто мог ответить на этот вопрос? Ведь никто из советских спортсменов не видел перед собой сильнейших фехтовальщиков мира: итальянцев, французов и венгров. Многие думали, что наши фехтовальщики не имеют никаких шансов на успех в международных соревнованиях.

И как это ни было печально, но выступления советских спортсменов, среди которых был и Манаенко, на XV олимпийских играх подтверждали это мнение. Советская команда фехтовальщиков потерпела большое поражение. Ни один из ее спортсменов не попал в финал.

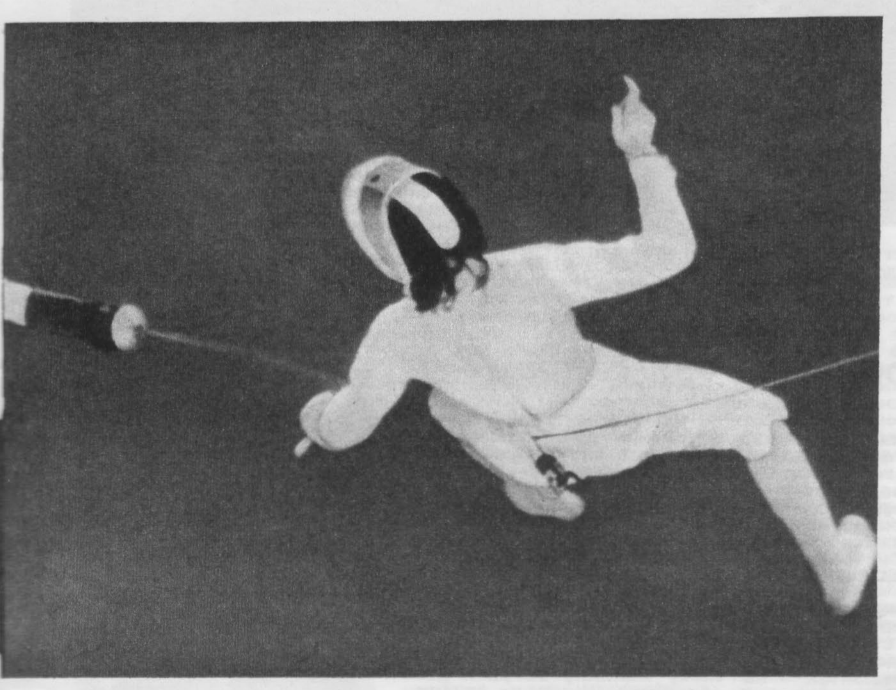
Основываясь на той школе, которую создали первые русские фехтовальщики, Манаенко стал тренировать молодых спортсменов. Еще раньше создал свою школу известный фехтовальщик Виталий Андреевич Аркадьев.

тябре 1958 года в США, в Филадельфии.

По воле жребия женский турнир начался со встречи двух наших лучших фехтовальщиц (как известно, женщины фехтуют только на рапирах). Валентина Киселева и Эмма Ефимова оказались равными соперницами и продемонстрировали бой большого напряжения. Как стало ясно позднее, первая же их встреча во многом решила судьбу первого места: Киселева, выиграв шесть боев из восьми, завоевала золотую медаль, а Ефимова получила серебряную.

У мужчин отличился в прошлом рудокоп, а затем солдат Яков Рыльский. Он победил лучших фехтовальщиков по сабле. Впервые в истории золотая медаль была вручена спортсмену СССР. Поистине великолепны результаты филадельфийского турнира: и в женской рапире и в мужской сабле мы были бесспорными лидерами.

Теперь наша задача состояла в том, чтобы достигнуть таких же успехов в рапире у мужчин. И вот

Бой начался...
Фото А. Бочинина.

Его ученики М. Мидлер и Н. Шитикова на фестивале 1955 года в Варшаве оказались победителями по рапире, а уже в следующем году советские спортсмены нанесли «комбинированный» удар и на мировом первенстве в Лондоне. Женская команда СССР заняла первое место, внеся основательную панику в ряды традиционного франко-венгро-итальянского триумвирата. Эту победу завоевали Надежда Шитикова, Эмма Ефимова, Вивета Ягодина, Валентина Киселева и Александра Забелина.

Вслед за этим последовали новые успехи, и немалые. В 1957 году А. Забелина заняла первое место на турнире в Генте, а затем завоевала первенство на чемпионате мира, которое проходило в Париже.

Прошлый год был особенно «урожайным». На юношеском первенстве мира в Бухаресте та же А. Забелина достигла нового успеха. Она завоевала первенство. В поединках на шпагах лучший результат показал Валентин Черников.

Но подлинный триумф ждал советских спортсменов на чемпионате мира, который состоялся в ок-

Марк Мидлер добился блестящей победы в Риме.

Получают достойную смену и наши шпажисты, которые до недавнего времени не могли похвастаться успехами. Сергей Хабаров — участник XV олимпийских игр — взял неожиданный реванш за свою неудачу в Хельсинки. Это он подготовил своего сына Бруно к победе на юношеском первенстве 1959 года в Париже.

Молодые чемпионы являются теперь нередко представителями городов, где раньше фехтование было развито слабо. Валя Прудскова — из Саратова, Бруно Хабаров — из Риги. Все большее распространение получает фехтование в нашей стране.

Сейчас сильнейшие фехтовальщики мира уже подумывают об олимпийских встречах на родине прославленных итальянских мастеров клинка — в Риме. А ближайшая их цель — Будапешт. Там у самых грозных соперников по сабле будет проведен в июле очередной мировой чемпионат.

К нему-то сейчас и готовятся внуки Заковорота не покладая ...клинков.

Жизнь
ИСКУССТВА

Сцена из новой оперы К. Листова «Олеся».
Фото В. Земляниченко.

Саратовцы полюбили «Олесю»

С неослабевающим успехом, при аншлагах идут в Саратовском театре оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского новые спектакли «Укрощение строптивой» и «Олеся».

В Саратове любят оперную музыку. Здесь впервые увидели свет рампы многие произведения советских композиторов.

С оперой Константина Листова «Олеся» по одноименной повести Куприна главный дирижер театра, народный артист РСФСР Н. Шкаровский познакомился около двух лет назад и сразу же предложил ее к постановке. В работу над новым спектаклем постепенно втянулся весь коллектив... И вот театральные афиши Саратова объявили о новом спектакле.

Заглавную роль в опере Листова исполняет талантливая певица Галина Станиславова. Ее Олеся сохранила все черты купринской героини: поэтичность, цельность характера, силу и чистоту чувств. Нет только в ее Олесе «колдовского» начала, но это не упущение, не промах актрисы, а осознанная позиция театра. Трагедия Олеси предопределена не злым «роком», а темнотой, суевериями ее односельчан.

Роль «ведьмачки» Мануйлихи поручили молодой актрисе Евгении Родионовой, которая в прошлом сезоне пела Кармен. Удивительно точно передает Е. Родионова черты старой Мануйлихи, злой и скрытной, но еще более несчастной и обездоленной...

Театр покажет свои новые работы зрителям Сталинграда, Краснодара и Сочи.

Я. ЯВЧУНОВСКИЙ

Былинка в реке жизни

«Русский лес» Л. Леонова читали все. И у каждого читателя свое отношение к героям, свое представление о них... А вот юную Полю Вихрову, вероятно, многие видят одинаково. Девчушка, тоненькая, как былинка, существо, совсем еще не оперившееся, но уже о многом думающее, со многим спорящее, многое утверждающее... Девчушка не только смешная и трогательная, но и умненькая и неожиданно сильная. В поступках, чувствах, стремлениях, даже внешнем облике она столь же полно передает особенности своей эпохи, как, скажем, Наташа Ростова — своей.

И вот эта самая, всем как будто хорошо знакомая Поля, именно такая, какой ее все и представляли, вдруг появилась на сцене Киевского театра имени Леси Украинки. Смуглая, загорелая, как лесной орешек, в тапочках на босу ногу, полудетском ярко-розовом сарафане, со смешной панамкой на голове, большим походным рюкзаком за спиной и бесконечными свертками в руках...

Студентка четвертого курса Киевского театрального института имени Карпенко-Карого Ада Роговцева, играющая Полю Вихрову, ощутимо доносит со сцены в зрительный зал свежее дыхание далекой Енги, всей широкой русской земли.

Сразу же, с первых шагов Поля-Роговцева с пленительной доверчивостью юности рассказывает все о себе. Хотя, собственно, ей пока и рассказывать-то еще нечего. Окончила школу на Енге. Записала в дневник понравившиеся ей слова: «И вот былинку понесла река...». Записала, но не знает, что слова эти — о ней самой...

Бережно и плавно несла до сих пор хрупкую былинку река жизни. Под бомбами фашистских асов забурлила, вздыбилась, вышла из берегов эта река, нарушилось ее размеренное течение. Сурово швыряет жизнь былинку, бьет о берега. И мы видим, как мужает, крепчает в испытаниях Поля, сыгранная Адой Роговцевой.

Студентка влюблена в свою героиню. Вот она сидит передо мною, уже без грима, легкая и изящная в своем простом летнем платьице. Речь ее отличается чистым русским произношением. Но

Полю Вихрову в спектакле «Русский лес» играет Ада Роговцева.
Фото Е. Рагузина.

Ада — коренная украинка, киевлянка. Густые, разлетистые брови над высоким и ясным лбом, огромные глаза, глубокие, задумчивые. По лицу девушки словно пробегают свет и тени: меняется взгляд, выражая то беспечную радость жизни, то внутреннее беспокойство: Ада сейчас решает свою судьбу, думает, где и как сложится ее артистическое будущее...

До сих пор и эту девушку тоже оберегала и баловала жизнь. Уже несколько раз снималась Ада в фильмах Киевской киностудии. На третьем курсе успешно сыграла Мавку в спектакле «Лесная песня» Леси Украинки. И вот теперь превосходно справилась с ролью Поли Вихровой в «Русском лесе»...

Думается, молодая актриса вложила в этот сценический образ много личного, заветного, душевного. Если это так, то она станет человеком, нужным искусству, нужным жизни.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ОТ КРАЯ

ЧЕШСКИЙ МАРЕСЬЕВ

Недавно я сопровождал профсоюзную делегацию Чехословакии в поездке по Советскому Союзу. В Крыму гости осматривали здравницы Южного берега, совершали морские прогулки на катерах.

Невольно я обратил внимание на широкоплечего, коренастого мужчину с открытым лицом. Он ходил слегка вразвалку, тяжелой поступью.

— Кто этот товарищ? — спросил я.

— Алоиз Шейнер — тракторист Пильзенской МТС, — ответил переводчик.

Подошла группа отдыхающих санатория «Украина», в парке которого мы находились. Завязалась оживленная беседа, и тут я услышал историю жизни этого замечательного человека.

Алоиз Шейнер родился в крестьянской семье. Трехлетним ребенком он попал в работающую сенокосилку и лишился обеих ног.

Проходили годы, маленький Алоиз рос замкнутым, грустным мальчиком. Бегать, играть со сверстниками он не мог. Товарищи обращали на него мало внимания. С ранних лет он увлекался чтением, изучал устройство всевозможных машин. Все годы Алоиза преследовала мысль: «Как сделать, чтобы я мог ходить? Неужели все кончено?»

И вот, увидев советский кинофильм «Повесть о настоящем человеке», с трудом передвигавшийся Алоиз наконец получил ответ. «Я буду ходить во что бы то ни стало! Стану нужным для страны человеком!»

Изготовлены первые протезы. Превозмогая мучительную боль, он учился ходить. Иногда наступали минуты отчаяния. Но всегда перед глазами Алоиза был пример советского летчика.

А. Шейнер встретился с приехавшим в Чехословакию Борисом Полевым. Советский писатель подарил ему свою книгу «Повесть о настоящем человеке» с автографом: «Дорогому другу — чешскому Маресьеву».

— Эту встречу, — рассказывает Алоиз, — я запомнил на всю жизнь.

А вскоре Алоиз познакомился и с самим Алексеем Петровичем Маресьевым. Они подружились, часто пишут друг другу хорошие, теплые письма. Так мужество, сила воли, настойчивость победили недуг.

Давнишняя мечта Алоиза Шейнера сбылась. Сейчас он один из лучших трактористов Пильзенской МТС в Чехословакии.

Г. БОРОДИН

А. Шейнер (справа) беседует с отдыхающими санатория «Украина».

Фото автора.

Балтика—море мира

Оживленно на морских путях Балтики. С запада на восток и с востока на запад плывут корабли: белоснежные лайнеры, низко сидящие танкеры, рыболовные флотилии, рефрижераторы. И вдруг в этом многообразии турбинных, дизельных и дизель-электрических судов, словно голубь среди самолетов, появляется белоснежная шхуна под парусами.

Она идет из Ростока — главного порта Германской Демократической Республики. В ее экипаже — молодые немцы, любители парусного спорта, люди разных профессий: студенты, рабочие, служащие, учителя. Всех их объединила одна благородная цель — содействовать делу мира.

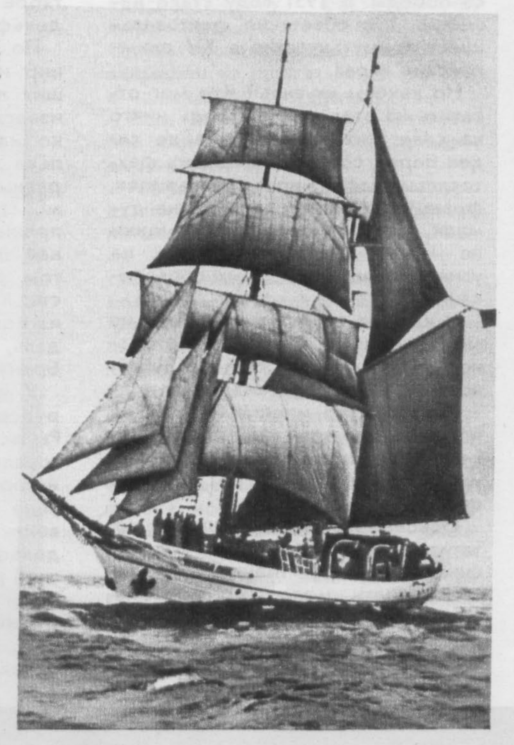
Тепло встретили немецких друзей молодые ленинградцы. В порту на причале сразу же завязалась оживленная беседа. В центре внимания оказался радист Хорст Линднер. Он житель германской столицы, учится в электротехникуме, страстный коротковолновик...

— Вы недавно из Берлина? — спрашивают ленинградцы. — Расскажите, что там нового?

Радист Хорст Линднер беседует с ленинградскими девушками.

Фото автора.

Шхуна «Вильгельм Пик».

— Нового очень много, — отвечает Линднер. — Застраиваются целые кварталы. Молодежь занята на стройках, ликвидирует последствия войны. Теперь осталось избавиться от оккупационного режима, заключить мирный договор. Немецкая молодежь очень ценит братскую помощь народов Советского Союза. Приглашаем к нам в гости, в молодежный лагерь под Ростоком.

А. БРОДСКИЙ

Это осталось «за кадром»

Бывает подчас так, что во время съемки фильма возникают неожиданные осложнения, происходят эпизоды, вовсе не предусмотренные сценарием. Немало историй, которые остаются «за кадром», могли бы рассказать зрителям создатели кинолент.

...Сейчас экранизируется повесть М. Горького «Фома Гордеев». Для съемки одного эпизода понадобилось воссоздать кафешантан на Нижегородской ярмарке. В его зале был круглый вращавшийся пол. Когда его запускали, посетители за столами, официанты с подносами вертелись, как на карусели.

Кто бы мог подумать, что через полвека придется добывать планы, чертежи, сведения для того, чтобы воспроизвести копию кафешантана.

На экране зрители увидят «технику», приводившую в движение пол шантанного зала.

Люди в мешковинах, рубищах и лаптях, с нательными крестами на обнаженной груди из вечера в вечер, налегая на «механизмы», крутили пол. А наверху под бравурную музыку «гуляли», пьяно кричали купцы и чиновники, вертелись на карусели.

В ролях «крутильщиков» снимаются наделенные от природы богатырской силой студенты Московского института физкультуры Лукашев, Стасура, Иванов, студенты МИИТа Темерев и горного института Галинский и даже чемпион Советского Союза по борьбе Парфенов.

По сценарию в нескольких эпизодах девочка лет десяти должна была исполнить роль Любы Маякиной в детстве. Пригласили школьницу Люсю Никифорову.

Когда же все эпизоды с ребенком были сняты, режиссер М. Донской с удивлением узнал, что в одной и той же роли снимались две девочки: Люся и ее сестренка Ира.

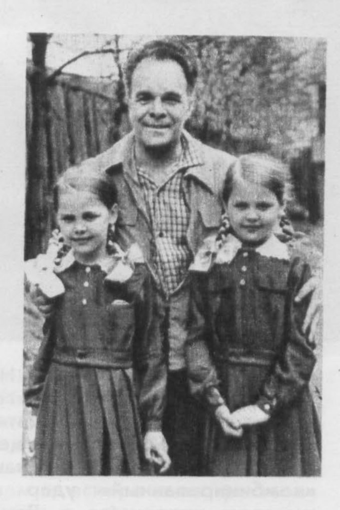
— Почему снимать будут Люсю, а не меня? Разве я не такая же самая? — с плачем спрашивала Ирочка маму.

И, чтобы не обижать дочек, мать близнецов пошла на хитрость: привозила девочек на съемки по очереди: на одну — Люсю, на другую — Иру.

Таким образом, маленькую Любу Маякину сыграли две «актрисы». Никто на студии не заметил «подлога». Не заметит его и зритель. Только, очевидно, в титрах придется указать, что одну роль исполнили Люся и Ира Никифоровы.

На память о таком необычном случае постановщик фильма М. Донской снялся с обеими девочками.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

Режиссер М. Донской с Люсей и Ирой Никифоровыми.

Фото В. Кузина.

После выступления «ОГОНЬКА»

«КТО ЖЕ ПРАВ!»

В статье «Кто же прав?», опубликованной в № 41 журнала «Огонек» за 1957 год, ставился вопрос о широком применении на грузовых автомобилях четырехтактных дизельных двигателей. В редакцию поступило много писем, в которых читатели интересуются судьбой этого быстроходного, мощного и экономичного двигателя.

Вот что сообщил по этому поводу директор Центрального автомобильного и автомоторного института М. Пашин:

— В 1959—1965 годах предусматривается расширение выпуска автомобилей с дизельными двигателями. Сейчас на Ярославском моторном заводе разрабатывается конструкция и строятся образцы целого семейства новых моделей четырехтактных дизелей. Они заменят на машинах двухтактные двигатели, которые изготавливались здесь раньше. При этом учитывается опыт работы над двигателем «ДБ», о котором шла речь в журнале «Огонек».

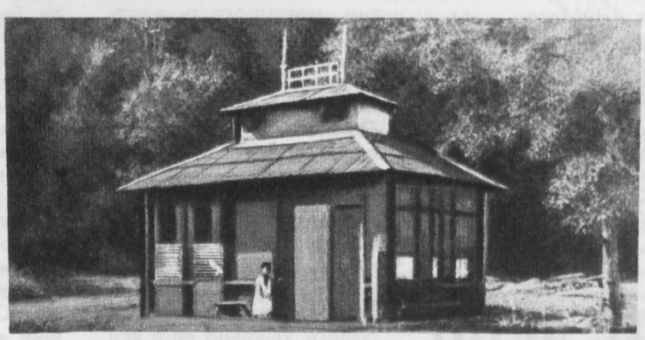
Завод выпустил уже первую партию новых двигателей и готовится к выпуску второй.

ДО КРАЯ

Ванное здание Мацесты сегодня.
Фото В. Аврискина.

Пещера и город-сад

Ванное здание до революции.

Под скалой, окруженной вековыми буками и густым кустарником, темнеет вход в пещеру. А неподалеку высится белокаменный дворец, к которому по асфальтовой магистрали подкатывают автобусы.

Многие тысячи отдыхающих принимают целебные ванны в здании Сочи-Мацестинского курорта. Но мало кому известно, что именно в этой мрачной пещере по соседству был открыт первый источник Мацесты — «огненной воды».

Еще в 1886 году русские военные врачи определили химический состав мацестинской воды. Но только спустя 12 лет «по высочайшему повелению» была образована комиссия для обследования Черноморского побережья и подыскания места для курорта. Понадобилось еще 6 лет, чтобы министр земледелия дал подряд коммерсанту на строительство.

И вот наконец 14 июня 1909 года в Сочи открылась «Кавказская Ривьера» — собственность акционерного общества. Надпись «Курорт Ривьера» и дата постройки до сих пор сохранились на фасаде первой сочинской здравницы.

Молодой курорт имел четыре гостиничных корпуса, собственную электростанцию, водопровод и канализацию, водо-свето-электролечебницу, театр на 650 мест, гараж автомобилей, конюшню для любителей верховой езды, лодочную станцию, казино. А в самом городе Сочи жители пользовались керосиновыми лампами и воду привозили в бочках из горных рек.

С той поры прошло полвека. Сегодня Сочи-Мацестинский курорт раскинулся на десятки километров по живописному берегу Черного моря; пятьдесят крупных санаториев, несколько пансионатов, курортных поликлиник и гостиниц красуются среди зелени и цветов. Полмиллиона человек лечилось и отдыхало здесь в прошлом году.

А ныне, в первом году семилетки, ожидается 600 тысяч гостей из всех уголков страны.

Город-курорт подготовился к приему. Кроме шести новых санаториев и гостиниц, которые скоро вступят в строй, открыты 13 палаточных городков. В них уже отдыхает первая тысяча человек.

Много новинок в лечебной практике. Санаторные поликлиники будут обслуживать не только «своих» больных, но и людей, прибывающих на курорт без путевок. Впервые широко применяется для лечения мацестинская вода высокой концентрации из вновь открытых источников. При восьми санаториях смонтировано оборудование для душа-массажа. Это — новое средство лечения нервных заболеваний.

Открыты новые летние столовые и буфеты. На общегородских пляжах построены новые душевые павильоны и гардеробы. К услугам купающихся множество легких парусиновых кресел, шезлонгов, топчанов, зонтиков от солнца, кругов для плавания. Значительно удлинена набережная.

В Сочи высажено 60 миллионов корней роз и других цветов.

И. ЗАЙЦЕВ, П. МОРОЗОВ

Счет Анны Степановны

На снимке: Анна Степановна Таскина сдает шкуру рыси приемщице пушнины М. Е. Строковой в городе Верхотурье.
Фото И. Исакова.

Этой подвижной моложавой женщине никак не дашь ее шестидесяти семи лет. Профессия у Анны Степановны Таскиной необычна. Анна Степановна — охотница. Часто выходит она в тайгу, опоясанная патронташем, с ружьем за плечами и никогда не возвращается с пустыми руками.

— У Анны Степановны «охотничья косточка»,— с уважением отзываются о ней бывалые таежные следопыты.

Необычно сложилась жизнь А. С. Таскиной. Профессиональным охотником она стала в 1938 году, после смерти мужа, известного на Северном Урале зверолова. Тогда, в возрасте 46 лет, она впервые собралась в тайгу на самостоятельный промысел.

— Брось, Анна, не женское это дело,— уговаривали ее соседи и родные.

Но Анна Степановна настояла на своем. Ведь многие годы она была верной помощницей мужу, хорошо изучила лесные тропы, повадки зверей, всю жизнь занималась ружьями, капканами.

Вскоре она удивила односельчан, вернувшись со шкурой первого убитого медведя. Теперь на охотничьем счету отважной женщины 36 медведей, множество ценных пушных зверей.

И счет этот продолжается. Вот недавно Анна Степановна вернулась домой, в Верхотурье, с новым трофеем — шкурой рыси. Охота за этим коварным хищником была нелегкой. Ему удалось сорвать капкан, поставленный Таскиной, и взобраться на высокую сосну. Но и там настигла зверя меткая пуля охотницы.

А. ГРИГОРЬЕВ

Победил Михаил Таль

Сало **ФЛОР**,
специальный корреспондент «Огонька»

Когда после одиннадцатого тура Михаил Таль оторвался на полтора очка, то казалось, что финиш будет без волнений. Некоторые даже думали, что Таль сумеет повторить рекорд А. Алехина, который в 1934 году здесь же, в Цюрихе, набрал 13 очков из 15 возможных и стал победителем. Но достаточно было одной ошибки Таля в партии с Г. Барца в двенадцатом туре и легкомысленной игры с С. Глигоричем в следующем туре, как Таль «выпустил» из рук рекорд и поставил верную свою победу под вопрос.

Но Таль был спокоен и даже доволен.

— Я играю хуже, когда имею слишком большой запас очков, я люблю «балансировать на канате», люблю более острые и напряженные положения.

Предпоследний тур дал в основном ответ на вопрос: Таль или Фишер? Таль примерно за два часа игры «растерзал» чемпиона Голландии И. Доннера. Через несколько минут после капитуляции к Доннеру подошел человек с протянутой рукой, и голландец вручил ему 5 франков. Дело в том, что Доннер имел неосторожность заключить пари, что Талю он не проиграет. За эту излишнюю уверенность Доннер и поплатился небольшим штрафом.

Видимо, Фишер не всех участников турнира считал серьезными соперниками. Во всяком случае, он не сомневался в победе над швейцарским мастером Д. Келлером. Но Келлер сначала защищался, а затем перешел в атаку. Ни находчивость, ни упорство не спасли юного американца. Обидное поражение в самый напряженный момент турнира! Шестнадцатилетний Фишер, с трудом сдерживая слезы, протянул руку Келлеру.

Это случилось днем, а уже через несколько часов Фишеру надо было начать партию последнего тура с Талем. Это была «центральная» партия. С нетерпением зрители ждали появления двух талантливых молодых людей, которые сразу же стали предметом атаки со стороны многочисленных фоторепортеров. Кто победит? Советский или американский гроссмейстер? Михаил Таль явился на поединок в «парадной» форме: в синем костюме и даже в галстуке. Это был мужественный поступок, если принять во внимание, что в Цюрихе стояла тропическая жара. Американец же не придавал партии такого «торжественного» значения и явился в своей ковбойке.

Когда двое спорят, радуется третий. Третьим мог оказаться С. Глигорич: в случае поражения Таля и своего успеха в последнем туре он мог оказаться на первом месте. Именно этим была усложнена задача Таля. Особенно «балансировать» нельзя было. Но, верный своему характеру, Таль все же захотел «раздразнить» Фишера. Американец блестяще вел защиту, и Таль решил заехать в ничейную гавань.

Теперь уже исход турнира зависел от встречи И. Купера с С. Глигоричем. Купер прекрасно защищался и свел партию к ничьей. Эта ничья не позволила Глигоричу догнать советского гроссмейстера. Победителем стал Михаил Таль.

Турнир кончился. Последний тур был особенно напряженным. Около Конгрессхауза можно было заметить автомобили разных марок: болельщики из разных стран приехали смотреть партию Таль — Фишер.

Блестящая победа Михаила Таля вполне заслужена. Свои партии он вел в напряженном, изящном стиле, и это сделало его очень популярным среди зрителей. Недаром швейцарцы устроили шумные овации советскому гроссмейстеру, когда на торжественном закрытии ему вручали первый приз. Всех участников наградили золотыми часами. «Не попадайтесь с этими швейцарскими часами в цейтнот»,— шутил президент клуба А. Наглер.

С. Глигорич доволен своим результатом — вторым местом. П. Керес долгое время находился среди лидеров, но в конце турнира явно чувствовалась его физическая усталость.

Боби Фишер провел турнир хорошо и разделил с Кересом третье — четвертое места. Турнир был для него отличной школой.

Попутно Боби, возможно, прошел и курс воспитания. Во всяком случае, он стал неузнаваем: был вежлив, начал даже здороваться со старшими.

Правда, в самый последний момент он «подвел»: на закрытие турнира Фишер опоздал на полтора часа. Аплодисменты при его появлении смутили молодого гроссмейстера. Он присел за наш стол.

— Боби, почему вы опоздали?

С детской улыбкой, как ни в чем не бывало, Фишер ответил:

— Я смотрел Цюрих. Очень красивый город! Во время турнира мне было некогда!

Фишер остается в Европе до осени — до турнира претендентов, который состоится в Югославии. Американец уверяет, что в течение лета играть не будет. Но что-то не верится. Уж слишком Боби любит шахматы. Не успел кончиться турнир, участники устали и складывают шахматы, а Боби предложил кому-нибудь из гроссмейстеров сыграть с ним... 10 партий блиц.

Партнера, естественно, не нашлось. Ему сказали: «Хватит, пора отдохнуть».

Давайте и мы, читатели, отдохнем от шахмат. Сейчас ведь летний курортный сезон. Перерыв до осени — до турнира претендентов.

Цюрих.

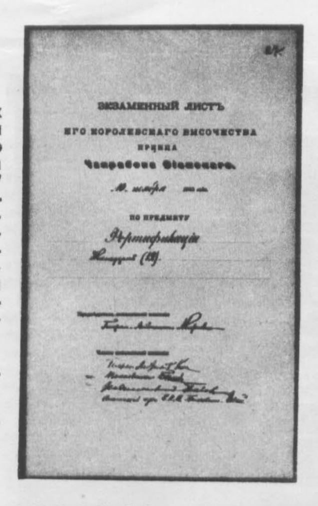

БУХАРСКИЙ МИНАРЕТ

В Бухаре сохранились 36 древних памятников, которые находятся под охраной государства. Особенно интересен минарет при соборной мечети Калян, построенный в 1127 году. Каменный столб, слегка суженный вверху и увенчанный цилиндрическим фонарем с 16 оконными проемами, сложен из обожженного кирпича. Хитроумная кирпичная кладка образует красивый орнамент. Внутри минарета — винтовая каменная лестница в 104 ступени. Минарет был одним из самых высоких сооружений в Средней Азии.

На минарет поднимались глашатаи, призывавшие верующих. Кроме того, здесь находился постоянный караул, который следил за появлением на горизонте врага. С башни сбрасывали присужденных к смертной казни. Поэтому минарет иногда называют «башней смерти».

Бухара. **Т. ГЕЛАХ, кандидат исторических наук**

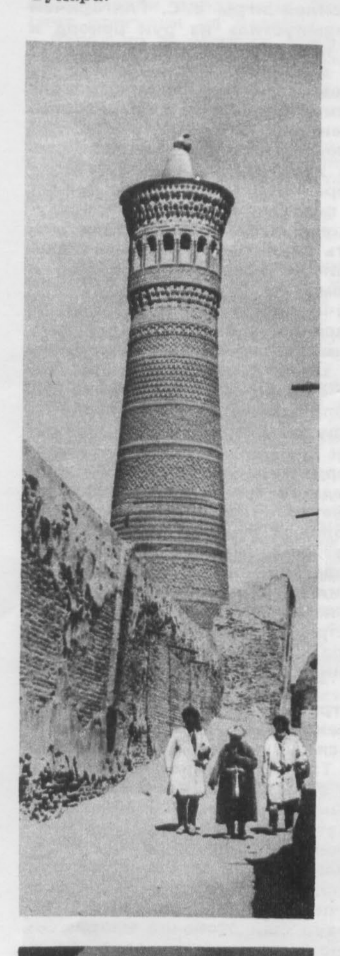
ЭКЗАМЕНЫЙ ЛИСТЪ
ЕГО КОРОЛЕВСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ПРИНЦА
Чакрабона Сіамскаго.
ПО ПРЕДМЕТУ
Фортификаціи

УЧЕНИКИ ЦЕЗАРЯ КЮИ

Известный русский композитор Цезарь Антонович Кюи был талантливым военным инженером. Изучение фортификации в военных училищах в конце прошлого и начале нашего века велось главным образом по его трудам.

В Центральном государственном военно-историческом архиве хранятся послужной список и другие документы о военной деятельности Кюи. В 69 лет он был произведен в высший чин — инженер-генерала. Среди учеников Ц. А. Кюи были не только русские, но и болгарские, сербские и даже сиамские офицеры. Принц Сиама Чакрабон и его адъютант Найпум с 1898 года обучались в России и в 1903 году были приняты в Академию генерального штаба. Ц. А. Кюи был одним из преподавателей академии. Ему и сдавали экзамены зарубежные офицеры.

Н. ЖУКОВСКАЯ, А. ШНЕЙДЕР,
научные сотрудники Центрального государственного военно-исторического архива

СОН В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Олег ШМЕЛЕВ

Каждое уважающее себя коллективное хозяйство, конечно же, имеет своего посыльного. По тому, какие средства передвижения имеются в распоряжении посыльного, можно довольно точно определить материальное состояние хозяйства. Если, скажем, посыльный мчится с депешей в дальнюю бригаду на мотоцикле марки «ИЖ», значит, будьте уверены: это колхоз богатейший. Мотоцикл поменьше говорит о колхозе просто богатом. Крепкие колхозы средней руки оснащают своих посыльных дорожными велосипедами с ручным тормозом, звонком, нарульной фарой и багажником.

У посыльного артели «Луч» имеется велосипед с фарой, и этим он не отличается от своих собратьев. Но в остальном он совершенно особенная личность.

Вот, например, взять хотя бы сон. Сколько может проспать в сутки человек средних способностей? Ну, десять, ну, от силы двенадцать часов. А Сенька, по прозвищу Академик, по точным подсчетам, мог проспать в сутки двадцать два часа. Он мог спать сидя, вверх ногами, стоя на одной ноге и, конечно, лежа. Он мог спать везде: на лавке, под лавкой, на крыше, на заборе, на дереве, под деревом, на кровати и, конечно, в копне. И тут надо отметить, что Академику всего лишь семнадцать лет, так что у этого молодого умельца еще все впереди и он вполне может достигнуть новых, еще более высоких показателей.

В общем, теперь, когда вам ясно, с кем вы имеете дело, можно приступить к рассказу.

Все это произошло в тот день, когда в колхозе «Луч» заседала выездная сессия сельскохозяйственного научно-исследовательского института. Из областного центра приехали ученые, со всей округи съехались агрономы, председатели колхозов, бригадиры. Собрались в колхозном Доме культуры, новом, только-только поставленном.

Председатель колхоза Егор Петрович организовал все очень хорошо. Он и вообще всегда любил порядок, чтобы, как говорится, все было чин по чину, а тут ради такого выдающегося события — не в каждом колхозе подобные заседания собирают! — он уж постарался, как никогда.

На сцене стоял большой дубовый стол, накрытый зеленой бархатной скатертью. В глубине сцены на маленьком столике матово поблескивал экран громадного телевизора, тоже нового, только-только привезенного, — еще и картонную коробку, в которую он был упакован, не успели выбросить, она стояла за кулисами. Сбоку у большого стола возвышалась кафедра, тоже новая, специально к этому дню сделанная; от нее смолисто пахло хвойным лесом, она еще не успела засохнуть на заседаниях.

На каждое кресло в партере был положен блокнот и мастерски очиненный карандаш. Между прочим, карандаши двое суток подряд чинил колхозный счетовод. Он набил себе на руках большие мозоли.

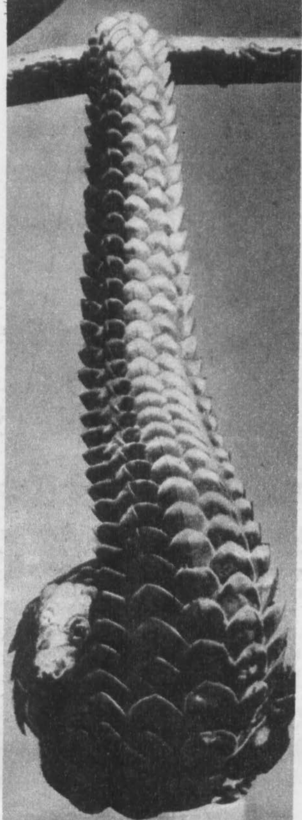
Одним словом, Егор Петрович знал толк в организации всяческих заседаний.

Когда все собрались и уселись по местам, председательствующий огласил повестку дня, и сессия началась.

И вот тут-то и произошло маленькое событие, о котором стоит рассказать.

Из правления прибежал счетовод и, найдя Егора Петровича, сидевшего в первом ряду, сообщил ему, что сейчас звонил председатель колхоза, расположенного за рекой. Он немного задержался, а теперь торопится на заседание и просит выслать за ним на тот берег лодку, ибо иного способа попасть на этот берег нет.

Колхоз «Луч» держит перевоз, которым пользуются за известную небольшую плату все, кому приходит охота ездить с берега на берег. У маленькой пристани шевелятся на волне две добротные лодки: одна — плоскодонка, другая — килевая. Возле самой воды стоит домик о двух окнах, и живет в нем начальник перевоза дед Сергей. Он туг на ухо, и не всякому удается докричаться с того берега, чтобы он подал лод-

Панголин

Животное, похожее на кукурузный початок, называется «панголин» и живет в Азии и в Африке. Длина панголинов достигает полутора метров. Одни виды панголинов ведут наземный образ жизни, другие — древесный. Питаются в основном муравьями и термитами. Во рту у панголина — длинный язык, зубы отсутствуют. Вся верхняя сторона тела и хвост покрыты крупными роговыми чешуями, которые могут подниматься и опускаться. Панголины активны только ночью, днем они спят.

Объектив запечатлел панголина, когда он, удобно зацепившись хвостом за сук дерева, приготовился спать.

А. РЕВИН

Гигантская черепаха

В вольере зоопарка Калькутты живут слоновые черепахи. По величине они почти равны пасущимся тут же антилопам. Робкие парнокопытные привыкли к своим неповоротливым соседям и подчас едят с ними из одной кормушки.

Слоновые черепахи обитают только на суше и отличаются очень большими размерами. Длина их панциря достигает 1,5 метра, а вес — 400 килограммов. Слоновая черепаха живет до 200 лет.

Раньше черепахи водились на островах Тихого и Индийского океанов. Открытые в XVI веке Галапагосские острова (в переводе — «черепашьи») были так названы из-за обилия этих пресмыкающихся. Но с середины XVIII века началось истребление слоновых черепах, привлекавших мореплавателей и промысловиков вкусным и питательным мясом. Сейчас такие черепахи — редкость.

А. АБРАМОВ
Фото автора.

Героиня эстонского эпоса

В журнале «Огонек» я прочитал заметку о памятниках литературным героям. Она доставила мне по возвращении из плавания большое удовольствие. Я очень хотел бы увидеть на страницах журнала сообщение о памятнике Линде — героине эстонского эпоса.

Г. А. Яффе,
капитан дальнего плавания

Владивосток.

Удовлетворяя просьбу товарища Яффе, а также пожелания других читателей, действительный член Академии наук Эстонской ССР Пауль Александрович Аристэ рассказал:

— Памятник Линде, матери эстонского народного богатыря Калевипоэга, поставлен на горе Харью в Таллине. Памятник — работа эстонского скульптора А. Вейценберга.

По преданиям, наиболее древняя часть Таллина, Тоомпеа, или Вышгород, является могильным холмом богатыря Калева. Этот холм представляет собой довольно большое возвышение из плитняка. Он сложен, как говорит эпос, Линдой в память о своем муже, отце героя эстонских сказок Калевипоэга. Линда носила камни в переднике, и один громадный камень выпал у нее из рук на горе Ласнамяги. Линда присела от усталости на этот камень. Она горько оплакивала Калева, и от ее слез образовалось озеро Юлемисте на южной окраине Таллина. Этот камень до сих пор выступает из озера. Финский волшебник Тууслар решил увезти Линду в свою страну, но она воспротивилась. Похищенная Линда обратилась к богам с мольбой, чтобы они превратили ее в камень. И вот в камне, находившемся на городище Иру, народная молва увидела черты окаменевшей Линды. Этот камень был уничтожен немецким помещиком в середине прошлого века.

Памятник Линде сооружен в Таллине потому, что, по преданиям, основание города тесно связано с ее именем. Линда является символом женской преданности и скромности, а ее сын Калевипоэг храбро защищал эстонский народ от иноземных захватчиков, особенно от нападений немецких псов-рыцарей.

Эстонский народный эпос «Калевипоэг» переведен на русский язык и неоднократно был издан в Москве и Таллине. В его первых двух главах поется о происхождении, свадьбе и дальнейшей судьбе героини эстонского народа Линды.

ку. И махание руками тоже не поможет, так как дед Сергей — великий любитель чтения и взор его постоянно уперт в книгу.

Счетовод, когда передавал свое сообщение Егору Петровичу, добавил от себя, что тот председатель разговаривал охрипшим голосом: видать, простудился. Значит, ему уж никак не установить контакта с дедом Сергеем.

Оценив положение, Егор Петрович шепотом распорядился:

— Найди посыльного, пусть срочно слетает на перевоз.

Счетовод выдвинул ответный план действий:

— Да я сам до перевоза мигом!..

До перевоза действительно можно было добежать одним мигом: ведь от правления до домика деда Сергея триста метров, заметьте — всего триста метров! Но все-таки это предложение счетовода было ошибочным, ибо счетовод на секунду забыл, до какой степени Егор Петрович любит порядок.

— Вот что, товарищ Пронькин,— сказал Егор Петрович,— ты мне тут анархию не разводи. Сказано: есть посыльный для таких операций — и пусть каждый исполняет, что ему положено по должности.

Счетовод, поняв свою ошибку, повернулся кругом через правое плечо и отправился выполнять поручение.

Придя в правление, счетовод Пронькин совместно с бухгалтером составил план поисков Академика. Так как день был жаркий, то они вполне резонно рассудили, что в первую очередь Академика надо искать в прохладных местах, как-то: а) в березовой роще, которая находится в полутора километрах от деревни; б) в овраге, что в километре за скотным двором; в) в колхозном парке, разбитом на берегу реки в восьмистах метрах от деревни; г) под опрокинутым старым тарантасом, который брошен кем-то за негодностью в двух километрах от деревни на большаке; д) в лугах, где держалось заскирдованное сено, в трех километрах отсюда, и, наконец, е) за рекой, в сосновом бору, принадлежащем как раз тому колхозу, председатель которого торопился сейчас на заседание.

Наметив эти шесть пунктов и разделив их между собой, счетовод и бухгалтер пошли в гараж, первый сел в председательскую «Победу», а второй — в пятитонный колхозный грузовик (двухтонные все были в разъезде), и поиски начались. Бухгалтер должен был объехать пункты а, б и в, а счетовод — г, д, е.

Бухгалтер в трех своих пунктах никого не обнаружил и ни с чем вернулся в контору. Счетовод к тому времени успел побывать лишь в двух пунктах, так как очень долго пришлось вести розыски в лугах: скирд много, и каждая скирда такая громадная, что в ней человек может затеряться, как иголка в обыкновенном стогу. Облазив все скирды, Пронькин отправился в последний пункт, е — за реку, в сосновый бор.

«Победа» подкатила к домику деда Сергея; Пронькин выскочил из нее, распахнул дверь домика и крикнул:

— Бросай читать, дед! Срочно лодку мне!

Дед Сергей дочитал абзац до конца, положил толстую книгу на стол и поднялся.

— Ай беда какая? Почто такая срочность? — спокойно спросил он.

— Беда не беда, а надо быстро,— объяснил Пронькин.

Пошли к лодкам. Дед Сергей отомкнул замок на цепи, которой была причалена плоскодонка, вставил весла в уключины и спросил:

— Перевезти тебя, ай сам погребешь?

— Ладно, сам,— сказал Пронькин и прыгнул в лодку.

Греб он хорошо, плоскодонка подвигалась быстро. На середине реки, оглянувшись, Пронькин увидел, что на том берегу стоит и радостно машет руками председатель заречного колхоза. Через пять минут плоскодонка ткнулась носом в песочек у ног председателя. Поздоровавшись, Пронькин кинулся бежать к бору.

— Стой! — окликнул его председатель.— Куда ты?

— Я сейчас! — отозвался Пронькин и скрылся вдали.

Председатель, как тигр, заметался туда-сюда возле лодки. Наконец Пронькин вернулся сильно расстроенный.

— Ну, поехали, что ли? — вне себя от нетерпения, охрипшим голосом спросил председатель.

— Я вас не повезу!

Председатель удивился:

— Как так? Я же лодку просил прислать, специально звонил!

— А так! — совсем обозлился Пронькин. — Во всем должен быть порядок. Пусть каждый исполняет, что ему положено по должности. Я счетовод, а не перевозчик. Вот найдем посыльного, он отвезет приказ деду Сергею, а тогда уж за вами лодка и придет.

Сказав так, Пронькин прыгнул в плоскодонку и поплыл обратно.

Председатель остолбенел. Он не мог вымолвить ни слова и просто стоял с широко раскрытым ртом. Ничего подобного он раньше не слыхивал и не видывал.

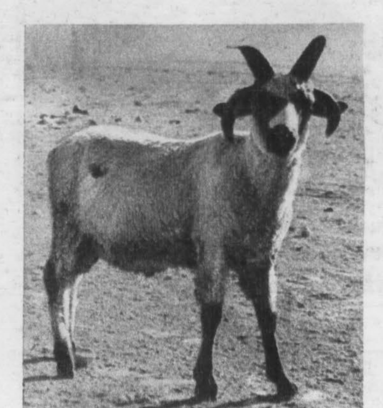
Через десять минут удрученный Пронькин докладывал разгневанному Егору Петровичу о принятых мерах и о их результатах. Разговаривали они шепотом, но их жаркий диалог был прерван вдруг громким треском на сцене.

Егор Петрович пошел за кулисы и увидел там такую картину: у стены стояла коробка из-под телевизора, одна стенка у нее была прорвана, и из дыры торчала пара ног. Приподняв крышку, Егор Петрович узнал в спящем посыльного Академика. Видно, он уже выспался, решил потянуться и прорвал ногами картон.

Вот и вся история. Через несколько минут Академик исполнил свои прямые обязанности: деду Сергею был доставлен приказ, и опоздавший председатель, хотя и к самому концу, прибыл на заседание.

Рисунки Е. Ведерникова.

С четырьмя рогами

На станции Карасай, Казахской ССР, я увидел в одной из отар четырехрогого красавца-барана и сфотографировал его, полагая, что такие животные встречаются редко. Не так ли?

Е. Широков

Доцент кафедры овцеводства Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева Михаил Федорович Леви ответил нашему корреспонденту:

— Встречаются изредка бараны не только с четырьмя рогами, но и с бо̀льшим количеством рогов. Так, например, среди овец карачаевской породы попадаются бараны с шестью и восемью рогами.

Занавес

Шутка

Всякий раз, когда спектакль близился к концу, Занавес очень волновался, готовясь к своему выходу. Как его встретит публика? Он внимательно осматривал себя, стряхивал какую-то едва заметную пушинку и выходил на сцену.

Зал сразу оживлялся. Зрители вставали со своих мест, хлопали, кричали «браво». Даже Занавесу, старому, испытанному работнику сцены, становилось немного не по себе оттого, что его так восторженно встречают. Поэтому, слегка помахав публике, Занавес торопился обратно за кулисы.

Аплодисменты усиливались. «Вызывают,— думал Занавес.— Что поделаешь, придется выходить!»

Так выходил он несколько раз подряд, а потом, немного поколебавшись, и вовсе остался на сцене. Ему хотелось вознаградить зрителей за внимание.

И тут — вот она, черная неблагодарность! — публика начинала расходиться.

Ф. КРИВИН

Ужгород.

Старый платан

«В Гудаутском районе Абхазской АССР расположено селение Ачандари. В центре его на зеленой лужайке стоит огромный платан, массивные ветви которого раскинулись на десятки метров. Для того, чтобы охватить ствол этого дерева руками, нужно не меньше десяти человек. Всадник и грузовая автомашина кажутся небольшими по сравнению со старым платаном».

Сухуми. **И. Чохонелидзе**

— Платаны, — сказал академик Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук Александр Сергеевич Яблоков, — быстрорастущие красивые деревья. Ими хорошо обсадить дороги на юге нашей страны. Аллеи могучих платанов живописны: это зеленые своды, дающие густую тень и приятную прохладу. Древесина платана славится своим красивым рисунком, она прекрасно полируется. Ее используют с большим успехом в столярном и токарном деле для изготовления паркета и некоторых частей шелкоткацких станков, а по прочности своей она пригодна и в кораблестроении.

Многие долголетние деревья представляют собой чудесные памятники далекой старины. С ними почти всегда связаны волнующие легенды, народные песни и даже исторические события. С помощью любителей декоративных растений интересно было бы составить увлекательный и полезный сборник рассказов о самых старых деревьях-великанах нашей Родины.

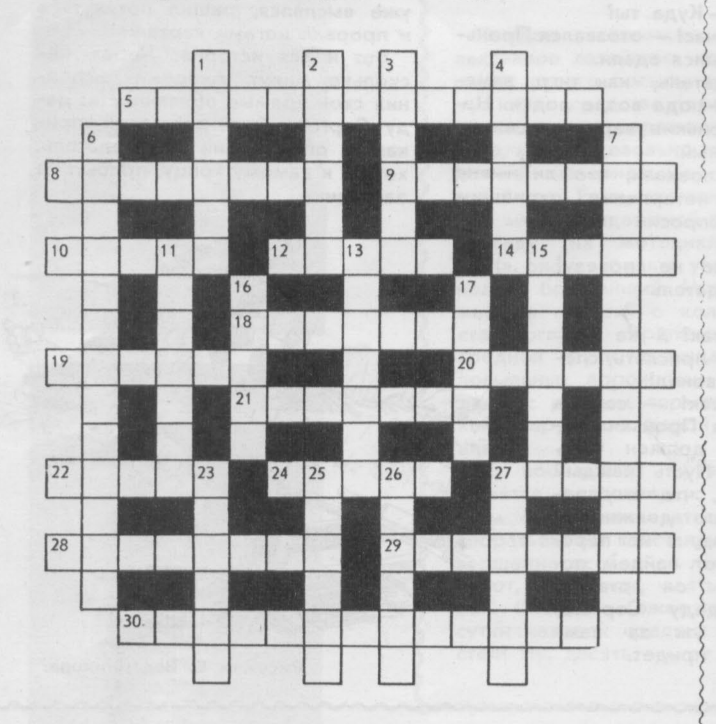
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Аппарат для преобразования напряжения переменного тока. 8. Животное отряда ракообразных. 9. Кондитерское изделие. 10. Залив Охотского моря. 12. Основное понятие математики. 14. Хвойные леса. 18. Роман Вальтера Скотта. 19. Часть речи. 20. Французский ученый XVIII—XIX веков. 21. Положение, принимаемое без доказательства. 22. Документ на выполнение работы. 24. Утес. 27. Остров в Эгейском море. 28. Слитное начертание букв. 29. Столица государства в Азии. 30. Художественная литература.

По вертикали:

1. Персонаж в поэме «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина. 2. Денежная единица Афганистана. 3. Басня И. А. Крылова. 4. Статуя, поддерживающая перекрытие здания. 6. Историческая область в Румынии. 7. Чувство признательности. 11. Государство в Европе. 13. Героиня поэмы С. Есенина. 15. Млекопитающее из рода лам. 16. Украинский писатель. 17. Пришивная полоска на женском платье. 23. Подробность. 25. Интервал в музыке. 26. Масса движущегося льда. 27. Часть здания.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

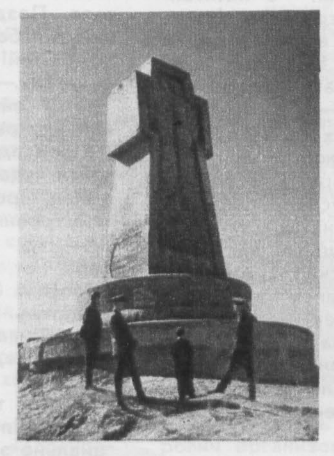
По горизонтали:

6. Лапта. 9. Ростова. 10. Берлиоз. 11. Ницца. 12. Банкрот. 14. Опытник. 16. Тактика. 17. Оттиск. 18. Правда. 21. Никонов. 25. Пеликан. 26. «Рамаяна». 27. Анион. 28. Рефлекс. 29. Осокорь. 30. «Стоик».

По вертикали:

1. Планета. 2. Эпицентр. 3. Кабачок. 4. Колчан. 5. Станкостроитель. 7. Электродинамика. 8. Котлин. 13. Отчизна. 15. Панаева. 19. «Поединок». 20. Сеттер. 22. Инкассо. 23. Ориноко. 24. Янтарь.

Самая южная точка

«Дальше Кушки не пошлют» — эта поговорка бытовала среди офицеров царской армии. О военной крепости Кушке говорили, как об отдаленном и глухом месте. Попасть в Кушку значило все равно что оказаться в ссылке.

О прежней военной крепости сейчас напоминает лишь архитектурный памятник — крест, который одиноко высится над поселком. Железная дорога связывает поселок с областным центром Мары и столицей Туркменистана Ашхабадом. В Кушку приезжают туристы. И, конечно, они обязательно взбираются на гору, к памятнику, откуда виден весь утопающий в садах поселок.

Этот крест царское правительство воздвигло, утверждая границы, в самом южном населенном пункте страны. Но Кушка не самая южная точка страны. В восемнадцати километрах от поселка на границе установлен погранзнак. Это и есть самая южная точка нашей Родины.

Майор Н. ЗАЙЦЕВ

Лисси летит в Москву

В самолете «ТУ-104Б», летящем в Москву из Красноводска, внимание пассажиров привлек молодой человек, на коленях которого удобно устроилась маленькая лисичка. Подошли любопытные ребятишки. Стюардесса, подавая завтрак, положила на поднос двойную порцию сахара и пирожного. Но лисица ничего не ела. Ее, по-видимому, укачало, и она все время спала.

Володя Аристов — геофизик, шесть месяцев он провел в командировке на юге Туркмении. Как-то во время работы натknулись он на лисью нору, в которой было два детеныша. Геофизик забрал одного из них с собой. Лисси — так назвали зверька — играла во дворе, ела с кошкой и собаками и не стремилась убежать. Володе было жаль расстаться с Лисси, и он забрал ее с собой.

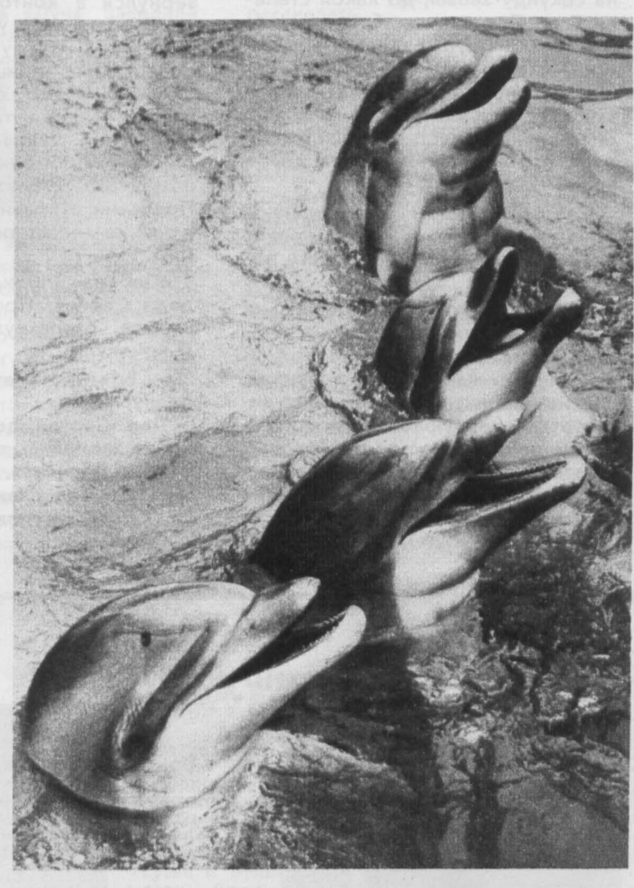
Лисси отлично знает свою кличку и на зов мигом подбегает к хозяину. Она серенькая, хвост — длинный. Когда лисица решила прогуляться по самолету, то кое-кто испугался, не разобрав, что это за зверь. Пожалуй, Лисси — первый зверек, который на стоместном самолете поднялся на высоту 9 тысяч метров и за 2 часа 45 минут добрался от Красноводска до Москвы.

Г. САНЬКО

Артисты из океанариума

В американском штате Калифорния находится Мэринлендский океанариум. От океана отделена лагуна, рядом построено несколько больших бассейнов. Там обитают мурены, скаты, акулы и даже два кита. Киты освоились со своим новым жилищем. Они хватают друг друга за плавники, толкаются, играют с водолазами, которые чистят бассейн. За небольшую подачку животные могут принести брошенную палку или спасательный круг.

На снимке, взятом из журнала «Лайф», вы видите дельфинов, прилетевших в океанариум самолетом на «гастроли» из Флоридского бассейна. Кажется, что они весело смеются, а на самом деле выпрашивают рыбу, чтобы подкрепиться перед выступлением. В программу входят прыжки через кольцо, плавание наперегонки и другие номера.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33, Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67. Фото — Д 3-35-48, Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 04069. Подписано к печати 10/VI 1959 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 770. Заказ № 1254.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

П. Терентьев. «Один с сошкой, семеро с ложкой».

В тобольской артели косторезов. Мастер Г. Хазов и ученик Геннадий Кривошеин.

Тобольские косторезы

Среди народных художественных промыслов давно славится мастерство косторезов древнего сибирского города Тобольска. Вы видите на этой странице скульптурную группу «Один с сошкой, семеро с ложкой», Уже нет в живых ее автора — Порфирия Григорьевича Терентьева, но традиции его реалистического искусства живут в творчестве молодых художников-косторезов.

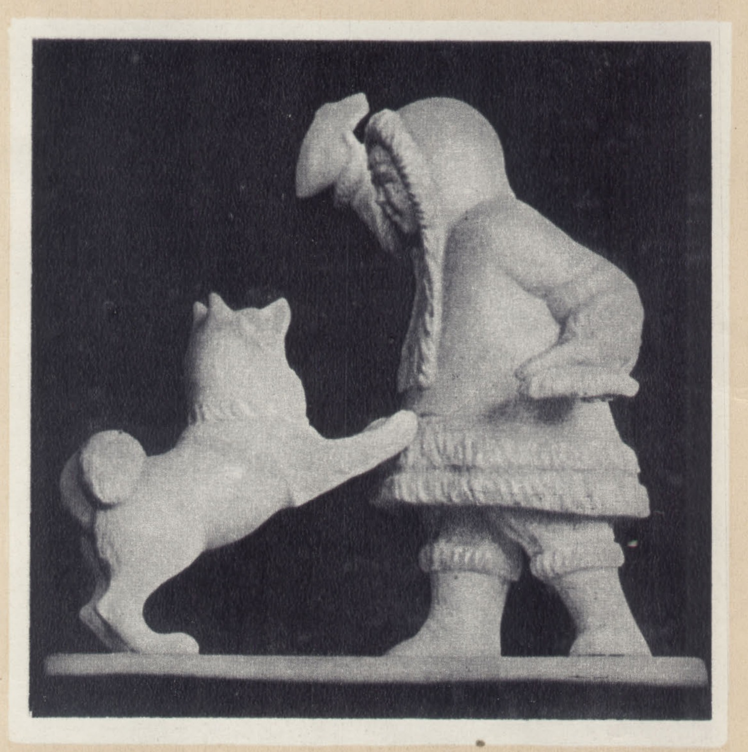
Сын колхозника, двадцатишестилетний Гавриил Андреевич Хазов черпает мотивы для своих работ из жизни Крайнего Севера. Подолгу бывает Хазов на рыболовецких участках, в оленеводческих колхозах. Наблюдает, фотографирует, зарисовывает. А вернувшись в мастерскую артели, садится за невысокий столик, раскладывает нехитрый инструмент. Большое нужно терпение, чтобы вырезать из ископаемой мамонтовой кости или зуба кашалота фигуру. Многие из скульптур, созданных Хазовым и его товарищами, экспонировались на Всемирной выставке в Брюсселе.

М. ЗЛАТОГОРОВ

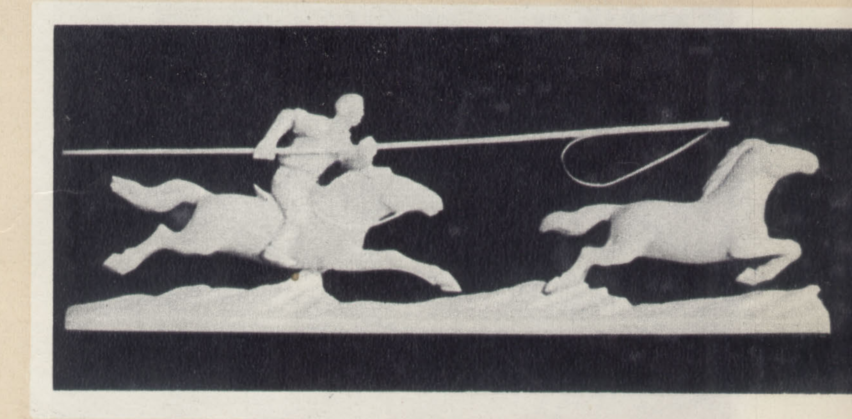
Фото И. Тункеля.

Н. Захаров. «Волк и кот».

Д. Шушканов. «Мальчик с собакой».

Г. Хазов. «Ловля лошади».

Ф. Федоров. «Охотник на олене». ↓

Цена номера 3 руб.